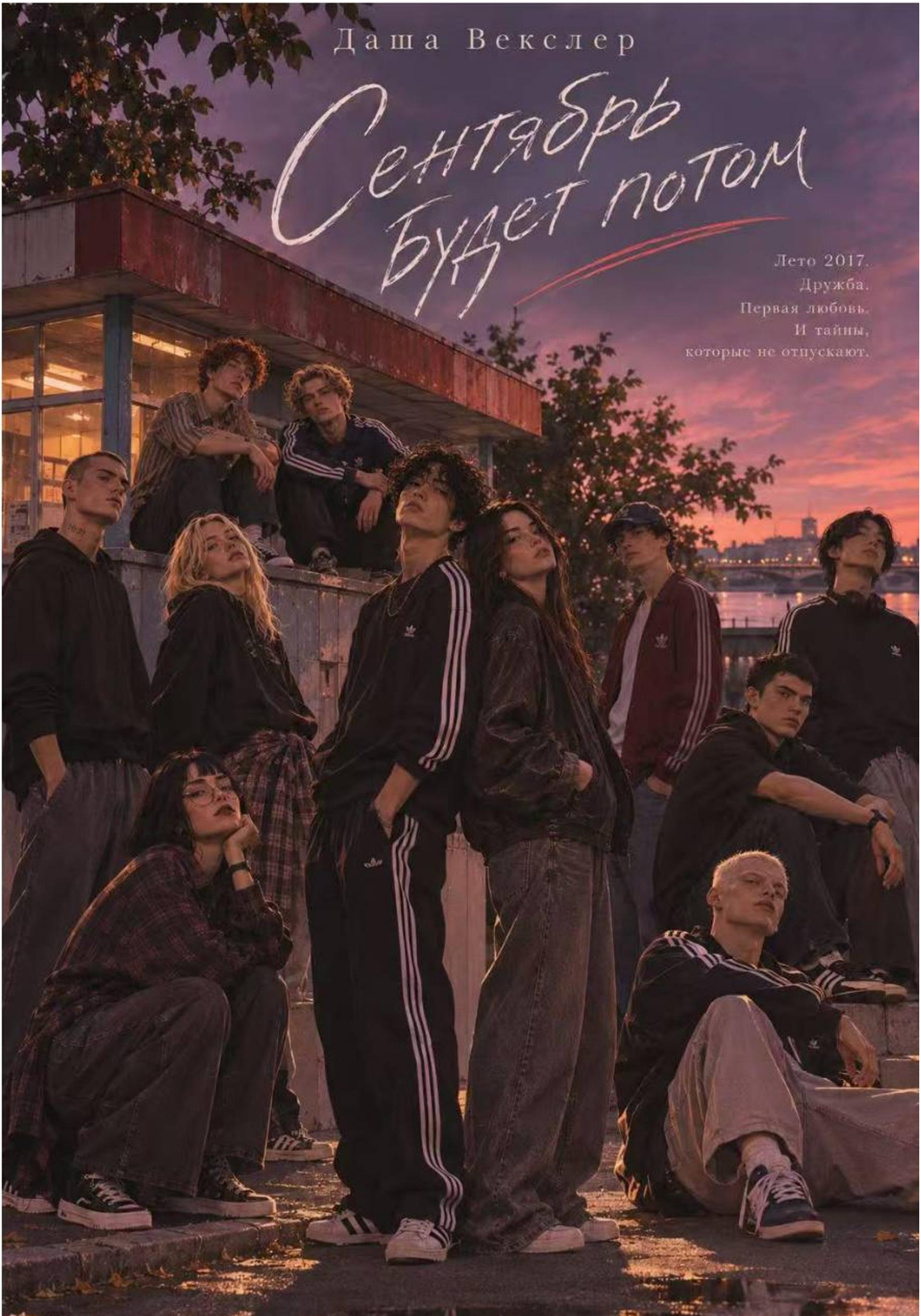

Даша Векслер
Сентябрь будет потом
Лето 2017.
Дружба.
Первая любовь.
И тайны,
которые не отпускают.

Даша Векслер

Сентябрь будет потом

«Автор»
2026

Векслер Д.

Сентябрь будет потом / Д. Векслер — «Автор», 2026

Нижний Новгород. Лето 2017 года.Дворы Автозаводского района, шумные компании, музыка из телефонных динамиков, ночные прогулки, бесконечные переписки и разговоры ни о чём. Кажется, впереди ещё целая вечность, а до сентября так далеко, что о нём даже не хочется думать.Вилену Цою шестнадцать. Он только закончил девятый класс и собирается провести каникулы так, как и положено: встречаться с друзьями, ввязываться в споры, смеяться над чужими шутками и делать вид, что его совершенно ничего не волнует.Вокруг него — люди со своими секретами, симпатиями, обидами и маленькими историями. Кто-то влюбляется, кто-то боится признаться, кто-то пытается казаться взрослее, чем есть на самом деле. А кто-то просто хочет, чтобы сегодняшний вечер не заканчивался.Это история о взрослении, дружбе, первых чувствах и времени, которое невозможно остановить.О лете, которое тогда казалось самым обычным.И о сентябре, который обязательно наступит. Только потом.

© Векслер Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Лето, которое никуда не торопилось 10
Глава 2. До Встречи. 45
Глава 3. Всё намного сложннее. 62
Глава 4. Сюрприз из Петербурга. 77
Глава 5. Пока не стемнело 115
Глава 6. Чужие следы. 128
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Даша Векслер
Сентябрь будет потом

Пролог

У нас во дворе всегда было слишком много людей и слишком мало места.

Летом это особенно заметно. Кто-то сидел на лавочке у третьего подъезда, кто-то гонял мяч на хоккейной коробке, хотя для этого вообще-то существовали футбольные поля, а кто-то просто стоял посреди двора с телефоном в руке, изображая, что очень занят. На самом деле все следили друг за другом. Кто пришёл, кто ушёл, кто с кем разговаривал и почему вчера один человек сидел с одними, а сегодня уже с другими.

В нашем районе вообще трудно было остаться незамеченным. Не потому, что здесь все друг друга знали, а потому, что все друг друга хотя бы раз видели.

Я жил в обычном доме. Не в том смысле, что у нас было плохо или тесно. Просто обычном: девять этажей, лифт, который иногда останавливался между этажами, знакомая с детства лестничная клетка и вечная надпись на стене возле почтовых ящиков. Её закрашивали несколько раз, но она всё равно появлялась снова. Кажется, автор считал это своим главным жизненным достижением.

Мама говорила, что я слишком много времени провожу на улице. Отец говорил, что в моём возрасте он уже работал в гараже и не жаловался. Они оба были правы, но я предпочитал не вмешиваться в их соревнование по воспитанию сына.

Отец почти всё время проводил в автосервисе. Иногда я заходил к нему после школы, хотя особого желания слушать про тормозные колодки и подвеску у меня не было. Зато там всегда можно было найти что-нибудь интересное, а ещё отец иногда давал мне ключи от машины, чтобы я переставил её на другое место. Он считал, что это большая ответственность. Я считал, что мне просто доверяют руль.

Мама работала в учреждении, где люди постоянно куда-то спешили, подписывали бумаги и разговаривали по телефону так, будто от каждого разговора зависела судьба страны. Дома она тоже любила порядок. Особенно в тех местах, где я оставлял свои вещи.

Вообще, у нас была нормальная семья. Мы не устраивали скандалов каждый вечер, не жили в роскошном доме и не испытывали особенных трудностей. Иногда я думал, что мне повезло, но вслух, разумеется, этого не говорил. В шестнадцать лет признать, что тебе в чём-то повезло, — почти то же самое, что добровольно проиграть спор.

Я закончил девятый класс и собирался провести лето максимально бессмысленно. В этом, на мой взгляд, и заключался смысл каникул. Никаких планов на будущее, никаких обещаний начать новую жизнь с понедельника. Просто просыпаться, когда захочется, писать друзьям, выходить во двор и возвращаться домой тогда, когда мама начинала звонить.

Хотя, если честно, домой я обычно возвращался не потому, что мама звонила. Просто телефон к тому времени уже разрывался от сообщений.

Макс мог написать три раза подряд, потом позвонить, а когда я наконец отвечал, спросить, почему я не отвечаю. Это была одна из его лучших черт: он умел раздражать меня даже на расстоянии. Мы дружили с шестого класса, и за это время я привык к его присутствию настолько, что иногда не замечал, как именно он оказался рядом.

С остальными всё было немного сложнее. У каждого имелись свои привычки, свои странности и собственное мнение о том, как правильно жить. Некоторые считали, что знают обо мне больше, чем я сам. Некоторые вообще слишком много о себе думали. Но, если убрать всё

лишнее, мы просто проводили время вместе. Иногда хорошо, иногда не очень. Чаще всего — как получится.

Я не собираюсь сейчас рассказывать вам, что мы были особенными. Не были. Мы могли час спорить о какой-нибудь ерунде, обижаться из-за сообщений, которые никто не так понял, и тратить деньги на вещи, без которых вполне можно было прожить. Мы знали, кто с кем встречается, кто кому нравится и кто кому что сказал на прошлой неделе. Нам казалось, что это очень важная информация.

Возможно, так оно и было.

Есть одна вещь, которую я тогда совершенно не понимал: жизнь редко выглядит как что-то значительное, пока ты в ней находишься. Обычно это просто череда дней, в которых ничего особенного не происходит.

Ты запоминаешь не события, а какие-то глупости: запах разогретого асфальта после дождя, звук мяча о металлическое ограждение, чужую музыку из открытого окна, сообщение, на которое почему-то не ответил сразу.

Я не знал, что всё это когда-нибудь станет воспоминаниями.

Да и сейчас не уверен, что вы должны мне верить. Я вообще не очень люблю, когда мне не верят, хотя сам периодически вру. Не специально. Просто иногда проще сказать, что всё нормально, чем объяснять, почему это не так.

В общем, если вы рассчитываете на историю о том, как однажды всё изменилось, то, наверное, придётся немного подождать.

Пока что был обычный Нижний Новгород, обычный двор в Автозаводском районе и обычное лето после девятого класса.

И я, которому казалось, что *впереди ещё сколько угодно времени.*

***

Если уж мы собираемся провести вместе какое-то время, наверное, стоит познакомиться поближе.

Меня зовут **Вилен Цой**. Мне шестнадцать, я закончил девятый класс и пока не решил, кем собираюсь стать. Впрочем, если спросить мою маму, я должен был определиться с этим ещё года два назад. Она вообще любит, когда у людей есть планы. Желательно подробные, с конкретными сроками и понятным результатом. Я так не умею.

Внешность у меня, говорят, запоминающаяся. Не знаю, насколько это правда, но слышал подобное достаточно часто, чтобы хотя бы не спорить. Я высокий — примерно метр семьдесят девять, худой, с тёмными волосами, которые никогда не лежат так, как я хочу, и глазами, которые почему-то постоянно пытаются рассмотреть поближе. Отец говорит, что я пошёл в его сторону, мама считает, что лицо у меня от неё. Я предпочитаю думать, что получилось неплохо.

У меня корейские черты лица от отца, хотя фамилия — не единственное, что нас связывает. Он вообще любит замечать во мне свои черты: то подбородок, то форму глаз, то выражение лица, когда я злюсь. Последнее особенно раздражает. Не потому, что он неправ, а потому, что ему нравится это признавать.

Отец — Игорь Ильсонович Цой. В нашем районе его знают многие, хотя сам он не особенно любит быть на виду. У него автосервис, и большую часть времени он проводит там. Может часами разговаривать о машинах, инструментах и деталях, названия которых я забываю через пять минут. Зато если у кого-то во дворе ломается машина, отец почти всегда знает, кому позвонить и что сделать.

Он не из тех людей, которые постоянно говорят о чувствах. Если хочет показать, что переживает за меня, скорее спросит, есть ли у меня деньги на дорогу, или предложит подвезти. Иногда может молча поставить передо мной тарелку с едой, если видит, что я весь день ничего толком не ел. Слова ему для этого обычно не нужны.

С ним мы похожи больше, чем мне хотелось бы признавать. Оба упрямые, оба не любим уступать в споре и оба можем несколько часов ходить с недовольным лицом, вместо того чтобы первыми начать разговор. Правда, отец хотя бы умеет вовремя остановиться. У меня с этим пока проблемы.

Мама — совсем другая история.

Она умная, собранная и умеет разговаривать так, что даже обычное замечание звучит как окончательное решение суда. Наверное, сказывается её работа и привычка иметь дело с людьми. Она всегда знает, где лежат нужные документы, когда у кого день рождения и кому нужно перезвонить. У неё есть мнение практически обо всём, и, что хуже всего, часто это мнение оказывается разумным.

От мамы мне досталась любовь к красивым вещам, хотя она бы сказала, что это не любовь, а нормальный вкус. Она обращает внимание на детали, умеет одеваться и никогда не выходит из дома так, будто собиралась всего лишь за хлебом. Даже когда мы с ней спорим, я замечаю, как она поправляет рукав или убирает волосы за ухо. Такие вещи почему-то остаются в памяти.

В нашей семье вообще было принято выглядеть прилично, здороваться со знакомыми и не разговаривать с набитым ртом. Отец мог прийти домой в рабочей одежде, с запахом машинного масла, а мама — после целого дня на работе, но за ужином всё равно находилось время обсудить, как прошёл день. Иногда я участвовал в разговоре, иногда просто сидел с телефоном, пока кто-нибудь не просил убрать его со стола.

Я единственный ребёнок. По крайней мере, в нашей квартире никто больше не претендовал на мою комнату, не доедал мои продукты и не брал без спроса зарядку. Хотя мама периодически говорила, что с моим характером ей хватает и одного сына.

Я не могу сказать, что у нас дома всё идеально. Мы ссоримся, спорим, иногда не понимаем друг друга. Отец может быть слишком категоричным, мама — слишком настойчивой, а я — слишком уверенным в том, что все вокруг обязаны учитывать моё мнение. Но я никогда не чувствовал, что мне некуда возвращаться. Дома меня ждали. Даже когда я задерживался, даже когда забывал предупредить, даже когда после очередного спора хлопал дверью своей комнаты чуть громче, чем следовало.

Мама всегда спрашивала, поел ли я. Отец — во сколько вернусь. Это были две разные формы одного и того же вопроса: всё ли со мной в порядке. Я, конечно, не всегда отвечал честно.

В школе я не был отличником, но и проблемным учеником меня назвать было нельзя. Учителя знали, что я могу учиться лучше, если захочу, и регулярно сообщали об этом родителям. Особенно нравилось классной руководительнице говорить, что у меня хороший потенциал. Я до сих пор не понял, что именно она имела в виду, но звучало приятно.

С людьми я обычно сходился быстро. Мне нравилось разговаривать, шутить, спорить, иногда специально выводить кого-нибудь на эмоции. Я не любил, когда меня игнорировали, и не особенно хорошо переносил ситуации, в которых последнее слово оставалось не за мной. Если я понимал, что неправ, это ещё не означало, что собирался сразу признаться.

Снаружи я мог выглядеть человеком, которого вообще ничего не волнует. На деле меня задевало больше вещей, чем я готов был показать. Просто я считал, что если не придавать чему-то значения вслух, оно рано или поздно перестанет иметь значение и внутри. Не всегда срабатывало.

Я любил музыку, одежду, долгие прогулки и фотографии, которые никто специально не планировал делать. Мог потратить полчаса на то, чтобы выбрать футболку, а потом сказать, что надел первую попавшуюся. Любил, когда замечали мою внешность, хотя делал вид, что мне всё равно. Иногда мог быть совершенно невыносимым, особенно если был уверен, что прав.

Но я не думал о себе как о каком-то сложном человеке. Мне казалось, что всё довольно просто: есть мои друзья, моя семья, мой район, мои дела. Есть лето, которое только началось, и целая куча времени, которое можно потратить как угодно. Наверное, именно поэтому я тогда никуда особенно не торопился.

Если спросить меня, что я больше всего любил в своём районе, я, наверное, не сразу смог бы ответить.

Здесь не было ничего особенного. Никаких красивых набережных под окнами, модных кофеен на каждом углу или мест, куда хотелось бы специально привести человека из другого города. Соцгород был обычным жилым районом со своими магазинами, остановками, дворами и домами, которые за долгие годы успели стать почти одинаковыми.

Но я знал его достаточно хорошо, чтобы не смотреть по сторонам, когда шёл по знакомой дороге.

Я знал, в каком магазине продавщица всегда недовольно смотрела на подростков, даже если те просто покупали воду. Знал, у какого подъезда постоянно сидели одни и те же мужчины, а возле какого дома лучше было не оставлять велосипед. Знал, где можно было переждать дождь, где ловил интернет и на какой лавочке вечером собиралось больше всего народу.

У каждого двора была своя небольшая жизнь. Кто-то постоянно играл в футбол, кто-то слушал музыку из колонки, кто-то сидел на качелях и обсуждал людей, которых даже не было рядом. Иногда казалось, что весь район существует исключительно для того, чтобы подросткам было где проводить время.

Мы редко задумывались, насколько всё это привычно. Просто выходили из дома, встречались, расходились, снова встречались. Никто не назначал официальных собраний и не составлял расписаний. Достаточно было написать в общий чат что-нибудь вроде «вы где?» — и через полчаса уже кто-то стоял у магазина, кто-то шёл со стороны остановки, а кто-то обещал подойти через пять минут, хотя все знали, что раньше получаса его ждать бессмысленно.

У меня было много знакомых. Не друзей в настоящем смысле, а именно знакомых: людей, с которыми можно было поздороваться на улице, перекинуться парой слов, иногда посидеть вместе. Я легко запоминал лица и быстро находил общий язык, поэтому в районе меня знали чаще, чем я знал людей, которые со мной здоровались.

Мне нравилось это ощущение. Нравилось, когда меня замечали, когда кто-нибудь окликал из другой компании, когда при встрече спрашивали, куда пропал. Я не считал себя центром вселенной, но и притворяться скромным никогда не умел.

С близкими друзьями всё было иначе.

Макса я знал с шестого класса. Мы познакомились в школе, и сначала я даже не думал, что мы настолько сблизимся. Он не был похож на меня: спокойнее, рассудительнее, иногда до раздражения терпеливый. У него получалось слушать человека, не перебивая, даже когда тот нёс полную чушь. Я так не умел.

Зато Макс умел вовремя сказать что-нибудь такое, после чего хотелось либо рассмеяться, либо дать ему подзатыльник. Обычно оба варианта.

Мы могли несколько дней подряд проводить вместе почти всё свободное время, а потом не переписываться сутки. Никто не обижался. С ним не нужно было постоянно придумывать, о чём говорить, и не приходилось изображать кого-то другого. Наверное, именно поэтому он был одним из немногих людей, рядом с которыми я мог просто молчать.

Алик был совсем другой.

С ним редко получалось спокойно. Он мог вспылить из-за какой-нибудь ерунды, резко ответить, начать спорить с человеком, которого видел впервые в жизни. Иногда мне казалось, что он специально ищет повод для конфликта, хотя, если разобраться, чаще всего просто не любил, когда кто-то пытался его задеть. При этом он был своим. Таким человеком, которого можно было позвать поздно вечером, не объясняя заранее, зачем.

Репа отвечал за значительную часть наших летних развлечений. У него всегда что-то происходило: кто-то приходил, кто-то уходил, кто-то предлагал очередную идею, которая сначала казалась глупой, а потом почему-то становилась общим планом. Он любил собирать людей у себя дома, особенно когда родители уезжали на дачу. При этом после всех наших посиделок именно он чаще остальных жаловался на беспорядок.

Девчонки были отдельной историей.

С **Дианой** мы могли спорить из-за совершенно незначительных вещей. Она умела ответить так, что через минуту уже не понимала, почему я вообще начал разговор. Её это, кажется, забавляло. По крайней мере, она редко упускала возможность поддеть меня в ответ.

Лина была громче многих из нас. Она могла появиться с таким выражением лица, будто уже знала какую-то новость, которую остальные ещё даже не успели услышать. **Симура** чаще остальных пыталась удерживать компанию в рамках приличия, хотя получалось это далеко не всегда.

Майя была человеком, которого сложно было не заметить. Она любила рассуждать о вещах, о которых большинство из нас даже не задумывалось, и иногда произносила такие слова, что хотелось переспросить, откуда она их вообще достала. При этом она могла совершенно спокойно обсуждать с нами какую-нибудь глупость, будто никаких философских вопросов в мире не существовало.

Баха говорил меньше остальных. Он не стремился постоянно находиться в центре внимания и редко вмешивался в чужие разговоры без необходимости. Но если он приходил, то обычно оставался до конца. В этом смысле на него можно было положиться.

Мы не были какой-то идеальной компанией. Иногда кто-то с кем-то ссорился, кто-то уходил раньше остальных, кто-то говорил лишнее, а потом делал вид, что ничего не произошло. У каждого были свои симпатии, обиды и маленькие секреты. Мы могли прекрасно провести вечер, а на следующий день не разговаривать из-за какой-нибудь ерунды.

Но всё равно встречались снова.

Наверное, в этом и заключалась наша дружба: никто не обещал друг другу быть рядом всегда, никто не произносил громких слов, но почему-то каждый знал, кому написать, если вечером стало скучно.

Я не могу сказать, что мы были неразлучны. У каждого имелась своя жизнь за пределами компании: родители, школа, родственники, какие-то знакомые, личные переписки и вещи, о которых не хотелось рассказывать всем подряд. Просто летом наши отдельные жизни часто пересекались в одном и том же дворе.

И мне казалось, что так будет всегда.

Я не думал о том, что кто-то однажды переедет, кто-то перестанет отвечать на сообщения, а кто-то станет человеком, с которым вы будете здороваться только при случайной встрече. В шестнадцать лет такие вещи кажутся чем-то далёким. Ты можешь сколько угодно слышать от взрослых, что время быстро проходит, но всё равно не понимаешь, о чём они говорят.

У нас впереди были каникулы. Впереди были вечера, разговоры, поездки в центр, случайные встречи, новые знакомства и сотни сообщений в телефоне. Были люди, которых мы ещё не успели обидеть, и слова, которые пока никто не сказал.

А я просто хотел, чтобы лето получилось хорошим. Не великим, не незабываемым, не таким, о котором потом пишут книги. Просто хорошим.

Тогда мне этого казалось вполне достаточно.

Глава 1. Лето, которое никуда не торопилось

В тот день я проснулся от того, что кто-то слишком настойчиво звонил в домофон.

Сначала я решил не обращать внимания. Звонок повторился, потом ещё раз, а следом из кухни донёсся мамин голос:

— Вилен, тебя там, кажется, потеряли!

Я натянул подушку на голову. За окном было солнечно, в комнате стояла такая духота, что даже открытое окно не помогало. На столе валялись наушники, рядом с компьютером стояла вчерашняя бутылка колы, а на полу лежала футболка, которую я собирался убрать ещё вечером.

Домофон снова затрещал.

— Да иду я! — крикнул я, хотя никто меня уже не слышал.

Телефон показывал 11:17. На экране было несколько сообщений от Макса и одно от Репы в общем чате. Последнее сообщение Макс отправил буквально минуту назад:

"Если ты сейчас не откроешь, я поднимусь и буду звонить в дверь."

Я набрал ему: "*Поднимайся, я тебя жду.*"

Через несколько секунд он ответил:

"*Очень смешно. Открывай.*"

Я нажал кнопку домофона и вернулся в комнату. Успел только натянуть шорты и найти чистую футболку, когда в дверь квартиры постучали.

— Вилен, открой! — послышался голос Макса.

— Ты же вроде собирался звонить, зачем стучишь?

— Потому что твой домофон звучит так, будто сейчас развалится. Открывай уже!

Я повернул замок и распахнул дверь. Макс стоял на площадке с телефоном в руке и бутылкой холодного чая. Светлые волосы у него были немного растрёпаны, на плече висел небольшой рюкзак.

— Ты собирался ещё спать? — спросил он, проходя внутрь.

— Я вообще-то только проснулся. Некоторые люди не обязаны вставать в семь утра, чтобы доказать свою состоятельность.

— Сейчас почти половина двенадцатого. Ты понимаешь, что нормальные люди уже давно позавтракали?

— Я тоже позавтракал бы, если бы некоторые не устраивали концерты под дверью.

Макс снял обувь и заглянул в коридор.

— Здравствуйте! — поздоровался он с мамой, которая вышла из кухни.

— Привет, Максим. Вы куда-то собираетесь?

— Пока не решили. Хотели сначала пройтись, а потом, наверное, к Дане.

— Хорошо. Вилен, ты хотя бы умылся?

— Мам, я уже не маленький.

— Это не ответ на мой вопрос.

Макс отвернулся, пряча улыбку. Я посмотрел на него с таким выражением, чтобы он даже не думал вмешиваться.

— Умоюсь сейчас, — сказал я маме.

— И позавтракай. Я оставила яичницу на плите.

— Я не голодный.

— Тогда хотя бы чай выпей. Ты вчера опять поздно лёг?

— Не очень.

Мама посмотрела на меня, потом на Макса. Тот, разумеется, решил воспользоваться моментом.

— Он в два часа ещё в интернете сидел, — сообщил он совершенно будничным тоном.

— Максим, ты зачем меня сдаёшь? — возмутился я.

— Я просто отвечаю на вопрос.

— Я тебя вообще-то не просил отвечать.

Мама покачала головой, но улыбнулась.

— Идите завтракать оба. Максим, ты тоже можешь, если хочешь.

— Спасибо, но я дома ел, — ответил он.

— Ну тогда подожди Вилена. Только не торопите друг друга, у вас сегодня, я так понимаю, никаких важных дел.

— Мам, мы вообще-то очень занятые люди, — сказал я, направляясь в ванную.

— Конечно, я вижу.

Пока я умывался, Макс успел устроиться на кухне. Когда я вернулся, он сидел напротив мамы и рассказывал ей что-то про школьный выпускной. Я налил себе чай и сел рядом.

— Ты уже успел пожаловаться на меня? — спросил я, беря вилку.

— Мы обсуждали, как прошёл выпускной, — спокойно ответил Макс. — Не всё в мире связано с тобой.

— Странно. Обычно ты приходишь ко мне именно для этого.

— Просто твоя мама интересовалась, почему ты вчера отказался идти с нами в центр.

Я посмотрел на маму.

— Я не отказывался. Я сказал, что не хочу ехать в такую жару.

— А потом выложил фотографию из дома с подписью «лучший вечер», — добавил Макс.

— Потому что это действительно был лучший вечер. Я лежал с кондиционером, смотрел фильм и никому не мешал.

— Ты мог хотя бы написать, что не придёшь. Мы тебя ждали возле остановки.

— Я написал в чат.

— Ты написал через сорок минут после того, как мы разошлись.

Я пожал плечами и принялся за яичницу. Макс был прав, но я не собирался сообщать ему об этом при маме.

— Кстати, — вмешалась она, — отец просил, чтобы ты ему сегодня позвонил. Ему нужно что-то от тебя.

— Он сам не мог написать?

— Вилен, он на работе. Позвонишь, когда выйдешь.

— Хорошо.

Мама вернулась к своим бумагам. Я доел завтрак, отнёс тарелку в раковину и пошёл собираться. Макс остался на кухне, но я слышал, как он продолжает с ней разговаривать. Они вообще хорошо ладили. Иногда мне даже казалось, что Макс с моей мамой общается вежливее, чем я.

В комнате я открыл шкаф и несколько минут выбирал одежду. На улице было жарко, поэтому остановился на свободной футболке и джинсах. На запястье надел G-Shock, в карман положил телефон и ключи. Наушники пришлось распутывать отдельно: они каким-то образом превратились в один большой узел.

Когда я вернулся в коридор, Макс уже стоял у двери.

— Ты готов? — спросил он.

— Я был готов ещё десять минут назад. Это ты тут сидел и завтракал.

— Я тебя ждал.

— Мог бы подождать дома.

— Мог бы, но тогда ты бы вообще не вышел.

Я обулся, попрощался с мамой и вышел следом за ним.

На лестничной площадке пахло чьим-то обедом. Где-то этажом ниже работал телевизор, а из открытого окна доносились голоса детей, игравших во дворе. Лифт, как обычно, ехал слишком медленно.

— Слушай, — начал Макс, когда мы спускались, — ты сегодня в чат вообще заходил?

— Заходил. Там Репа опять всех собирает.

— Он просил прийти пораньше. Говорит, нужно помочь с продуктами и мебель передвинуть.

— А почему он сам не может передвинуть мебель? У него дома целая семья, в конце концов.

— Потому что он хочет, чтобы мы пришли раньше остальных. И ещё сказал, чтобы Алик ничего не трогал на кухне.

Я рассмеялся.

— После прошлого раза это разумное решение. Помнишь, как он пытался открыть бутылку об стол?

— Я помню, как он потом доказывал, что стол был кривой, поэтому бутылка не открылась нормально.

— Да там вообще вся кухня была кривая, если его слушать. А ещё он умудрился разлить сок на диван и сказал, что это не он.

— Это был ты, между прочим, — напомнил Макс.

— Я просто поставил стакан. Он сам упал.

— Конечно. У тебя вообще все вещи падают самостоятельно.

Мы вышли из подъезда. Солнце сразу ударило в глаза. Я прищурился и натянул козырёк кепки чуть ниже.

— Короче, — продолжил Макс, — я думаю, сегодня будет нормально. Народу вроде много собирается. Диана написала, что придёт, Лина тоже. Симура обещала заехать после тренировки.

— А Баха?

— Не знаю. Он вчера говорил, что у него дела с отцом. Но, может, освободится.

— А Майя?

Макс повернул ко мне голову.

— Ты почему про Майю спрашиваешь?

— Потому что она тоже в компании. Или у нас теперь список людей, о которых нельзя спрашивать?

— Да спрашивай, я ничего не говорю. Просто ты обычно не интересуешься, кто придёт.

— Я интересуюсь, когда собираюсь провести вечер в одной квартире с десятью людьми. Вдруг там будет кто-то, кого я не хочу видеть.

— Тогда тебе лучше остаться дома, — усмехнулся Макс. — Потому что там, скорее всего, будут все.

Я достал телефон и открыл общий чат. За ночь там действительно накопилось много сообщений. Репа прислал фотографию пустого холодильника и подписал её: «Вот с чем мне приходится работать». Алик ответил, что холодильник выглядит лучше, чем кухня у него дома. После этого начался спор о том, кто должен покупать напитки.

— Кстати, ты что-нибудь будешь брать? — спросил я.

— Я думал, по дороге купим.

— Тогда давай сначала зайдём в магазин. Не хочу потом слушать, как Репа считает, кто сколько выпил.

— Он не считает. Он просто запоминает.

— Это ещё хуже.

Мы направились к магазину у остановки. По дороге встретили двух знакомых из соседнего двора, поздоровались, перекинулись парой слов. Один из них спросил, будем ли мы вечером у Репы. Макс ответил, что пока не знаем, хотя мы оба прекрасно понимали, что вечером окажемся именно там.

В этом районе новости распространялись быстрее, чем сообщения в интернете. Иногда можно было узнать о чужой ссоре раньше, чем сами участники успевали помириться.

Возле магазина Макс остановился и достал телефон.

— Дошик написала, — сообщил он.

— Что хочет?

— Спрашивает, где мы. Говорит, чтобы мы купили ей что-нибудь холодное, если будем заходить в магазин.

— А сама она где?

— Кажется, дома собирается.

— Передай, что у нас тут не доставка.

Макс уже печатал ответ.

— Она сказала, что тогда сама купит. И ещё спросила, не видел ли я её зарядку.

— Ты что, теперь её личный помощник?

— Просто она вчера оставила у меня телефон заряжаться.

— И ты, конечно, забыл вернуть зарядку.

— Я вернул.

— Тогда почему она спрашивает?

— Потому что она её потеряла. У неё такое бывает.

Я покачал головой и открыл дверь магазина.

Внутри было прохладно. Мы взяли воду, лимонад и несколько пачек снеков. Макс предложил купить ещё что-нибудь к вечеру, но я напомнил ему, что Репа сам просил прийти пораньше именно для этого. После короткого спора мы решили не покупать ничего лишнего.

Когда мы вышли, телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение пришло от Дианы.

«*Вы где? Репа уже достал всех с этой своей организацией*».

Я показал экран Максу.

— Она, кажется, уже в курсе, что мы идём, — заметил он.

— А что, у нас есть варианты?

— Ты можешь сказать, что заболел.

— А ты?

— Я тогда тоже заболею.

Я набрал ответ Диане:

«*Вышли из дома. Если Репа тебя достал, можешь приехать ко мне. У меня мама, она умеет успокаивать людей*».

Ответ пришёл почти сразу:

«*Передай своей маме, что я приеду только если она запретит тебе разговаривать*».

Я рассмеялся и убрал телефон в карман.

— Что она написала? — спросил Макс.

— Ничего особенного. Просто Диана уже начала меня воспитывать.

— Значит, день проходит как обычно.

Мы двинулись дальше, в сторону двора, где должны были встретиться с остальными. Солнце всё ещё стояло высоко, и казалось, что до вечера бесконечно далеко. У нас было полно времени, никаких срочных дел и совершенно никаких причин торопиться. По крайней мере, тогда мне так казалось.

Мы не дошли до конца двора, когда увидели Диану.

Она сидела на низком бетонном ограждении возле детской площадки, положив рядом телефон и небольшую сумку. На ней была чёрная футболка с надписью «Спутник», узкие джинсы и белые кроссовки. Чёрное каре немного растрепалось от ветра, а в брови блестела маленькая серьга. Она что-то читала в телефоне и периодически поправляла волосы, которые лезли ей в глаза.

Рядом стоял Алик. Он разговаривал с кем-то по телефону, держа свободную руку в кармане джинсов. На нём была тёмная олимпийка Stone Island, застёгнутая почти до самого горла, хотя на улице стояла жара. Коротко подстриженные волосы делали его голову почти круглой, а на шее, когда он поворачивался, виднелась татуировка с цифрами 19:37.

— О, явились, — сказала Диана, заметив нас. — Я уже думала, что вы решили сегодня не выходить из дома.

— Мы вообще-то вышли раньше тебя, — ответил Макс. — Просто у нас были дела.

— Какие у вас могут быть дела в одиннадцать утра? — Диана убрала телефон в сумку. — Вы же оба только проснулись.

— Не все проводят утро, сидя на бетонном заборе и ничего не делая, — сказал я.

— Я хотя бы не заставляю людей ждать себя сорок минут.

— Я никого не заставлял ждать. Это вы сами решили, что я должен прийти к определённому времени.

— Вилен, ты вчера написал, что будешь, а потом пропал из чата. Я тебе даже звонила.

— У меня телефон был на беззвучном.

— У тебя он всегда на беззвучном, когда нужно ответить.

Макс усмехнулся и присел рядом с ней на свободный край ограждения.

— Не начинайте с утра. Мы ещё даже не успели нормально поздороваться.

— Я с ним уже поздоровалась, — возразила Диана. — Просто он сразу начал вести себя как обычно.

— А как я должен себя вести? — спросил я.

— Можешь хотя бы пять минут не строить из себя человека, которому все что-то должны.

— Я не строю. Просто мне действительно многое должны.

Диана посмотрела на Макса.

— Ты понимаешь, почему я иногда не хочу с ним разговаривать?

— Понимаю, — совершенно серьёзно ответил Макс. — Но потом вспоминаю, что с ним никто другой разговаривать не будет, и мне становится его жалко.

— Спасибо за поддержку, — сказал я.

— Всегда пожалуйста.

Диана рассмеялась. Она вообще часто смеялась над нашими разговорами, даже когда сама становилась их причиной. Иногда мне казалось, что ей просто нравилось наблюдать, как мы с Максом пытаемся переспорить друг друга.

Алик наконец закончил телефонный разговор и убрал телефон в карман.

— Вы долго ещё будете тут стоять? — спросил он. — Репа уже несколько раз написал, что ждёт нас.

— Так иди к нему, если он тебя ждёт, — ответил я.

— Я тебя не спрашивал.

— А я тебе ответил.

Алик посмотрел на меня, потом коротко усмехнулся.

— Ничего не меняется. Как был умником, так и остался.

— А ты как был грубым, так и не исправился.

— Зато я хотя бы не опаздываю.

— Мы не опоздали, — вмешался Макс. — Репа сам написал, что можно подходить после двенадцати.

— Он написал, что после двенадцати можно приходить, но не то, что нужно приходить к часу, — пояснил Алик. — Мы с Дианой уже минут двадцать тут стоим.

— Ты мог бы зайти в магазин, а не стоять и жаловаться, — сказала Диана.

— Я тебе предлагал. Ты сама сказала, что ничего не хочешь.

— Потому что ты предложил купить мне какую-то газировку со вкусом химии.

— Там нормальная газировка.

— Алик, ты пьёшь всё, что стоит меньше пятидесяти рублей.

— И живой пока.

Я прислонился к ограждению рядом с Максом. Диана достала из сумки телефон и показала нам экран.

— Смотрите, что Репа прислал.

В чате появилось новое сообщение с фотографией кухни. На снимке виднелась столешница, заставленная пакетами, бутылками и какими-то продуктами. В углу кадра стояла большая кастрюля.

Репа: *Я предупреждаю: сегодня никто не трогает плиту без моего разрешения.*

Алик: *А если я захочу приготовить?*

Репа: *Особенно ты.*

Лина: *А я могу?*

Репа: *Ты можешь красиво стоять рядом.*

Лина: *Пошёл ты.*

Диана увеличила фотографию.

— Он что, правда собрался готовить?

— Видимо, — ответил Макс. — Вчера говорил, что хочет сделать что-то нормальное.

— В прошлый раз он тоже хотел, — напомнил я. — Помнишь, как мы ели макароны с кетчупом, потому что он забыл купить соус?

— Зато макароны были хорошие, — заметил Алик.

— Они были переваренные, — сказала Диана. — Я тогда половину оставила.

— Ты вообще мало ешь.

— Я ем нормально. Просто не собираюсь доедать то, что ты приготовил.

— Я ничего не готовил, — возмутился Алик.

— Вот именно.

Макс рассмеялся, а я достал телефон, чтобы посмотреть, что ещё написали в чате.

— Кстати, — сказала Диана, обращаясь ко мне, — ты видел, что Майя выложила?

— Нет. А что?

— Фотографию с книжкой. Опять какую-то философию читает.

— Она всегда что-нибудь читает.

— В этот раз там была подпись про то, что люди боятся свободы и поэтому придумывают себе правила.

Алик громко фыркнул.

— У неё бы лучше спросили, почему она сама постоянно опаздывает.

— Это не связано, — заметила Диана.

— А я думаю, связано. Если человек такой умный, пусть научится приходить вовремя.

— Алик, ты вообще понимаешь, что такое философия? — спросил я.

— Конечно. Это когда человек берёт обычную мысль, говорит её сложными словами и потом делает вид, что остальные тупые.

Диана засмеялась так громко, что обернулась женщина, проходившая мимо площадки.

— Вот это, кстати, самое точное описание Майи, которое я слышала.

— Передам ей, — сказал я.

— Не надо, — быстро ответила Диана. — Она потом устроит тебе лекцию на полчаса.

— Мне не страшно.

— Тебе-то нет. Ты всё равно половину не слушаешь.

Я посмотрел на неё.

— А ты, значит, слушаешь?

— Я хотя бы делаю вид.

— Вот и вся разница между нами.

Диана улыбнулась и убрала телефон. В этот момент Макс поднялся с ограждения и потянулся.

— Ладно, пойдём уже. А то Репа действительно начнёт звонить.

— Пусть звонит, — сказал Алик. — Я ему вчера объяснил, что не собираюсь приезжать к нему на работу.

— Ты ему вообще ничего не объяснял, — напомнила Диана. — Ты просто написал, что он достал.

— Это тоже объяснение.

Мы двинулись по дорожке в сторону дома Репы. Он жил недалеко, через несколько дворов, в квартире напротив хоккейной коробки. Его подъезд легко было узнать по старой металлической двери, на которой кто-то когда-то наклеил объявление о продаже гаража. Объявление давно выцвело, но никто не торопился его снимать.

По дороге Диана рассказывала, как накануне ездила с мамой в центр. Они собирались зайти в несколько магазинов, но в итоге провели почти весь день в торговом центре, потому что мама решила, что ей срочно нужны новые туфли.

— Я ей говорю, что у нас дома уже целый шкаф обуви, — рассказывала Диана, — а она отвечает, что это совершенно другие туфли и вообще нельзя сравнивать повседневную обувь с той, которую надевают на мероприятия.

— Ну, в этом она права, — заметил Макс.

— Ты сейчас на чьей стороне?

— На стороне логики. У тебя же не вся обувь одинаковая.

— Я не говорю, что одинаковая. Я говорю, что ей не нужны ещё одни чёрные туфли.

— Может, нужны, — пожал плечами Макс.

— Макс, не поддерживай её, — сказала Диана. — Ты же знаешь, как она покупает вещи. Сначала говорит, что ей ничего не надо, потом возвращается с тремя пакетами.

— Это у вас семейное, — сказал я. — Ты сама такая.

Диана повернулась ко мне.

— В смысле?

— В прямом. Ты тоже можешь час выбирать какую-нибудь вещь, а потом купить вообще не то, за чем пришла.

— Я хотя бы не трачу деньги на футболки, которые отличаются друг от друга только надписью.

— Они совершенно разные.

— Конечно. Одна чёрная, другая тоже чёрная, но на этой написано что-то белым.

Алик засмеялся.

— Дошик, ты его сейчас добьёшь.

— Я просто говорю правду.

— У тебя вообще слишком много мнения о моей одежде, — сказал я.

— Потому что ты иногда одеваешься так, будто собираешься на съёмку, а не в магазин за хлебом.

— Это называется вкус.

— Это называется долго стоять перед зеркалом.

— Ты тоже перед зеркалом стоишь.

— Я хотя бы не делаю вид, что случайно так хорошо выгляжу.

Я посмотрел на неё, но ничего не ответил. Диана улыбнулась, явно довольная тем, что на этот раз последнее слово осталось за ней.

Мы уже подходили к дому Репы. Из открытого окна на третьем этаже доносилась музыка. Кажется, он включил что-то из нового плейлиста, который недавно присылал в чат. На площадке возле подъезда стоял велосипед, а на лавочке сидели двое незнакомых парней.

Макс поднял голову к окнам.

— Похоже, он уже начал.

— Надеюсь, он хотя бы не сжёг квартиру, — сказал Алик.

— Если сожжёт, я его убью, — ответила Диана. — Мне ещё домой возвращаться, а я не хочу объяснять маме, почему провела день у пожарных.

Я усмехнулся и потянул на себя дверь подъезда.

Дверь подъезда закрылась за нами с тяжёлым металлическим звуком. Внутри было прохладнее, чем на улице, но пахло пылью, старой краской и чем-то приготовленным на первом этаже. Мы поднялись на третий этаж. Ещё до того, как Макс успел нажать на звонок, за дверью послышались быстрые шаги.

— Если это опять вы пришли без еды, я вас не пущу! — крикнул Репа из квартиры.

— Открывай, пока мы тебе дверь не вынесли! — отозвался Алик.

Замок щёлкнул, и на пороге появился Даниил Репин. На нём была растянутая домашняя футболка и спортивные шорты. Рыжие кудри торчали в разные стороны, а на лице было написано такое недовольство, будто он уже несколько часов занимался организацией свадьбы, а не собирал друзей на вечер.

— Вы где ходите вообще? — спросил он, пропуская нас внутрь. — Я вас с двенадцати жду. У меня тут, между прочим, целый список дел.

— Мы пришли, а ты всё равно недоволен, — заметил я, снимая кроссовки. — Может, тебе вообще никто не нужен?

— Мне нужны люди, которые способны хоть что-нибудь сделать без десяти напоминаний. Вилен, поставь обувь нормально, пожалуйста. Я только вчера полы мыл.

Я посмотрел на свои кроссовки, которые действительно стояли немного криво, и поправил их.

— Извини, что нарушил архитектурную композицию твоей прихожей.

— Вот именно из-за таких, как ты, я и не люблю собирать людей у себя дома, — проворчал Репа. — Сначала все приходят, потом начинают шутить, потом кто-нибудь проливает что-нибудь на диван, а убирать, как всегда, приходится мне.

— Ты можешь просто не приглашать нас, — предложил Алик.

— А с кем тогда проводить время? С нормальными людьми? У меня таких знакомых нет.

— Вот это уже честно, — сказал Макс.

Репа усмехнулся и махнул рукой в сторону кухни.

— Ладно, проходите. Только куртки и сумки не бросайте где попало. И, Алик, я серьёзно: на кухне ничего не трогай.

— Да что ты ко мне привязался? — возмутился Алик. — Я в прошлый раз вообще ничего не делал.

— Ты в прошлый раз открыл бутылку об стол.

— Я уже говорил, что стол был неудобный.

— Стол был совершенно обычный! — Репа повысил голос. — Ты просто не умеешь открывать бутылки!

— Зато теперь умею.

— Прекрасно. Тогда сегодня потренируешься на улице.

Диана рассмеялась, проходя в комнату. Я последовал за ней, а Макс задержался в коридоре, чтобы помочь Репе занести несколько пакетов с продуктами.

Квартира у Репы была просторная, но не настолько, чтобы в ней одновременно могли комфортно разместиться все наши знакомые. Гостиная соединялась с небольшой столовой зоной, из которой можно было пройти на кухню. На стене висел телевизор, под ним стояла тумба с приставкой и несколькими дисками. Возле окна находился диван, а напротив него — два кресла, одно из которых давно просело с правой стороны. На подоконнике стояли горшки с цветами, которые, судя по всему, поливали родители Репы, а не он сам.

На журнальном столике лежали пульт, несколько журналов и зарядное устройство. На спинке дивана была аккуратно сложена пледовая ткань. Всё выглядело по-домашнему, но при этом было заметно, что хозяин квартиры старался подготовить её к приходу гостей.

— У тебя сегодня прям генеральная уборка была? — спросила Диана, оглядывая комнату.

— Я вчера вечером всё убрал, — ответил Репа, появляясь в дверях с пакетом. — И сегодня утром ещё раз прошёлся. Мама сказала, что если я опять оставлю после себя свинарник, то в следующий раз никуда не поедет на дачу без меня.

— А ты что, раньше оставлял? — спросил я.

Репа поставил пакет на кухонный стол и посмотрел на меня.

— Вилен, ты был здесь в прошлый раз. Не делай вид, что не знаешь.

— Я помню только, что ты сам попросил нас помочь.

— Потому что вы всё испортили!

— Мы ничего не портили. Мы просто жили.

— Вы жили так, будто у вас в гостях не квартира, а съёмная база отдыха, — сказал Репа. — Я потом нашёл чипсы под диваном, пустую бутылку за телевизором и чей-то носок возле балкона.

Алик, который уже успел пройти на кухню, обернулся.

— Носок был мой, если что.

— Спасибо, что признался. Я уже думал, что у меня в квартире завёлся ещё один человек.

Макс поставил пакеты на стол и начал доставать продукты.

— Ладно, Дань, давай помогу. Что куда убирать?

— Вот, хоть один нормальный человек пришёл. В холодильник положи колбасу, сыр и молоко. Остальное пока оставь на столе. Я сейчас разберусь.

— Ты собираешься действительно готовить? — спросил Макс, разглядывая продукты.

— Да. Я подумал, что можно сделать что-нибудь горячее, а не просто поставить на стол чипсы и сухарики.

— Это хорошая идея, — сказала Диана, заглянув на кухню. — А что именно ты собираешься готовить?

— Пока не решил окончательно. Думал сделать картошку с курицей, но мама сказала, что на всех может не хватить. Поэтому купил ещё макароны, овощи и несколько упаковок сосисок.

Я прислонился к дверному косяку.

— То есть у нас будет картошка, курица, макароны и сосиски? Ты решил накормить весь район?

— Я не знаю, сколько вы съедите! — объяснил Репа. — В прошлый раз вы пришли впятером и умудрились уничтожить всё, что было в холодильнике. Я не собираюсь снова слушать, что вам нечего есть.

— Так надо было больше покупать, — предложил Алик.

— Он и так всё покупает, — заметил Макс.

— Тогда зачем нас зовёт?

— Чтобы мы пришли.

— Логично.

Алик уже успел пройти на кухню и изучал содержимое холодильника.

— Алик, не трогай пока ничего, — предупредил Репа.

— Я просто смотрю, что есть.

— Вот именно. В прошлый раз ты тоже просто смотрел, а потом почему-то исчезла половина сыра.

— Я был голодный.

— Ты пришёл сюда после обеда!

— И что? Это запрещено?

Диана взяла бутылку сока и посмотрела на этикетку.

— Дань, а ты уверен, что этого хватит на всех? Нас вроде больше десяти будет.

— Я купил ещё лимонад и воду. Если кому-то не хватит, сходим в магазин. Только я не собираюсь каждые полчаса бегать туда из-за того, что кто-то выпил всё за один раз.

— Ты можешь просто не переживать так сильно, — сказала Симура, которая успела заглянуть на кухню. — Мы же не маленькие.

— Вот именно, что не маленькие. Поэтому могли бы хотя бы иногда думать головой.

— Это ты сейчас кому? — спросил Алик.

— Всем сразу, чтобы никто не обиделся.

Макс рассмеялся и продолжил разбирать пакеты. Репа достал из шкафа разделочную доску, нож и несколько тарелок.

— Ладно, раз уж вы все здесь, можете помочь мне нарезать овощи.

Алик сразу сделал шаг назад.

— Я не умею.

— Ты даже не пробовал, — возразил Репа.

— И не собираюсь. Я могу сходить за чем-нибудь, если нужно.

— За чем именно? — уточнил Репа.

— За чем скажешь.

— Тогда возьми нож и нарежь огурцы.

Алик посмотрел на него так, будто ему предложили совершить преступление.

— Я же сказал, что не умею.

— Там не нужно быть поваром, чтобы нарезать огурец.

— Вот сам и нарезай.

Макс уже достал из ящика нож и разделочную доску.

— Давайте я помогу. Только скажите, что куда.

Репа заметно повеселел.

— Вот, Макс понимает, что такое дружба. Вилен, ты тоже можешь что-нибудь сделать.

— Я могу выбрать музыку.

— Музыку я уже включил.

— Тогда могу оценить твою работу.

— Ты можешь просто помолчать пять минут?

— Это будет стоить денег.

Диана засмеялась и подошла к холодильнику.

— Дань, а у тебя есть что-нибудь попить? Я воду забыла купить.

— В холодильнике есть сок и лимонад. Только не выпейте всё сразу, потому что я ещё не знаю, кто что будет.

— Ты сегодня какой-то слишком хозяйственный, — заметила она.

— Я просто хочу, чтобы всё прошло нормально. У меня дома никого не будет до воскресенья, и я не собираюсь потом два дня убирать последствия вашего веселья.

— Мы вообще-то не такие ужасные, — сказал Макс, нарезая огурцы.

Репа посмотрел на него, потом на Алика, который уже открыл холодильник и изучал содержимое.

— Ты серьёзно сейчас?

Макс рассмеялся.

— Ладно, забираю свои слова обратно.

Лина уже успела заглянуть в холодильник и достать бутылку лимонада.

— А где остальные? — спросила она. — Майя будет? Баха? А Вилен где?

— В комнате, — ответил Макс.

Лина заглянула в гостиную, увидела меня и улыбнулась.

— О, Цой. Ты сегодня даже не опоздал. Что случилось?

— Я решил порадовать тебя своим присутствием.

— Какой ты заботливый. А я думала, ты только перед зеркалом умеешь радоваться.

— Не переживай, тебя тоже могу порадовать.

— Чем? Тем, что наконец перестанешь говорить?

— Это уже слишком дорогой подарок.

Лина рассмеялась и бросила сумку на свободное кресло.

— Кстати, ты видел, что я вчера выложила?

— Нет. А что?

— Фотографии с набережной. Мы с девочками ездили в центр, потом гуляли до вечера.

— Я не видел.

— У тебя вообще есть Instagram?

— Есть.

— Тогда почему ты ничего не смотришь?

— Потому что у меня есть жизнь.

— Очень смешно. Ты просто боишься, что я попрошу поставить лайк.

— Я бы поставил, если бы фотографии были хорошие.

— Вилен, ты сейчас нарываешься.

Симура прошла в комнату и поставила свой пакет возле дивана.

— Вы опять спорите? — спросила она.

— Он начал, — пожаловалась Лина.

— Она сама спросила, — возразил я.

Симура посмотрела на нас обоих, затем улыбнулась.

— Значит, всё как обычно. Я даже не успела переодеться, а вы уже нашли, из-за чего ругаться.

— Это у нас традиция, — сказал Макс, появляясь в дверях с тарелкой нарезанных овощей. — Без этого встреча не считается состоявшейся.

— Тогда я надеюсь, что сегодня вы хотя бы не подерётесь, — заметила Симура.

— За это я не отвечаю, — сказал Алик из кухни. — Особенно если Цой опять начнёт.

— Я ещё ничего не сделал, — возмутился я.

— Пока, — уточнил Алик.

Репа выглянул из кухни.

— Ребят, я очень прошу вас: хотя бы сегодня не устраивайте цирк. У меня дома родители не будут до воскресенья, но это не значит, что можно делать всё что угодно. Я хочу спокойно провести вечер, нормально поесть и не получить потом от мамы сообщение на три экрана.

— Ты говоришь так, будто мы уже всё испортили, — сказала Диана.

— Я просто заранее готовлюсь к худшему.

— Правильно делаешь, — заметил Макс.

Репа показал ему нож, который держал в руке.

— Макс, ты тоже не расслабляйся. Я тебя знаю. Ты сначала будешь сидеть тихо, а потом вместе со всеми начнёшь смеяться над тем, что происходит.

— Это называется поддержка друзей.

— Это называется соучастие.

Лина устроилась на диване, достала телефон и начала листать фотографии. Симура села рядом с ней. Диана присоединилась к ним, и вскоре все трое уже обсуждали чью-то новую причёску, которую я не видел и видеть не собирался.

Я остался в кресле, наблюдая за тем, как квартира постепенно наполняется голосами. На кухне Репа продолжал что-то объяснять Алику, Макс мыл нож, а в комнате девчонки смеялись над фотографиями.

Это было похоже на десятки других наших встреч. Ничего особенного, ничего необычного. Просто люди, с которыми я привык проводить время, постепенно собирались в одном месте.

И всё же мне нравилось это ощущение — когда ещё никто никуда не торопится, когда вечер только начинается и впереди остаётся столько времени, что можно не думать о том, чем он закончится.

Я уже собирался спросить, долго ли ещё Репа будет изображать человека, который держит на себе весь этот дом, когда в прихожей снова раздался звонок. Репа выглянул из кухни с деревянной ложкой в руке.

— Если это опять кто-то без предупреждения, я не открою, — сказал он, хотя уже направлялся к двери.

— Ты так каждый раз говоришь, — отозвалась Симура. — И каждый раз открываешь.

— Потому что вы все знаете, что я добрый человек, и пользуетесь этим.

— Мы знаем, что ты боишься остаться один со своей картошкой, — сказал я.

— Вилен, я сейчас закрою тебя на балконе.

Он исчез в коридоре. Через несколько секунд послышался знакомый голос Бахи:

— Здорово. Я не поздно?

— Ты как раз вовремя, — ответил Репа. — У меня тут люди уже заканчиваются, а работы ещё полно.

Баха вошёл в комнату, придерживая плечом дверь, и поставил у стены небольшой пакет. На нём была свободная тёмная футболка, широкие джинсы и кеды, которые выглядели так, будто он не особенно переживал за их чистоту. Он поздоровался со всеми коротким кивком, задержался возле дивана и посмотрел на меня.

— Цой, ты чего такой довольный?

— Увидел тебя. День сразу стал лучше.

— Понятно. Значит, у тебя сегодня совсем ничего хорошего не произошло.

— Не обращай внимания, — сказала Лина. — Он с самого прихода пытается быть смешным.

— Получается? — спросил Баха.

— Иногда случайно, — ответила она.

Я посмотрел на неё, но Лина уже отвернулась к телефону. Баха усмехнулся и сел на подлокотник кресла, освобождая место Симуре.

— Ты один? — спросил Макс, выходя из кухни.

— Да. Мать попросила по дороге зайти в аптеку, поэтому задержался. А Майя вроде тоже собиралась.

— Она написала, что будет минут через десять, — сказала Диана, не отрываясь от экрана. — Только у неё, как обычно, десять минут могут превратиться в сорок.

— Я слышу, — раздался голос из прихожей. — И вообще, я ещё даже не пришла, а меня уже обсуждают.

Майя появилась в дверях комнаты, снимая с плеча сумку. На ней была чёрная футболка, короткая юбка и тонкие колготки. Круглые очки немного сползли на переносицу, и она поправила их пальцем, прежде чем поздороваться.

— Всем привет. Я ничего не пропустила?

— Только самое важное, — сказал я. — Репа чуть не выгнал нас из квартиры.

— Это не новость, — заметила Майя. — Он каждый раз так делает.

— Потому что каждый раз есть за что, — донеслось с кухни.

Майя поставила сумку рядом с Лининой и села на диван. Диана подвинулась, освобождая ей место, и сразу начала рассказывать что-то про фотографии, которые они обсуждали до её прихода. Разговор перескочил на чью-то страницу, потом на новую стрижку знакомой девочки и на то, кто собирается в центр в выходные. Я слушал вполуха. В комнате стало теснее и шумнее, но это была привычная теснота: сумки у стены, чьи-то ноги на краю дивана, телефоны на столе, голоса, которые накладывались друг на друга.

Из кухни донёсся стук крышки о кастрюлю.

— Макс! — позвал Репа. — Ты можешь подойти на секунду?

— Сейчас.

— Не «сейчас», а подойди. У меня тут картошка пытается сбежать.

Макс поднялся, а я остался сидеть. Репа был прав в одном: если я появлюсь на кухне, мне обязательно найдут работу. Я предпочитал не давать людям лишних поводов.

Диана подняла голову от телефона и посмотрела на меня.

— Ты чего не помогаешь?

— Я морально поддерживаю коллектив.

— Очень полезная функция.

— Не всем дано.

— Да уж. Особенно тебе.

Она улыбнулась и снова опустила взгляд к экрану. Я поймал себя на том, что продолжаю смотреть в её сторону чуть дольше, чем нужно, и перевёл глаза на телевизор. Там без звука шёл какой-то музыкальный канал: яркие клипы сменяли друг друга, внизу мелькали названия песен. Из кухни теперь доносились голоса Макса и Репы, а Алик спорил с ними о том, сколько соли нужно добавлять.

— Алик, ты можешь хотя бы не мешать? — спросил Репа.

— Я не мешаю. Я советую.

— Твои советы в прошлый раз закончились тем, что мы ели пересоленную картошку.

— Нормальная была картошка.

— Ты один её ел!

— Потому что остальные зажрались.

Баха тихо засмеялся. Он достал телефон, проверил что-то и убрал обратно в карман.

— Ты надолго сегодня? — спросил я.

— Пока не знаю. Если домой рано не позовут, посижу. Завтра всё равно ничего особенного.

— У тебя же вроде практика скоро?

— Не скоро. В августе. Пока только сказали, куда приходить и что с собой брать. Я ещё даже не понял, что там будет.

— Хоть кто-то знает, чем будет заниматься летом, — сказала Симура. — А то вы все только сидите и ждёте, пока кто-нибудь придумает, куда пойти.

— Ты сама куда-нибудь собираешься? — спросил Макс из кухни.

— Я в июле с мамой уеду на несколько дней. Потом посмотрим.

— Куда? — спросила Лина.

— Пока не решили. Она хочет к родственникам, а я хочу просто куда-нибудь, где можно нормально отдохнуть, а не вставать в семь утра и ездить по всем знакомым.

— Скажи, что заболела, — предложил я.

— Спасибо, Цой. Очень взрослый совет.

— Я стараюсь соответствовать компании.

— Тогда тебе придётся сильно постараться, — сказала Симура.

Репа позвал всех к столу раньше, чем кто-либо успел придумать ему ещё одну колкость. Он объявил, что еда почти готова, но предупредил, что если кто-то начнёт таскать куски прямо из кастрюли, то останется без ужина. Алик тут же заявил, что это ограничение нарушает его права, и получил в ответ деревянной ложкой по столу.

Мы постепенно перебрались на кухню. Стол был уже заставлен тарелками, нарезанными овощами, хлебом и бутылками с лимонадом. Репа поставил в центр большую миску с картошкой и курицей, а рядом — кастрюлю с макаронами, на которые он, по его словам, потратил «неприлично много сил». На самом деле всё выглядело вполне обычно, но пахло так, что разговоры на секунду стихли.

— Вот теперь я понимаю, зачем пришёл, — сказал Баха, садясь рядом с Максом.

— А до этого ты не понимал? — спросил Репа.

— До этого я думал, что ты нас позвал, чтобы мы помогали тебе готовить.

— Так и было. Просто вы не все оказались полезными.

— Я был полезен морально, — сказал я, занимая место напротив Дианы.

— Твою моральную поддержку я запомню, — ответил Репа. — Особенно когда буду мыть посуду.

— Не переживай, я могу помочь.

Все посмотрели на меня. Даже Диана отложила вилку.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — сказал Макс. — Просто не ожидал.

— Я иногда бываю хорошим человеком.

— Мы проверим, — сказала Симура.

За столом снова заговорили все одновременно. Майя рассказывала Лине о каком-то фильме, который посмотрела накануне, Алик доказывал Бахе, что во дворе на прошлой неделе кто-то специально проколол колесо его знакомому, а Репа пытался выяснить, кто оставил открытой бутылку лимонада рядом с краем стола. Макс слушал сразу несколько разговоров и время от времени вставлял короткие замечания. Диана сидела напротив меня, убирая волосы за ухо, когда они падали на лицо.

— Ты чего такой тихий? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Ем.

— Удивительно. Я думала, ты даже за едой не можешь молчать.

— Я просто берегу силы. Вечер длинный.

— Надеюсь, ты не собираешься весь вечер говорить только о себе.

— Если попросишь, могу и о тебе.

— Не надо. Я ещё не настолько устала.

Она сказала это легко, почти не глядя на меня, и тут же повернулась к Майе, чтобы продолжить разговор. Я опустил глаза к тарелке и принялся разбирать вилкой кусок курицы. Ничего особенного не произошло. Она просто ответила на шутку, как отвечала сотни раз. Но почему-то именно такие мелочи иногда задерживались в голове дольше, чем следовало.

За окном постепенно темнело. На кухонном стекле отражались лампа и наши силуэты, а во дворе напротив кто-то включил музыку так громко, что басы едва заметно отдавались в оконной раме. Репа попросил закрыть форточку, потому что ему мешал шум, но Алик возра-

зил, что тогда будет жарко. Они поспорили несколько минут и в итоге оставили окно приоткрытым.

Когда тарелки почти опустели, никто не спешил вставать. Разговоры стали спокойнее, кто-то пересел на соседний стул, кто-то потянулся за последним куском хлеба. Репа посмотрел на стол, потом на нас и тяжело вздохнул.

— Я так понимаю, убирать всё это опять буду я?

— Мы же обещали помочь, — напомнил Макс.

— Обещать вы умеете. Посмотрим, как будет на деле.

— Я помою посуду, — сказала Симура.

— Я вытру стол, — добавила Диана.

— Тогда я вынесу мусор, — сказал Баха.

Алик поднял руку.

— А я могу проследить, чтобы никто не сбежал.

— Ты можешь взять пакет и отнести его вниз, — предложил Репа.

— Я же сказал, что могу проследить.

— Алик, не начинай.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на остальных. Вечер наконец-то перестал быть просто ожиданием того, кто ещё придёт и что будет дальше. Мы поели, заняли кухню, успели поспорить и договориться о том, кто будет убирать. За окном медленно сгущались сумерки, и казалось, что впереди ещё целая ночь, которую можно провести как угодно.

Убирать, как выяснилось, никто особенно не торопился. Первые пять минут мы ещё изображали людей, которые действительно собираются помочь: Макс складывал тарелки в раковину, Диана собирала со стола крошки ладонью, а Баха отнёс мусорный пакет к входной двери и почему-то оставил его там. Репа несколько раз напомнил, что пакет сам себя вниз не донесёт, но Баха каждый раз отвечал, что услышал. По его виду было понятно: услышал он давно, просто надеялся, что за это время появится кто-нибудь более ответственный.

Я всё-таки взял тряпку и протёр стол. Не потому, что внезапно проникся домашними обязанностями, а потому, что Диана стояла рядом и уже успела заметить, как я третий раз прохожу одним и тем же местом. Она ничего не сказала, только посмотрела на меня с таким выражением, будто мысленно поставила галочку напротив слова «бесполезный». Пришлось сделать вид, что я просто проверяю качество уборки.

— Ты так стараешься, что я начинаю переживать, — сказала она. — Репа сейчас решит, что тебя можно приглашать каждый день.

— Не переживай. Я не позволю ему привыкнуть к хорошему.

— Вот это уже больше похоже на тебя.

Она забрала у меня тряпку и вытерла оставшееся пятно сама. Я хотел что-нибудь ответить, но с кухни донёсся голос Репы: он обнаружил, что кто-то поставил мокрый стакан прямо на подоконник, и теперь там остался круг. Виноватых, разумеется, не нашлось. Алик утверждал, что стакан вообще не его, Макс говорил, что он пил из бутылки, а Майя спокойно заметила, что стакан стоит рядом с местом, где сидел сам Репа.

— Спасибо, Майя, — отозвался он. — Очень полезное расследование. Осталось найти преступника.

— Можешь начать с себя. Ты тут единственный человек, который точно знает, откуда взялся стакан.

— Я его сюда поставил, чтобы вы пили, а не чтобы он оставлял следы на мебели.

Постепенно кухня пришла в более или менее приличный вид. Девочки заняли ванную, чтобы поправить макияж, Макс с Бахой вышли на балкон, а Алик устроился в комнате на подлокотнике дивана и включил музыку на телефоне. Репа ходил между комнатой и кухней,

собирая пустые бутылки и повторяя, что в следующий раз он никого не зовёт. Эту фразу мы слышали от него уже не первый раз, поэтому никто не воспринял её как угрозу.

Я вышел в прихожую за своей толстовкой. На тумбочке рядом с ключами лежал чей-то пакет из магазина. Пакет был тяжёлый, внутри звякнуло стекло. Я решил, что это Репа опять закупил лимонад, но, когда поднял его, увидел несколько бутылок с яркими этикетками.

— Это чьё? — спросил я, заглянув в комнату.

Алик повернул голову и довольно усмехнулся.

— Моё. А что, уже инвентаризацию проводишь?

— Я просто пытаюсь понять, почему у нас в прихожей филиал алкомаркета.

— Потому что вечер обещает быть культурным, — сказал он. — Не переживай, я всё принёс.

Репа появился в дверях кухни и сразу посмотрел на пакет.

— Ты серьёзно? Я же говорил, что у меня дома без этого цирка.

— Ты говорил, что не хочешь, чтобы мы напились и разнесли квартиру. Никто не собирается ничего разносить.

— Ты сейчас говоришь так, будто я должен тебе поверить.

Алик достал из пакета бутылку лимонного Garage, следом имбирный, потом Blazer и виноградный «День». Этикетки блеснули в свете прихожей лампы. Всё это выглядело не особенно внушительно, но почему-то сразу изменило настроение комнаты: разговоры стали громче, кто-то засмеялся, а Репа закатил глаза так, словно заранее видел последствия.

— Ты хоть спросил, можно ли у меня такое приносить? — сказал он.

— Если бы спросил, ты бы сказал нет.

— Вот именно.

— Значит, я сэкономил нам время.

Макс вернулся с балкона и, увидев бутылки, остановился в дверях.

— О, у нас программа поменялась?

— У нас программа осталась прежней, — ответил Алик. — Просто появилось дополнение.

— Очень нужное, — заметил Макс, но без особого энтузиазма.

Из ванной вышли Диана и Лина. За ними появилась Симура, застёгивая браслет на запястье. Девочки сразу заметили пакет, и Лина, заглянув внутрь, оживилась.

— А для нас что-нибудь есть? Только не говорите, что вы опять всё взяли на свой вкус.

— Там Garage, Blazer и «День», — перечислил Алик. — Выбирайте.

— Это вы выбирайте, — сказала Симура. — Мы, если что, не обязаны пить то же, что вы.

— Да никто не заставляет, — отозвался он.

Лина достала телефон и написала кому-то сообщение, а Диана тем временем спросила, не осталось ли у Репы бокалов. Тот ответил, что бокалы есть, но если кто-нибудь разобьёт хоть один, то в следующий раз будет пить из кружки с надписью «Лучший папа». Алик сказал, что ему всё равно, в какой посуде пить, чем заслужил неодобрительный взгляд Репы.

— Мы вообще-то не на свадьбе, — сказала Диана. — Можно обойтись обычными стаканами.

— Я тоже так думаю, — поддержала её Симура. — И если уж выбирать, то девочкам лучше взять что-нибудь своё. Санта Стефано или «Изабеллу», например. Только не эту сладкую газировку, которую вы называете напитком.

— У тебя очень строгие требования к вечеринкам, — сказал я.

— У меня обычные требования к вкусу. Это вы готовы пить всё, что помещается в бутылку.

Лина засмеялась и добавила, что у неё как раз есть знакомая, которая может занести Санта Стефано, если они решат остаться надолго. Симура сказала, что в прошлый раз они

брали «Изабеллу» в коробке, и для такой компании этого вполне хватило бы. Репа тут же уточнил, что никаких новых людей без предупреждения он сегодня не ждёт. Лина пообещала никого не звать, но по её лицу было ясно, что она пока ничего не решила.

В итоге бутылки так и остались стоять на тумбочке, а мы вернулись в комнату. Никто не устраивал торжественного открытия вечера. Алик поставил музыку погромче, Макс сел на пол возле дивана, Баха занял место у окна. Майя устроилась рядом с Линой и принялась листать фотографии в телефоне, показывая ей что-то на экране. Симура попросила переключить песню, потому что эту, по её словам, невозможно слушать дольше тридцати секунд.

— Ты каждый раз говоришь, что невозможно, а потом сама поёшь громче всех, — сказал Алик.

— Потому что я хотя бы знаю слова. А ты просто орёшь припев, даже не понимая, о чём песня.

— Главное — настроение.

— Тогда тебе лучше вообще без музыки. Просто стой и создавай настроение.

Макс засмеялся, а Алик показал Симуре средний палец, не особенно обидевшись. Репа принёс из кухни миску с нарезанными яблоками и поставил её на журнальный столик. Он ещё раз напомнил, что еду можно брать, но мусор нужно выбрасывать сразу, а не складывать под диван, как в прошлый раз. На это никто не ответил, потому что все прекрасно помнили, кто именно тогда оставил там упаковку от чипсов.

Я сел на край дивана рядом с Дианой. Она рассматривала экран своего телефона, время от времени улыбаясь чему-то в переписке. На ней была та же футболка «Спутник», в которой я видел её во дворе, и тонкая цепочка на шее. Она убрала телефон, заметив, что я смотрю.

— Что?

— Ничего. Ты весь вечер с кем-то переписываешься.

— У меня есть друзья, представляешь? Не все из них обязаны сидеть здесь и слушать, как Алик спорит с Симурой.

— А я думал, ты специально пришла, чтобы слушать меня.

— Я пришла поесть. Всё остальное — побочный эффект.

— Обидно. Я уже начал чувствовать себя главной причиной твоего вечера.

— Не переживай, Цой. Тебе ещё никто не запрещал мечтать.

Она улыбнулась и снова посмотрела на телефон. Я откинулся на спинку дивана, делая вид, что меня совершенно не задело её замечание. В комнате было тепло, окно оставили открытым, и с улицы доносились голоса ребят, игравших во дворе. Где-то хлопнула подъездная дверь. В соседней квартире работал телевизор, и сквозь стену иногда пробивался голос диктора.

Первым не выдержал Алик. Он поднялся с подлокотника, прошёл в прихожую и вернулся с пакетом, который до этого так и простоял возле тумбочки. Поставил его на пол рядом с журнальным столиком и принялся выкладывать бутылки одну за другой, будто собирался открыть небольшой магазин прямо посреди Репиной комнаты.

— Давайте только без лекций, — сказал он, заметив, как хозяин квартиры посмотрел на него. — Всё нормально будет. Мы не в первый раз вместе сидим.

— Вот именно эта фраза обычно и означает, что всё пойдёт не нормально, — ответил Репа. — Я просто хочу утром проснуться в своей квартире, а не в каком-нибудь филиале вокзала.

— Ты драматизируешь. Мы даже музыку пока не включили нормально.

— Музыка тут вообще ни при чём. Я знаю вас всех достаточно давно, чтобы не обольщаться.

Макс потянулся за пультом от телевизора и убавил звук. На экране беззвучно шёл какой-то музыкальный канал, клипы сменяли друг друга, а внизу мелькали названия песен. Алик

попросил не трогать телевизор, потому что собирался поставить свой плейлист, но Макс ответил, что сначала нужно хотя бы выбрать, что именно мы будем слушать, а не включать всё подряд.

— Ты сегодня отвечаешь за музыку? — спросил я.

— Нет, я сегодня отвечаю за то, чтобы у нас не было музыкального преступления, — сказал Макс. — Это разные должности.

— Тогда у тебя слишком много работы.

— С тобой согласен. Особенно когда ты начинаешь подпевать.

Диана рассмеялась, а я бросил в Макса диванную подушку. Он поймал её одной рукой и положил себе на колени, даже не пытаясь вернуть. Алик тем временем открыл лимонный Garage. Характерное шипение почему-то заставило всех на секунду обратить внимание на него. Репа молча принёс из кухни несколько стаканов и поставил их на стол, после чего ещё раз оглядел комнату, словно проверял, не собирается ли кто-нибудь прямо сейчас испортить мебель.

— Только на стол не ставьте без салфеток, — предупредил он. — И пустые бутылки потом сразу убирайте. Я серьёзно.

— Да поняли мы, — отозвалась Лина. — Ты как будто инструктаж перед экскурсией проводишь.

— Потому что вы ведёте себя как экскурсанты, которым всё можно.

Симура забрала у него пачку салфеток и положила одну под стакан. Остальные последовали её примеру не сразу. Алик разлил напиток по стаканам, но, когда протянул один Бахе, тот покачал головой.

— Я пока пас. Мне завтра с утра надо домой заехать, мать просила кое-что сделать.

— Ты каждый раз куда-то едешь с утра, — заметил Алик.

— Потому что у меня дома, в отличие от некоторых, люди существуют не только после обеда.

— Ладно, папенькин сынок, сиди со своим соком.

— Сам ты папенькин. Я просто не хочу потом слушать, что я опять всё проспал.

Баха сказал это спокойно, без желания спорить, и Алик довольно быстро переключился на разговор с Линой. Я знал, что Баха не любит объяснять свои решения. Если он говорил, что не хочет, значит, не хочет. Вытягивать из него причины было бесполезно, а иногда и неприятно.

Девочки пока ждали, когда Линина знакомая ответит насчёт шампанского. Симура сказала, что ей не принципиально, но если уж пить что-то сладкое, то лучше Санта Стефано. Лина уверяла, что «Изабелла» в коробке тоже вполне нормальная, особенно если не делать из обычной посиделки дегустацию. Диана слушала их вполуха и листала контакты.

— У меня дома, кажется, оставалась бутылка, — сказала она наконец. — Только я не помню, какая именно. Мама покупала к какому-то празднику, и она так и стоит в шкафу.

— Ты сейчас предлагаешь нам вынести семейные запасы? — спросила Майя.

— Я ничего не предлагаю. Я говорю, что она есть. Это разные вещи.

— Тогда не надо её трогать, — сказала Симура. — Если она там с праздника стоит, пусть дальше стоит. Лина уже написала, сейчас узнаем.

Лина показала экран телефона. Ответа пока не было. Она отправила ещё одно сообщение, а потом убрала телефон в карман юбки и устроилась на ковре рядом с Майей. Та рассказывала ей что-то про девочку из параллели, которая якобы поссорилась со всеми из-за фотографии. Подробности меня не заинтересовали, но Лина слушала внимательно и время от времени вставляла короткие комментарии.

В какой-то момент Алик включил музыку. Из динамика телефона заиграла песня, которую я слышал уже раз сто, но всё равно узнал с первых секунд. Макс одобрительно кивнул, а Симура тут же попросила сделать потише. Алик возмутился: по его словам, громкость была совершенно нормальной, просто у некоторых людей отсутствовало чувство прекрасного.

— Чувство прекрасного у меня есть, — сказала Симура. — Поэтому я и прошу тебя убавить. У соседей, между прочим, тоже есть уши.

— Соседи переживут.

— Ты с ними лично разговаривал?

— Нет, но уверен, что они сильные люди.

Репа бросил на него предупреждающий взгляд, и Алик всё-таки убавил звук. Мы ещё какое-то время спорили о музыке. Макс предлагал поставить что-нибудь другое, Лина вспоминала клип, который недавно видела по телевизору, а Майя заявила, что все эти песни звучат одинаково. На неё тут же набросились с вопросами, что именно она считает нормальной музыкой. Майя пожала плечами и сказала, что не обязана составлять список только потому, что кому-то стало скучно.

— Ты просто хочешь, чтобы мы сами догадались, — сказал я.

— Нет, Вилен. Я хочу, чтобы вы хотя бы иногда слушали то, что включаете, а не просто узнавали первые три секунды и начинали орать.

— Это называется музыкальная память.

— Это называется привычка перебивать песню.

Диана засмеялась и подалась ко мне, чтобы что-то сказать на ухо, но в последний момент передумала и просто протянула телефон. На экране была фотография, сделанная, судя по всему, в тот же день: она, Лина и Симура стояли у зеркала в подъезде, а на заднем плане кто-то оставил велосипед. Диана на снимке смотрела в сторону, Лина показывала язык, Симура держала телефон и пыталась попасть в кадр всем сразу.

— Это когда вы успели? — спросил я.

— Пока ты с Максом шёл от магазина. Мы встретились у подъезда и решили сфоткаться.

— Могли позвать. Я бы испортил кадр профессионально.

— Мы поэтому и не позвали.

Она забрала телефон, но улыбка у неё осталась. Я хотел продолжить, однако Макс уже звал меня посмотреть что-то в своём телефоне. Он нашёл старую фотографию с прошлого лета, где мы с Аликом стояли возле хоккейной коробки. На мне была огромная футболка, которая теперь казалась мне совершенно нелепой, а Алик зачем-то держал в руке пластиковую бутылку с водой и смотрел в камеру так, будто его поймали на месте преступления.

— Удали это, — сказал я.

— С чего вдруг? Это история.

— Это доказательство того, что у меня в прошлом был плохой вкус.

— У тебя и сейчас вкус сомнительный, — заметил Макс. — Просто одежда дороже.

Я забрал у него телефон, чтобы рассмотреть фотографию внимательнее. За нашими спинами виднелись облупленная стена, сетка ворот и кусок дворовой дорожки. Ничего особенного. Но я почему-то задержал взгляд на этом фоне дольше, чем на нас самих. Тогда мне казалось, что такие фотографии можно делать сколько угодно. Что двор никуда не денется, люди останутся примерно такими же, а лето ещё не раз повторится.

— Ты чего завис? — спросил Макс.

— Да ничего. Думаю, надо было хотя бы нормально встать.

— Поздно. Теперь это твой исторический портрет.

Он забрал телефон и снова сел рядом с Бахой. В прихожей звякнул домофон. Репа сразу поднялся, посмотрел на часы и нахмурился.

— Только не говорите, что вы ещё кого-то позвали.

— Я никого не звал, — сказала Лина, доставая телефон. — Это, наверное, моя знакомая. Она обещала написать, когда будет рядом.

Репа остановился у двери и обернулся.

— Ладно. Но если она поднимется, пусть сразу разувается и не тащит сюда полподъезда.

— Ты можешь хотя бы раз встретить человека без условий? — спросила Диана.

— Могу. Но не сегодня.

Он открыл дверь. Из коридора послышались незнакомый женский голос, короткий смех Лины и шорох пакета. В комнату заглянула девушка, которую я раньше видел пару раз, но имени не помнил. Она поздоровалась со всеми, передала Лине пакет и сказала, что долго не останется. Внутри действительно оказалась бутылка Санта Стефано. Симура одобрительно кивнула, а Лина торжественно объявила, что вопрос с напитками для девочек закрыт.

— Всё, теперь у нас полный комплект, — сказала она.

— У нас теперь полный стол бутылок, — поправил Репа. — А комплект у нас будет, когда вы всё это после себя уберёте.

Девушка ещё немного постояла у двери, обменялась с Линой парой фраз и ушла. Мы вернулись к своим разговорам. Никто не стал специально поднимать стаканы или произносить тост. Музыка играла негромко, в комнате постепенно становилось душно, и Репа время от времени подходил к окну, чтобы открыть его шире.

Потом Алик предложил выйти во двор. Сказал, что здесь скоро можно будет задохнуться, да и сидеть на одном месте ему надоело. Макс поддержал его, Баха пожал плечами, а Диана спросила, собираемся ли мы возвращаться. Репа ответил, что дверь он не запирает, но если мы уйдём все разом, то пусть хотя бы предупредим его, чтобы он не думал, будто квартиру ограбили.

Я поднялся последним. В комнате остались стаканы, салфетки, открытые бутылки и телефон, из которого продолжала играть музыка. На секунду мне показалось, что мы вернёмся через пять минут и всё будет точно так же. Я даже не стал запоминать эту картинку. Просто вышел вслед за остальными, пока Макс придерживал дверь, а Диана уже спускалась по лестнице и что-то говорила Лине.

Во дворе было чуть прохладнее, чем в квартире, хотя воздух всё ещё держал дневное тепло. Солнце уже ушло за дома, но асфальт не успел остыть: от него тянуло нагретой пылью, а возле подъездов пахло мокрыми после полива клумбами. Мы вышли на дорожку, ведущую к хоккейной коробке. Впереди шли Лина с Симурой, о чём-то переговариваясь; Макс и Баха задержались у крыльца, потому что Баха проверял, не оставил ли телефон на подоконнике. Алик шёл рядом со мной и крутил в пальцах зажигалку, хотя прикуривать, кажется, не собирался.

— Ну что, куда теперь? — спросил он. — Просто круги нарезать или есть идеи получше?

— Можно дойти до магазина, — сказала Диана. — Я хочу воды. Здесь душно даже на улице.

— Мы только что из квартиры вышли, а ты уже опять хочешь куда-то идти, — заметил я.

— Вилен, магазин находится в трёх минутах. Не надо делать вид, что я отправляю тебя в экспедицию.

— Я просто уточняю масштаб твоих амбиций.

— Мои амбиции сегодня — купить воду и не слушать тебя хотя бы пять минут.

Макс догнал нас и услышал последнюю фразу.

— Если получится, Диана, обязательно расскажи, как ты этого добилась. Мы с ним шестой год пытаемся.

— У вас просто недостаточно мотивации, — ответила она.

Мы свернули за угол дома. У магазина стояли двое пацанов помладше, один держал велосипед за руль, второй ковырял носком кроссовка землю. Чуть дальше, возле лавки, сидели знакомые лица. Я сначала узнал не самого Джокера, а его манеру стоять — чуть в стороне от остальных, будто ему не нужно было занимать центр, чтобы все всё равно обращали на него внимание.

Ян Фогель заметил нас почти одновременно со мной. Он был в тёмной олимпийке, застёгнутой до горла, хотя вечер уже не был холодным. Рядом с ним стояли двое незнакомых мне парней. Один — крепкий, смуглый, с короткими тёмными волосами и тяжёлым взглядом — держал руки в карманах. Второй был повыше, худощавый, с аккуратной стрижкой и цепочкой на шее. Оба выглядели старше нас.

— О, смотрите, кто тут, — сказал Алик, сбавив шаг.

По тому, как он это произнёс, я понял, что встреча случайная, но приятной её назвать нельзя.

Джокер усмехнулся и оттолкнулся плечом от стены.

— Здорово, Автозавод. Давно не виделись.

— Ты вроде в Ленинский переехал, — сказал Макс. — Чего обратно потянуло?

— А мне теперь прописку предъявлять, чтобы по району пройтись? — ответил Ян. — Или вы тут уже границы нарисовали?

— Просто спросил, — спокойно сказал Макс.

— А я просто ответил.

Алик остановился напротив него. Они с Джокером знали друг друга давно, и в их разговоре всегда чувствовалось что-то отдельное от остальной компании: старые договорённости, какие-то общие истории, которые нам не рассказывали, и взаимное раздражение, которое оба предпочитали прикрывать насмешками.

— Ты теперь, говорят, целую шайку собрал, — сказал Алик. — В Дубках базируетесь?

— Слышал уже? Быстро новости доходят.

— Нижний маленький, — сказал я. — Особенно когда кто-то очень хочет, чтобы о нём говорили.

Джокер перевёл на меня почти прозрачные глаза. На секунду его улыбка стала тоньше.

— Цой, ты всё такой же разговорчивый. Я уж думал, за лето повзрослеешь.

— А я думал, ты за лето научишься здороваться без спектакля. Видимо, оба ошиблись.

Парень покрепче тихо хмыкнул. Джокер бросил на него короткий взгляд, и тот сразу перестал улыбаться. Тогда я понял, что эти двое не просто случайно оказались рядом с ним. Они держались как люди, которые уже привыкли к его компании и знают, когда можно смеяться, а когда лучше промолчать.

— Это Малай, — сказал Джокер, кивнув на крепкого. — Дамир Губайдуллин. Семнадцать. А это Хайп — Александр Амирович Зелимханов. Восемнадцать, но все зовут Сашей.

— Дамир Юсупович, если официально, — добавил Малай. Голос у него был низкий, спокойный, с лёгкой насмешкой. — Но так меня только учителя называют.

— А Хайп — это потому, что он любит, когда вокруг него шум, — пояснил Джокер.

— Не слушай его, — сказал Хайп. — Он просто завидует, что у меня кличка звучит нормально.

— У тебя кличка звучит как название паблика, — заметил Алик.

— Зато запоминается.

— Это да. Особенно если увидел один раз и потом долго пытаешься забыть.

Хайп усмехнулся, но не стал отвечать. Он смотрел на нас внимательно, будто прикидывал, кто с кем дружит и кто здесь за главного. Малай, наоборот, почти не вмешивался. Он переводил взгляд с одного лица на другое и, казалось, больше слушал, чем участвовал.

— Вы теперь в Ленинском постоянно? — спросила Симура. — Или только в Дубках сидите?

— В основном там, — ответил Хайп. — Парк удобный, народу много, все друг друга знают. Да и место своё есть.

— Своё место в парке? — переспросила Диана. — Вы там табличку повесили?

— Пока нет, — сказал Малай. — Но идея хорошая.

— Только не забудьте согласовать с администрацией, — добавила Майя. — А то зашквар получится.

Я заметил, что Джокер слушает Майю с особым выражением лица. Не потому, что её слова его задели, а потому, что он пытался понять, насколько серьёзно она говорит. Майя смотрела на него спокойно, почти скучающе, и не собиралась объяснять шутку.

— Вы сюда всей компанией приехали? — спросил Макс.

— Не всей, — ответил Джокер. — Остальные в Ленинском. Мы с пацанами по делам заехали.

— По каким таким делам? — спросил Алик.

— По обычным. Не переживай, без тебя справились.

Алик усмехнулся, но его плечи чуть напряглись. Я знал этот жест: он мог продолжать шутить ещё долго, но если кто-то задевал его всерьёз, настроение менялось быстро. Макс тоже это заметил и слегка коснулся его локтя, как бы напоминая, что мы вообще-то вышли просто прогуляться.

— Слушай, Джокер, — сказал Баха, который до этого почти не говорил. — Ты же вроде собирался в Ленинском остаться. Чего опять здесь?

— Соскучился по родным стенам, — ответил Ян. — А ты всё такой же тихий. Тебя вообще слышно, когда ты не рядом стоишь?

— Если надо, услышишь.

Ответ прозвучал ровно, без угрозы, но Джокер на секунду задержал на нём взгляд. Потом пожал плечами, будто разговор перестал его интересовать.

Лина наклонилась к Симуре и что-то шепнула. Симура ответила ей так же тихо. Диана стояла рядом со мной, засунув руки в карманы джинсов, и смотрела то на Джокера, то на его новых знакомых. Ей явно не нравилось, что разговор постепенно превращается в проверку, кто кого переспорит.

— Ладно, мы в магазин собирались, — сказала она. — Если вы закончили перекличку, мы пойдём.

— Да никто вас не держит, — сказал Хайп.

— Вот и отлично.

Но Джокер будто только этого и ждал.

— Алик, подойди на секунду. Давно нормально не разговаривали.

Алик посмотрел на него, потом на нас.

— Говори здесь.

— Да не при всех. На два слова.

— Если у тебя есть что сказать, говори при всех. Мы же не секретный кружок.

Малай чуть повернул голову к Джокеру. Хайп перестал улыбаться. Я не знал, что именно Ян хотел обсудить с Аликом, но по его лицу было понятно: он рассчитывал, что тот отойдёт. Алик, похоже, тоже это понял и решил не давать ему такого удовольствия.

— Как хочешь, — сказал Джокер. — Просто хотел узнать, ты всё ещё с нами или уже окончательно примкнул к этой компании.

— Я сам решу, с кем мне быть.

— Да я не спорю. Просто спрашиваю.

— Тогда ответ услышал.

На несколько секунд повисла тишина. С дороги донёсся звук проезжающей маршрутки, кто-то громко засмеялся возле соседнего подъезда. Обычный двор продолжал жить своей жизнью, и от этого наша маленькая остановка у лавки казалась ещё более нелепой. Мы стояли друг напротив друга, словно случайно попали в сцену, которую никто заранее не репетировал, но каждый почему-то знал свою роль.

Джокер первым отвёл взгляд. Он поправил рукав олимпийки и снова улыбнулся — уже привычно, лениво.

— Ладно. Увидимся ещё. Мы теперь часто здесь бываем.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

— Ты, Цой, лучше за собой следи. А то всё шутишь, шутишь.

— А ты всё обещаешь, обещаешь. Может, когда-нибудь и удивишь.

Макс тихо выдохнул и шагнул вперёд, разрывая паузу.

— Пошли уже. Вода сама себя не купит.

Диана двинулась первой. За ней пошли Лина и Симура, потом Баха. Алик задержался на секунду, глядя на Джокера, но всё-таки развернулся и пошёл за нами. Я двинулся последним. Когда мы отошли на несколько шагов, услышал за спиной голос Хайпа: он что-то сказал Джокеру, и оба засмеялись. Малай не засмеялся. Он смотрел нам вслед, пока мы не свернули за угол.

— Кто эти двое? — спросила Диана, когда мы оказались подальше.

— Новые друзья Джокера, — ответил Алик. — Малай и Хайп. Они теперь с ним в Ленинском тусуются, в Дубках. Там у них своя компания собралась.

— А Джокер зачем сюда приехал? — спросил Макс.

— Не знаю. Может, правда по делам. Может, проверяет, кто его ещё помнит.

— Судя по разговору, он очень переживает, что его забудут, — сказала Майя.

— Он всегда таким был, — ответил Алик. — Ему надо, чтобы вокруг постоянно что-то происходило. Если тихо, он сам найдёт, к чему докопаться.

Мы дошли до магазина. Диана открыла дверь и пропустила вперёд Симуру. Я оглянулся на перекрёсток, хотя прекрасно понимал, что Джокера уже не видно. Встреча заняла от силы несколько минут, но после неё вечер будто немного сдвинулся. До этого мы просто вышли погулять. Теперь у нас появилась новость, которую наверняка будут обсуждать ещё не один день: Джокер вернулся в район, пусть и ненадолго, и теперь у него была своя компания в Ленинском.

В магазине было прохладно и пахло одновременно хлебом, бытовой химией и чем-то сладким из холодильника с молочными продуктами. Кондиционер гудел над кассой, но до дальних рядов его почти не доставало. Диана взяла бутылку воды, Симура остановилась возле витрины с мороженым, а Лина принялась рассматривать полку с жвачками, хотя, кажется, покупать ничего не собиралась.

— Ты будешь что-нибудь? — спросила Диана, повернувшись ко мне.

— Я уже сегодня ел. У меня организм пока справляется.

— Я не про еду. Воду возьми, пока не начал жаловаться, что умираешь от жары.

— Я не жалуюсь. Я просто констатирую.

— Конечно. У тебя даже нытьё звучит как важное заявление.

Я взял из холодильника бутылку воды и пошёл к кассе вслед за ней. Макс с Аликом остались у входа: Алик что-то рассказывал ему, активно жестикулируя, а Макс слушал с выражением человека, который уже знает концовку, но из вежливости не перебивает. Баха стоял чуть поодаль и смотрел на улицу через стеклянную дверь.

Когда мы вышли, солнце уже почти скрылось за крышами. На асфальте вытянулись длинные тени, и двор постепенно наполнялся людьми, которые возвращались домой или, наоборот, только выходили гулять. У детской площадки женщина звала ребёнка с качелей, возле соседнего подъезда двое мужчин обсуждали ремонт машины. Где-то за домами коротко просигналила маршрутка.

— Ну и что теперь? — спросила Лина. — Обратно к Репе или ещё погуляем?

— Я за то, чтобы не возвращаться сразу, — сказала Симура. — Мы только вышли, а вы уже хотите опять сидеть в четырёх стенах.

— Я не хочу сидеть, — возразил Репа, который догнал нас у магазина. Он вышел последним и теперь держал в руке связку ключей. — Я хочу, чтобы вы не забыли, что у меня дома остались ваши стаканы, бутылки и прочее богатство. И чтобы кто-нибудь потом помог всё это убрать.

— Ты сам нас выгнал на улицу, — сказал Алик.

— Я предложил проветриться. Это не одно и то же.

— Вот видишь, Реп, тебе надо точнее формулировать желания.

— А тебе надо иногда думать, прежде чем открывать рот.

— Тогда мы оба сегодня останемся без любимого занятия.

Макс рассмеялся и предложил пройтись до коробки. Там обычно кто-нибудь играл в футбол или просто сидел на бортике, а если повезёт, можно было встретить знакомых. Мы пошли вдоль дома, не торопясь и постоянно сбиваясь с прямой дороги: то кто-нибудь останавливался поздороваться, то Лина вспоминала, что хотела рассказать, то Алик сворачивал к лавке, чтобы проверить, не сидит ли там кто-то из его знакомых.

Разговор о Джокере постепенно распался на отдельные реплики. Симура спросила, давно ли он перебрался в Ленинский, и Алик ответил, что окончательно — вроде бы недавно, хотя мотался туда и обратно уже какое-то время. По его словам, в Дубках Ян быстро познакомился с местными, а потом вокруг него стали крутиться ещё несколько человек. Малай и Хайп были просто теми, кого он сегодня привёл с собой.

— А что за Хайп вообще? — спросила Лина. — Он всё время так смотрел, будто оценивает, кто как одет.

— Может, он и оценивает, — сказал Алик. — У него кличка такая, ему положено.

— Очень смешно, — сказала Диана. — А Малай нормальный?

— Да вроде спокойный. Я его раньше не видел, — ответил Алик. — С Джокером они, похоже, недавно пересеклись.

— А Саша? — спросил Макс. — Хайп, то есть.

— Тоже не знаю. С виду обычный. Только старше нас на два года и держится так, будто ему все должны.

— Это не редкость, — заметил я. — У нас таких тоже хватает.

— Ты сейчас про себя? — спросила Диана.

— Я сейчас про тебя. Но не хотел говорить при всех.

— Спасибо, что решил проявить деликатность.

Она толкнула меня плечом, и я чуть не задел бутылкой Макса. Тот отодвинулся, посмотрел на нас и покачал головой.

— Вы можете хотя бы пять минут идти нормально? Не обязательно каждый раз устраивать отдельное представление.

— Это он начинает, — сказала Диана.

— Я вообще молчал.

— Вот именно. Тебе стоило продолжать.

Мы дошли до хоккейной коробки. На площадке гоняли мяч несколько мальчишек, постарше нас, но младше Алика. Один играл в футболке с эмблемой «Спартака», другой был в растянутой майке и шортах до колен. За сеткой стояли велосипеды, на бортике лежала чья-то ветровка. Мы остановились у входа, но внутрь не пошли: места там и так хватало только на тех, кто играл.

Алик окликнул одного из ребят, спросил, кто выиграл, и получил в ответ длинное объяснение, в котором счёт менялся по ходу рассказа. Макс прислонился к сетке и стал наблюдать за игрой. Баха сел на низкий бортик, поставил бутылку рядом с собой и достал телефон.

— Слушай, — сказала Симура Алику, — а Джокер с тобой что-то хотел? Выглядело так, будто он не просто поздороваться подошёл.

Алик пожал плечами.

— Да он постоянно что-то хочет. Мы раньше нормально общались, потом начали расходиться. Ему не нравится, когда человек не делает так, как он сказал. А мне не нравится, когда мне указывают. Вот и вся история.

— Но ты же сам говорил, что он тебя когда-то выручил, — напомнил Макс.

— Было дело. Я этого не отрицаю. Но если человек один раз помог, это не значит, что теперь он может всю жизнь решать за тебя.

Он произнёс это без привычной усмешки. Я посмотрел на него, но задавать вопросы не стал. По тону было понятно, что подробности он сейчас рассказывать не собирается. Макс тоже не стал продолжать, только кивнул и снова повернулся к площадке.

Лина тем временем достала телефон и показала Диане сообщение. Та прочитала, нахмурилась, потом усмехнулась.

— Что там? — спросила Майя.

— Ничего. Просто знакомая спрашивает, где мы. Я ей написала, что гуляем возле коробки, а она теперь хочет узнать, кто ещё здесь.

— Скажи, что весь город, — предложил я. — Пусть не тратит время на уточнения.

— Тебя я точно в список не внесу.

— А зря. Я бы украсил компанию.

— Ты бы занял весь список своими фотографиями.

Симура попросила телефон, чтобы посмотреть сообщение, и быстро набрала что-то в ответ. Лина заглянула ей через плечо, поправила пару слов и вернула аппарат. Они переговаривались вполголоса, иногда смеясь, а Майя стояла рядом и крутила на пальце тонкое кольцо. Она не участвовала в разговоре, но время от времени поглядывала на меня. Я сделал вид, что не заметил.

С площадки донёсся громкий спор: мальчишки не могли решить, был ли гол или мяч попал в сетку снаружи. Один из них требовал переиграть, второй уверял, что все видели, как мяч пересёк линию. Алик не выдержал и вмешался, объяснив им, что если они будут спорить после каждого удара, то до темноты так и не закончат. Его попросили самому показать, как надо, и он с готовностью перелез через бортик.

— Только не порви ничего, — крикнул ему Репа.

— За себя переживай!

— Я за свою квартиру переживаю. Ты уже достаточно там наследил.

Алик отмахнулся и побежал к ребятам. Через минуту он уже спорил с одним из них, но теперь спор был исключительно о том, кто будет стоять в воротах. Макс посмотрел на меня.

— Пойдём?

— Я не собираюсь играть в этой обуви.

— Ты всегда находишь причину.

— Это называется беречь ресурс.

— Это называется бояться проиграть.

— Я не боюсь проиграть. Я не хочу давать им возможность запомнить, как именно это произошло.

Макс улыбнулся и полез через бортик. Я остался с девочками и Репой. Диана села на край лавки, поставила бутылку между кедами и стала смотреть на игру. Через сетку было видно, как Макс сначала спокойно занял место в защите, а потом, когда мяч оказался у него, неожиданно рванул вперёд. Алик что-то крикнул ему, и оба засмеялись.

— Ты чего не пошёл? — спросила Диана.

— Кто-то должен следить за происходящим со стороны.

— Конечно. Очень ответственная должность.

— Между прочим, я мог бы играть лучше них всех.

— Тогда почему не играешь?

— Потому что сегодня у меня выходной.

Она покачала головой, но улыбалась. Я сделал глоток воды и посмотрел на площадку. На несколько минут разговоры вокруг стихли: мы просто наблюдали за игрой, слушали, как мяч ударяется о покрытие и как ребята кричат друг другу через всю коробку. Вечер постепенно темнел, но никто не спешил расходиться.

Макс забил случайно. По крайней мере, именно так он потом объяснял, хотя сам Алик утверждал, что тот просто удачно подставил ногу и теперь строит из себя футболиста. Мяч отскочил от борта, задел Макса по голени и покатился прямо в ворота. Мальчишки закричали, кто-то потребовал засчитать гол, кто-то возмутился, что это вообще не считается, а Макс только развёл руками и вышел из коробки с таким видом, будто всё происходящее его совершенно не касается.

— Я же говорил, что надо было идти, — сказал он, подходя к нам.

— Ты забил случайно.

— Гол от этого меньше не стал.

— Конечно. В следующий раз просто стой у ворот и жди, пока мяч сам в тебя попадёт.

— Завидуй молча, Цой.

Алик вышел следом. Он был раскрасневшийся, с прилипшей ко лбу короткой чёлкой, и явно хотел продолжить игру, но мальчишки уже начали расходиться. Один из них позвал остальных к соседнему двору, и коробка быстро опустела. Алик проводил их взглядом и сказал, что с такими командами играть невозможно: половина не знает правил, а вторая половина придумывает их по ходу матча.

— Ты сам десять минут спорил, был гол или нет, — напомнила Диана.

— Я спорил по делу.

— А они, значит, просто так?

— У них нет аргументов. У меня есть.

— Ты сейчас звучишь как человек, который проиграл спор, но ещё не смирился.

— Дошик, не начинай.

Диана подняла ладони, показывая, что сдаётся, и отошла к Симуре. Алик посмотрел ей вслед, но ничего не сказал. Он мог вспылить из-за любой ерунды, однако с Дианой обычно держался осторожнее. Они знали друг друга с детства, и у них были свои правила: можно было подкалывать, ругаться, припоминать старые истории, но некоторые вещи лучше не трогать.

Мы остались возле коробки. Репа сел на лавку, Макс устроился рядом, а Баха отошёл чуть в сторону, чтобы ответить на сообщение. Вечер окончательно перешёл в ту часть, когда уже не хочется никуда идти, но домой тоже рано. У фонарей над подъездами загорелся жёлтый свет. В окнах постепенно появлялись квадраты телевизоров и кухонных ламп.

Я снова вспомнил Джокера. Не потому, что хотел, а потому, что его имя теперь будто лежало где-то рядом с нами и мешало разговору идти своим чередом. Ян всегда умел оставаться в голове после встречи. Даже если говорил всего пару фраз, потом ещё долго прокручивал их, вспоминал интонацию, выражение лица, то, как он смотрел на тебя в конце разговора. Он не обязательно должен был что-то сделать. Иногда ему хватало просто дать понять, что он тебя заметил.

— Ты чего притих? — спросил Макс.

— Думаю, как бы тебе объяснить, что случайный гол не делает тебя спортсменом.

— Не старайся. Всё равно не получится.

Он улыбнулся, но потом посмотрел на меня внимательнее.

— Ты из-за Фогеля, что ли?

— Нет.

— Вилен.

— Что? Я сказал нет.

Макс не стал спорить. Он знал, что если я не хочу говорить, то лучше не давить. Но и делать вид, будто ничего не заметил, он тоже не умел. Мы с ним дружили достаточно давно, чтобы он различал, когда я просто злюсь, а когда пытаюсь сделать вид, что мне всё равно.

— Он опять начал за своё, — сказал Макс после паузы. — Сначала про район, потом про компанию, потом к Алику полез. Ему обязательно нужно кого-нибудь задеть.

— Он не меня сегодня задевал.

— А обычно?

Я пожал плечами. Вопрос был несложный, но отвечать на него не хотелось. С Джокером всё началось не сегодня и даже не в этом году. В школе он цеплялся ко мне ещё тогда, когда мы учились в одном корпусе и почти каждый день пересекались в коридоре. Сначала это выглядело как обычные подколы: фамилия, разрез глаз, то, что отец у меня кореец, а мама еврейка. Он мог спросить, не разговариваю ли я дома на китайском, или назвать меня каким-нибудь словом, которое услышал от старших. Остальные смеялись, потому что в компании всегда проще смеяться вместе со всеми, чем выяснять, почему шутка неприятная.

Я не сразу понял, что это не просто дурацкие приколы. В какой-то момент стало ясно: ему нравилось проверять, сколько можно сказать при людях, прежде чем я сорвусь. Он мог пройти мимо и бросить что-нибудь про мои глаза, мог нарочно передразнить фамилию, мог спросить, откуда я вообще взялся в Нижнем. Если я отвечал, он делал вид, что я не умею воспринимать юмор. Если молчал, повторял громче, чтобы услышали остальные.

— Помнишь, в восьмом классе он тебе рюкзак закинул на шкафчики? — спросил Макс.

— Помню.

— А потом говорил, что ты сам его туда поставил.

— Он много чего говорил.

— Ты тогда чуть ему нос не сломал.

— Не сломал же.

Макс усмехнулся, но глаза у него остались серьёзными.

Тот случай я помнил слишком хорошо. В коридоре было тесно, после звонка все толпились возле кабинетов. Ян выдернул у меня рюкзак, передал кому-то из своих, а потом его закинули на верх шкафчика. Я попросил вернуть. Сначала нормально, потом уже не очень. Он стоял рядом и улыбался, спрашивал, не позвать ли мне родителей, чтобы они достали. Я полез сам, задел локтем его плечо, он толкнул меня в грудь. Дальше всё случилось быстро: я ударил его, он ответил, кто-то закричал, нас растащили. Потом были разговоры с классной, вызов родителей и длинная дорога домой, во время которой отец почти не говорил.

Самым неприятным было даже не то, что нас наказали обоих. Неприятно было слышать от взрослых, что надо быть умнее, не обращать внимания, не провоцировать. Будто если я просто перестану реагировать, Ян вдруг потеряет интерес. Но он не терял. Наоборот, каждый раз, когда я пытался промолчать, он находил новый способ напомнить, что может подойти ко мне в любой момент и сказать что угодно.

— Он тогда не просто шутил, — сказал Макс. — Он специально тебя доводил.

— Я знаю.

— И сейчас то же самое. Только теперь у него новые люди рядом.

— Да мне плевать, кто у него рядом.

— Вот именно так ты и говоришь каждый раз.

Я посмотрел на Макса. Он не улыбался и не пытался меня поддеть. От этого хотелось ответить резче, чем следовало.

— А что ты предлагаешь? Чтобы я каждый раз убегал, когда вижу его?

— Я ничего не предлагаю. Просто не надо давать ему то, чего он добивается.

— И чего же он добивается?

— Чтобы ты сорвался. Чтобы потом можно было всем рассказывать, какой ты психованный и как он вообще ни при чём.

Я отвернулся. Макс был прав, и это раздражало сильнее всего.

О Джокере я знал больше, чем хотел бы. Его отец, Ганс Фогель, работал на ГАЗе — в подразделении, где собирали автомобили Skoda и Volkswagen. Ян иногда рассказывал об этом так, словно отец занимал какую-то особенную должность, хотя, насколько я понимал, тот был обычным работягой на производстве. У него были смены, пропуска, рабочая одежда, вечная усталость после завода и привычка вставать затемно. Но сам Ян любил произносить «отец на ГАЗе» с таким выражением, будто это автоматически ставило его выше остальных.

Фогели были этническими немцами. Ян носил отчество Гансович, фамилию не скрывал и иногда сам подчёркивал, что его семья не русская. При этом его собственные взгляды были странным сочетанием национальной гордости, злости и желания всем доказать, что именно он имеет право решать, кто здесь свой, а кто нет. Он мог говорить о немецких корнях, о дедах и фамильных историях, а через минуту выкрикивать националистические лозунги и цепляться к чужому происхождению. В его голове это, кажется, никак не противоречило друг другу.

Мать звали Анна Фогель-Браун. Она работала где-то в сфере обслуживания, кажется, в салоне или небольшом магазине, но точно я не знал. В отличие от отца, она редко появлялась в разговорах Яна. Он почти никогда не рассказывал о ней, а если кто-то спрашивал, отвечал коротко и с раздражением. Про отца говорил чаще: про завод, про машины, про то, что тот может достать запчасти или договориться с кем-то из знакомых. Иногда упоминал, что дома у них всё должно лежать на своих местах и что отец не терпит беспорядка.

Я видел Ганса Фогеля всего пару раз. Высокий мужчина с тяжёлым лицом, коротко стриженными волосами и большими руками. Он приезжал за Яном на старой машине, выходил, открывал багажник и ждал, пока сын донесёт свои вещи. Ничего особенного в нём не было, но рядом с ним Ян становился другим: меньше говорил, не перебивал, не строил из себя главного. Это меня удивляло. С нами он мог спорить до хрипоты, а отцовский взгляд выдерживал недолго.

— Ты опять про его семью думаешь? — спросил Макс.

— Да нет. Просто вспомнил, что он рассказывал про отца.

— Про ГАЗ?

Я кивнул.

— Ну и что? Его отец там работает. И что теперь?

— Ничего. Просто он постоянно этим козыряет.

— Пусть козыряет. Это же не делает его лучше.

— Я и не говорю, что делает.

Мы замолчали. С другой стороны коробки донёсся свисток: мальчишки вернулись и теперь пытались договориться, кто будет играть следующую партию. Алик уже собирался к ним присоединиться, но Симура окликнула его и спросила, не собирается ли он хотя бы сегодня побыть с нами. Он ответил, что успеет ещё, и вернулся к лавке.

— А почему он к тебе так прицепился? — спросила Диана. Она подошла незаметно и, кажется, услышала последние слова. — Я имею в виду, Фогель. Вы же давно знакомы.

Я пожал плечами.

— Не знаю. Ему не нравится, что я существую.

— Очень содержательно.

— Я могу придумать более длинную версию, но смысл не изменится.

Диана села рядом со мной. На этот раз она не стала шутить. Посмотрела на площадку, где Алик уже снова спорил с мальчишками, потом на меня.

— Он из-за национальности к тебе цеплялся?

Я не ответил сразу. Не хотелось превращать разговор в объяснение, но и притворяться, что дело было только в характере, тоже не имело смысла.

— Да. Из-за этого тоже. Он любит такие вещи. Если у человека фамилия не такая, внешность не такая, родители не такие — значит, можно подойти и что-нибудь сказать. А если отвечаешь, он делает вид, что ты сам всё испортил.

— Мерзко, — сказала Диана.

— Примерно.

— И ты с ним дрался?

— Один раз нормально. Потом ещё пару раз толкались. Ничего героического.

— Я не спрашивала, героическое ли это.

Я посмотрел на неё. Она говорила серьёзно, без привычной усмешки, и от этого мне стало немного неловко. Я не любил, когда меня жалели. Даже если человек не собирался этого делать.

— Не надо делать из этого большую историю, — сказал я. — Он просто придурок.

— Я не делаю. Просто теперь понятно, почему ты на него так реагируешь.

— Я нормально реагирую.

— Конечно. У тебя вообще всё нормально, особенно когда ты начинаешь сжимать челюсть.

Она легко коснулась пальцами моей руки, будто хотела обратить внимание на то, что я действительно сжал кулак. Я разжал пальцы и сделал вид, что просто держал бутылку слишком крепко.

— Я не собираюсь ему ничего доказывать, — сказал я.

— Тогда и не доказывай.

Она произнесла это так просто, будто всё действительно можно было решить одним предложением. Я хотел сказать, что так не работает, что Ян не оставит меня в покое, если я перестану отвечать, что он всегда найдёт повод. Но не стал. Диана не пыталась читать мне лекцию. Она просто сидела рядом, и этого почему-то оказалось достаточно.

Макс поднялся с лавки и позвал нас к остальным. Репа уже говорил, что пора возвращаться, потому что он не собирается оставлять квартиру без присмотра до глубокой ночи. Лина предложила ещё немного пройтись, Симура поддержала её, а Алик сказал, что ему всё равно, лишь бы не идти сразу домой. В итоге решили сделать круг через соседний двор и потом вернуться к Репе.

Я пошёл рядом с Максом. Диана с Линой шли впереди, о чём-то спорили и периодически оборачивались к Симуре. Алик догонял нас, продолжая рассказывать, как именно надо было играть в футбол. Вечер снова стал обычным: разговоры, шаги по асфальту, свет из окон, чей-то смех за спиной.

Только имя Фогеля теперь не уходило из головы. Я знал, что он не забыл старые истории. И, судя по тому, как он сегодня смотрел на меня, забывать не собирался.

***

Мы прошли через соседний двор, где возле песочницы стояла старая детская коляска, а на лавке сидели две женщины с пакетами из магазина. Одна из них узнала Репу и спросила, не собирается ли он опять устраивать у себя шумные посиделки. Он остановился, поздоровался и с самым невинным видом ответил, что сегодня у него дома образцовый порядок и вообще он теперь ведёт спокойный образ жизни.

— Слышала я твой спокойный образ жизни, — сказала женщина. — В прошлый раз у вас музыка до одиннадцати гремела.

— До одиннадцати — это ещё по-божески, — пробормотал Алик, когда мы отошли.

Репа обернулся и показал ему кулак, но улыбался. Женщины продолжили обсуждать что-то своё, а мы двинулись дальше. У подъезда кто-то чинил велосипед, на верхнем этаже открыли

окно и вытряхивали коврик. Из кухни на первом этаже пахло жареным луком. В такие вечера весь район будто становился одной большой квартирой, в которой у каждого своя жизнь, но звуки и запахи всё равно просачивались к соседям.

— Тебя реально все тётки знают? — спросила Лина у Репы.

— Я здесь живу с рождения. У нас тут даже дворник знает, когда я домой прихожу.

— И что он докладывает твоим родителям?

— Что я опять не вынес мусор.

— Ну хоть кто-то следит за твоим воспитанием, — сказала Симура.

Репа хотел ответить, но в этот момент у него зазвонил телефон. Он достал его из кармана, посмотрел на экран и немного отошёл в сторону. Мы не стали прислушиваться. Алик с Максом спорили, стоит ли завтра идти на футбольное поле, а Лина пыталась убедить Диану, что ей нужно поменять заставку на телефоне. Майя шла рядом со мной и время от времени поглядывала на витрины закрывающегося магазинчика.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — сказала она.

— Сегодня у всех день наблюдений за мной?

— Не льсти себе. Просто ты обычно громче.

— Может, я берегу голос.

— Для чего?

— Для важных выступлений.

Майя чуть улыбнулась. Она умела говорить так, будто каждую реплику заранее проверила на точность, но не всегда было понятно, шутит она или действительно хочет что-то выяснить. Иногда мне казалось, что она специально оставляет собеседнику возможность самому выбрать, как понять её слова.

— Ты не обязан каждый раз отвечать ему, — сказала она после короткой паузы.

— Кому?

— Фогелю. Я слышала, что вы говорили с Максом.

— Вы сегодня все решили провести психологический консилиум?

— Нет. Просто ты не очень хорошо скрываешь, когда злишься.

— Я не скрываю. Я просто не считаю нужным всем рассказывать.

— Это заметно.

Она не стала продолжать. Я был ей за это благодарен, хотя вслух, конечно, ничего не сказал. Майя могла раздражать меня своей манерой смотреть прямо в глаза и ждать ответа, но сейчас она не пыталась вытянуть из меня признание. Просто обозначила, что заметила, и оставила тему в покое.

Репа закончил разговор и догнал нас. Он сказал, что ему звонила мать: она собиралась вернуться поздно, но попросила проверить, закрыта ли форточка на кухне. Репа ответил, что всё под контролем, хотя сам, кажется, забыл, открывал он её или нет. После этого он предложил всё-таки вернуться домой, пока никто не решил, что мы пропали.

— Мы же только круг сделали, — возмутилась Лина.

— Вы можете гулять хоть до утра. Только я хочу знать, что у меня дома происходит.

— Ты как будто не хозяин квартиры, а управляющий торговым центром, — сказала Диана.

— В торговом центре хотя бы охрана есть. А у меня вы.

— Не переживай, мы не хуже охраны, — сказал Алик. — Особенно я.

— Вот поэтому я и переживаю.

Мы повернули обратно. На этот раз шли медленнее, потому что никто не торопился первым заходить в подъезд. У Репы в квартире оставались наши вещи, напитки и музыка, а на улице было всё ещё хорошо. Небо над крышами стало тёмно-синим, в нём уже проступили

первые яркие точки. На дороге загорелись фары машин, и возле остановки собрались люди, ожидавшие маршрутку.

У подъезда Диана остановилась, чтобы завязать шнурок. Я тоже замедлил шаг, хотя мог спокойно пройти дальше. Она подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх.

— Ты чего стоишь?

— Жду, пока ты закончишь. Не хочу потом слушать, что я тебя бросил.

— Ты бы всё равно услышал, даже если бы ушёл.

— Значит, я предусмотрительный.

Она закончила завязывать шнурок и выпрямилась. На секунду наши взгляды встретились, и мне захотелось сказать что-нибудь нормальное. Не очередную глупость, не ответ с подколом, а что-то простое — например, что мне нравится, когда она рядом. Но такие фразы застревали где-то внутри. Я отвёл глаза и первым потянул дверь подъезда.

В квартире Репы стало душнее. Он сразу открыл окно на кухне, проверил форточку и попросил никого не выходить на балкон с открытой бутылкой. Алик включил свет в комнате, Макс поставил телефон на зарядку, а Симура с Линой отправились в ванную смыть макияж и поправить волосы. Диана осталась у зеркала в прихожей, достала из сумки расчёску и провела ею по чёрному каре.

— У тебя лак закончился? — спросила она у Лины, когда та вышла из ванной.

— Почти. А что?

— У меня есть маленький, если надо.

— Давай, а то у меня волосы уже вообще не слушаются.

Они устроились возле зеркала вдвоём, передавая друг другу косметику и обсуждая, кто куда собирается на выходных. Симура вышла последней и сказала, что ей нужно будет уйти пораньше: завтра тренировка, и если она опять опоздает, тренер устроит ей отдельную лекцию. Лина спросила, неужели нельзя один раз пропустить, но Симура ответила, что тогда придётся объяснять, почему она пропустила, а ей совершенно не хочется выдумывать оправдания.

— Ты вообще умеешь отдыхать? — спросил Алик.

— Умею. Просто у меня есть дела, кроме сидения у Репы на диване.

— Жестоко.

— Зато честно.

В комнате уже стало тесно от людей и вещей. Кто-то сидел на диване, кто-то устроился на полу, кто-то стоял у окна. На журнальном столике появились открытые пачки чипсов, яблоки, пластиковые стаканы и несколько телефонов, подключённых к зарядкам. Музыка играла тише, чем раньше, потому что Репа несколько раз напоминал о соседях. Алик переключал песни, пока Симура не сказала, что если он ещё раз поставит одно и то же, она сама заберёт у него телефон.

— Ты можешь просто попросить нормально, — сказал он.

— Я уже просила нормально. Ты не понимаешь с первого раза.

— Я всё понимаю. Просто у меня своё мнение.

— У тебя не мнение, у тебя плейлист из пяти песен.

Макс прыснул со смеху. Алик посмотрел на него, потом на Симуру и всё-таки отдал телефон. Она пролистала список и выбрала что-то другое. Первые секунды никто не узнал песню, но потом Лина тихо подпела припеву, а Диана начала отбивать ритм пальцами по колену.

Я сел на пол рядом с Максом. Он наклонился ко мне и негромко спросил, всё ли нормально. Я кивнул. Он не поверил, но и не стал устраивать допрос. Вместо этого показал мне фотографию, которую ему прислала сестра: на снимке Вера стояла возле школьного кабинета географии и держала в руках огромную стопку тетрадей. Подпись была короткая: «Если кто-то спросит, я сегодня не работаю».

— Она опять проверяет тетради? — спросил я.

— У неё контрольные. Сказала, что если я буду шуметь, она мне тоже даст одну на проверку.

— Ты бы справился.

— Я бы поставил всем двойки и закрыл вопрос.

Мы засмеялись. Макс убрал телефон и на секунду задумался, потом сказал, что завтра, возможно, поедет к сестре за учебниками. Я спросил, зачем ему учебники летом, и он ответил, что Вера попросила забрать несколько коробок из школы, а потом, может быть, они зайдут за мороженым.

— Поехали с нами, если хочешь, — предложил он. — Всё равно делать нечего.

— Посмотрим. Я завтра сначала дома побуду.

— Ты каждый раз так говоришь, а потом оказываешься где-нибудь у коробки.

— Это называется спонтанность.

— Это называется отсутствие планов.

Я не стал спорить. В тот момент мне действительно казалось, что завтра ещё далеко. Что можно будет проснуться ближе к обеду, посмотреть сообщения, решить, куда идти, и ничего не упустить. Лето было длинным, и у него будто не существовало края.

В какой-то момент Лина попросила включить свет на кухне и принесла оттуда ещё одну миску с нарезанными фруктами. Репа возмутился, что она опять открыла холодильник без спроса, но Лина сказала, что это не холодильник, а общественное достояние. Он ответил, что тогда общественное достояние пусть моет за собой посуду. Девочки засмеялись, а Симура пообещала помочь перед уходом.

— Я запомнил, — сказал Репа. — У меня теперь есть свидетель.

— Только не начинай составлять договор, — попросила Диана. — Мы всё уберём.

— Вот это я уже слышал.

Разговор снова перескочил на планы. Кто-то предложил завтра съездить в центр, кто-то хотел остаться в районе, Лина говорила про знакомых, которые собирались вечером на набережную. Алик заявил, что в центр ехать незачем, если там всё равно делать нечего, но Симура напомнила ему, что он сам каждую неделю предлагает туда выбраться. Макс спросил, во сколько все смогут встретиться, и получил пять разных ответов.

Я слушал их вполуха. На экране телевизора сменился клип, за окном проехала машина с громкой музыкой, а телефон в кармане коротко завибрировал. Я достал его и увидел сообщение от неизвестного номера. Там было всего несколько слов: «Скажи своему другу, что мы ещё поговорим». Номер я не знал, но догадаться, кто написал, было нетрудно.

Я перечитал сообщение и заблокировал экран.

— Кто там? — спросил Макс.

— Никто.

Он посмотрел на меня, потом протянул руку.

— Покажи.

— Да ерунда.

— Вилен, покажи.

Я секунду колебался, но потом всё-таки протянул ему телефон. Макс прочитал сообщение, нахмурился и вернул аппарат.

— Это он?

— Скорее всего.

— Не отвечай.

— Я и не собирался.

— И Алику пока не говори. Он сейчас только заведётся.

Я убрал телефон в карман. В комнате продолжали смеяться, спорить и выбирать музыку. Никто, кроме Макса, не заметил, что что-то изменилось. Я посмотрел на Диану: она сидела

на диване рядом с Линой и показывала ей что-то в телефоне, совершенно не подозревая о сообщении. Мне не хотелось портить вечер и объяснять всем, что Фогель решил продолжить разговор уже после того, как мы разошлись.

Но теперь это было не просто воспоминание о старой школьной истории. Ян напомнил о себе вполне конкретно, и я понимал, что на этом он вряд ли остановится.

К одиннадцати Репа начал собирать стаканы. Сначала он делал это молча, с видом человека, который надеется, что остальные сами догадаются и начнут помогать. Потом поставил на стол пустую миску и громко спросил, неужели у нас у всех внезапно пропали руки. Макс поднялся первым, забрал со стола упаковки и отнёс их на кухню. Симура стала складывать стаканы, Диана собрала салфетки, а я подхватил пустые бутылки.

— Только не перепутайте, — сказал Репа, заглянув в комнату. — Стекло отдельно, пластик отдельно. Я не хочу завтра разбирать ваш художественный беспорядок.

— Ты бы ещё инструкцию распечатал, — сказал Алик.

— Я бы распечатал, но ты всё равно читать не умеешь.

— Вот поэтому я и не читаю.

Лина засмеялась, а Репа покачал головой. На кухне мы несколько минут толкались локтями возле раковины, пытаясь одновременно вымыть стаканы и не залить водой пол. Баха вытер стол, Макс вынес мусор, а Алик всё время пытался доказать, что он уже сделал больше всех, хотя его единственным вкладом было отнести две бутылки к пакету.

Когда с уборкой закончили, квартира стала выглядеть почти так же, как до нашего прихода. Только на журнальном столике остался влажный круг от стакана, а на диване сбилась подушка. Репа заметил и это, поправил её и удовлетворённо кивнул.

— Вот теперь можно жить. В следующий раз, если кто-нибудь предложит оставить после себя такой же бардак, я буду вспоминать сегодняшний вечер и сразу отказывать.

— Ты каждый раз так говоришь, — сказала Диана.

— Потому что каждый раз надеюсь, что вы исправитесь.

— Не надо лишать себя иллюзий, — посоветовал я.

Репа показал мне язык. Мы начали прощаться не сразу. Сначала обсуждали, кто куда пойдёт завтра, потом выяснилось, что Лина забыла у Симуры резинку для волос, Симура не хотела отдавать её прямо сейчас, потому что уже убрала сумку, а Макс никак не мог найти свой провод от зарядки. В итоге все снова оказались в прихожей, хотя ещё минуту назад казалось, что мы уже разошлись.

— Завтра кто-нибудь собирается куда-нибудь? — спросил Макс, наконец обнаружив провод у себя в кармане.

— Я пока не знаю, — ответила Диана. — Если проснусь рано, напишу.

— Ты никогда не просыпаешься рано.

— Тогда не жди сообщения.

— Логично.

Лина сказала, что, возможно, поедет в центр, если найдёт компанию. Симура напомнила про тренировку, Баха собирался к матери, а Алик заявил, что завтра ему надо будет кое-куда заехать. Он не уточнил куда, и никто не стал спрашивать. Репа попросил всех написать, когда доберутся домой, чтобы он знал, что никого не потерял по дороге.

— Ты нам не мама, — сказал Алик.

— К счастью для вас. Моя мама хотя бы умеет говорить нет.

Мы вышли на лестничную площадку. Дверь за нами закрылась, и из квартиры сразу стало не слышно музыки. В подъезде пахло пылью, чьей-то едой и свежей краской: на первом этаже недавно подкрасили стены, но запах всё ещё держался. Лампочка над лестницей мигала, поэтому мы спускались осторожно, подсвечивая ступени телефонами.

На улице стало заметно прохладнее. Днём асфальт нагревался так, что к вечеру от него поднимался сухой жар, а теперь воздух наконец двигался. Мы остановились у подъезда, решая, в какую сторону идти. Баха попрощался первым и свернул к остановке. Симура обняла Лину, напомнила ей про резинку и пошла в противоположную сторону. Репа остался у двери, проверяя, закрыл ли он её на ключ.

— Давайте без приключений по дороге, — сказал он напоследок. — И не звоните мне через час с вопросом, можно ли вернуться.

— А если очень попросим? — спросил Алик.

— Особенно если очень попросите.

Мы рассмеялись и двинулись дальше. Вскоре компания распалась на маленькие группы: Лина ушла к своему дому, Майя задержалась у остановки, чтобы дождаться автобуса, а Алик сказал, что ему нужно пройти через соседний двор. Макс собирался проводить меня, хотя наши дома находились почти в одном направлении.

Диана шла рядом с нами. У перекрёстка она остановилась и посмотрела на экран телефона.

— Мне сюда. Вы дальше прямо?

— Ага, — ответил Макс. — Дойдёшь нормально?

— Макс, я не в другой город еду.

— Я просто спросил.

— Я знаю. Спокойной ночи.

Она повернулась ко мне.

— И тебе, Цой. Постарайся сегодня никого не довести до нервного срыва.

— Ничего не обещаю.

— Я так и думала.

Диана улыбнулась и пошла по дорожке между домами. Я смотрел ей вслед чуть дольше, чем требовалось, и только когда Макс тихо кашлянул, отвернулся.

— Даже не начинай, — сказал я.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо такое, будто ты уже написал обо мне целую характеристику.

— Я просто подумал, что ты мог бы хотя бы иногда разговаривать с ней нормально.

— Я нормально разговариваю.

— Конечно. Особенно когда говоришь, что ничего не обещаешь.

Я толкнул его плечом. Макс засмеялся, и мы пошли дальше. Несколько минут говорили о какой-то ерунде: о том, что завтра будет жарко, что у него дома закончился чай и что Вера опять заставит его разбирать коробки. Потом он свернул к своему подъезду.

— Напиши, если что, — сказал он. — И насчёт сообщения не забывай. Не отвечай ему один, понял?

— Понял.

— Я серьёзно, Вилен.

— Я тоже.

Макс посмотрел на меня так, словно хотел добавить что-то ещё, но передумал. Похлопал по плечу и ушёл в подъезд. Я остался один. Двор был почти пустой: у дальнего дома кто-то выгуливал собаку, возле мусорных баков разговаривали двое мужчин, а из открытого окна на втором этаже доносился телевизор. На детской площадке медленно качались качели, хотя рядом никого не было.

Я достал телефон. Экран загорелся, показав несколько уведомлений из общего чата. Лина прислала фотографию, где Алик получился с закрытыми глазами, и подписала её: «легенда района». Макс ответил смеющимся смайлом. Диана поставила под фотографией несколько скобок. Я тоже хотел что-то написать, но вместо этого открыл переписку с неизвестным номером.

Сообщение, которое пришло у Репы, всё ещё висело последним: «Скажи своему другу, что мы ещё поговорим». Я перечитал его, заблокировал телефон и сунул в карман. Наверное, стоило показать его отцу или хотя бы рассказать маме. Но тогда пришлось бы объяснять, кто такой Ян, что происходило в школе и почему я до сих пор реагирую на него так, будто мне снова четырнадцать.

Я уже поднялся на несколько ступенек к подъезду, когда телефон завибрировал снова.

На этот раз пришла фотография.

Снимок был сделан издалека, со стороны соседнего дома. На нём мы стояли возле Репиного подъезда: Макс что-то рассказывал, Алик смотрел в сторону дороги, Диана поправляла волосы, а я был виден почти целиком. Фотография получилась зернистой и тёмной, но сомнений не оставалось. Кто-то снимал нас, пока мы прощались.

Под фотографией появилось новое сообщение: «Завтра после обеда. Один. Адрес знаешь».

Я увеличил снимок двумя пальцами. За нашими спинами, возле припаркованной машины, виднелась фигура в тёмной олимпийке. Лица разобрать было невозможно, но я и так знал, кто это.

На секунду мне захотелось развернуться и пойти обратно к Максу. Позвонить Алику. Написать в общий чат, чтобы все увидели фотографию. Но палец уже лежал на клавиатуре, а я всё равно не мог решить, что именно сказать. Если расскажу, они начнут вмешиваться. Если промолчу, Ян получит то, чего добивался: я приду один, потому что не захочу втягивать остальных.

Я поднялся на площадку, открыл дверь подъезда и ещё раз посмотрел на экран. Адреса в сообщении не было. Он и правда не был нужен. Я знал это место — старый школьный вход со двора, которым мы пользовались после уроков. Там Ян когда-то впервые назвал меня чужим. Там же мы подрались в восьмом классе.

Я выключил экран и вошёл в подъезд.

В квартире было темно. Из кухни падала полоска света, мама, наверное, ещё не легла. Я снял кроссовки, тихо прошёл в комнату и положил телефон на стол. Несколько секунд смотрел на него, ожидая, что экран снова загорится. Он не загорелся.

Я тогда ещё не знал, пойду ли завтра на эту встречу. Не знал, расскажу ли кому-нибудь. Не знал даже, чего именно хочет от меня Фогель после стольких месяцев молчания.

Но одно я понял точно: лето, которое до этого казалось бесконечным и совершенно безопасным, только что перестало быть таким.

Глава 2. До Встречи.

Я проснулся раньше будильника и ещё несколько минут лежал, глядя в потолок. За окном уже было светло, но солнце пока не добралось до моей стороны дома. На подоконнике лежали наушники, рядом стоял стакан с водой, который я поставил туда вечером и забыл убрать. Телефон лежал экраном вниз. Я знал, что там ничего хорошего, хотя за ночь он больше не вибрировал.

Вчерашнее сообщение никуда не делось. Оно оставалось в переписке с неизвестным номером, под фотографией, на которой мы с ребятами стояли возле Репиного подъезда. «Завтра после обеда. Один. Адрес знаешь». Я перечитал эти слова столько раз, что уже мог воспроизвести их с закрытыми глазами. От этого они не становились понятнее, зато начинали раздражать ещё сильнее.

Я перевернул телефон и открыл общий чат. За ночь там почти ничего не изменилось: Лина прислала ещё одну фотографию, на этот раз уже без подписи, Репа ответил на неё каким-то возмущённым смайлом, а Макс написал, что у него с утра дела. Диана поставила под его сообщением скобки. Всё выглядело так, будто вчерашний вечер закончился совершенно обычно. Будто нас никто не фотографировал из-за припаркованной машины и будто мне не назначили встречу у старого школьного входа.

Я набрал: «Вы сегодня что делаете?» — и несколько секунд смотрел на строку. Можно было спросить прямо, кто свободен после обеда. Можно было предложить всем встретиться. Тогда мне не пришлось бы идти одному, а если бы Ян действительно появился, он увидел бы не одного меня. Но я удалил сообщение, не отправив.

Сказать ребятам означало признать, что Фогель снова сумел меня задеть. Хуже того — признать, что я не знаю, как с ним поступить. Я прекрасно понимал, что это глупая причина молчать, но понимание редко помогало мне делать что-то разумное. Обычно я сначала принимал решение, а уже потом пытался доказать самому себе, что другого выхода не было.

Из кухни донёсся звон посуды, затем мамин голос — она разговаривала по телефону. Я не разобрал слов, только услышал знакомую спокойную интонацию, с которой она могла одновременно объяснять что-то человеку на другом конце провода и искать свободной рукой ключи. Я сел на кровати, провёл ладонями по лицу и наконец поднялся.

На кухне мама стояла возле стола в домашней кофте, с телефоном у уха. Перед ней лежали бумаги, рядом остывал чай. Увидев меня, она подняла палец, показывая, что сейчас закончит разговор, и продолжила что-то объяснять собеседнику. Я открыл холодильник, достал бутылку воды и прислонился к столешнице.

— Доброе утро, — сказала она, убрав телефон. — Ты сегодня рано.

— Не спалось.

— Жарко было?

— Наверное.

Мама посмотрела на меня внимательнее, чем мне хотелось. Она умела замечать такие вещи: не обязательно спрашивала сразу, но запоминала выражение лица, интонацию, то, как я отвечал. Я сделал несколько глотков воды и открыл шкафчик, хотя ещё не решил, хочу ли вообще что-нибудь есть.

— Ты поздно лёг? — спросила она.

— Не очень.

— Вилен, это не ответ.

— Мам, я просто не выспался. Вчера у Репы засиделись, потом домой пришёл, телефон залип.

— Я не собираюсь устраивать допрос. Просто спрашиваю, потому что ты выглядишь так, будто всю ночь разгружал вагоны.

— Спасибо. Очень поддерживающее замечание.

— Всегда пожалуйста.

Она улыбнулась, но взгляд не отвела. Я достал из шкафчика пачку печенья, положил пару штук на тарелку и сел за стол. Есть не хотелось, но сидеть напротив мамы с пустыми руками было ещё подозрительнее.

— Папа уже уехал? — спросил я.

— Да. Ему с утра звонили из сервиса, попросили приехать пораньше. Сказал, чтобы ты не забывал закрывать дверь, если будешь уходить.

— Я не забываю.

— В прошлый четверг ты оставил её открытой.

— Там замок заело.

— Замок заедает только тогда, когда ты торопишься и не проверяешь.

Я хотел возразить, но понял, что спорить с этим бесполезно. Мама вернулась к бумагам, а я посмотрел на часы. До обеда оставалось ещё достаточно времени. Слишком много времени, чтобы просто сидеть и ждать, и слишком мало, чтобы успеть забыть о назначенной встрече.

— У тебя планы на сегодня? — спросила мама, не поднимая головы.

— Пока нет. Может, выйду погулять.

— С ребятами?

— Наверное.

— Тогда хотя бы поешь нормально перед тем, как уйти.

— Я ем.

— Два печенья — это не еда.

— Это начало.

— Очень обнадёживающее начало.

Я усмехнулся и отодвинул тарелку. Мама больше ничего не спрашивала, но я чувствовал, что она всё ещё наблюдает за мной краем глаза. Хотелось рассказать ей хотя бы часть правды — что объявился человек, с которым у меня давно не было желания пересекаться; что он прислал фотографию; что назначил встречу. Но тогда пришлось бы объяснять, почему я вообще собираюсь туда идти, и почему до сих пор не могу просто заблокировать номер.

Я поднялся из-за стола и отнёс стакан к раковине. Телефон завибрировал в кармане. На этот раз это был Макс.

«Ты проснулся вообще?»

Я ответил: «К сожалению».

Он почти сразу прислал: «Сегодня увидимся?»

Я посмотрел на маму. Она раскладывала бумаги по папкам и, кажется, не обращала на меня внимания.

«Не знаю пока. Напишу».

Макс набрал ответ, но я не стал ждать. Убрал телефон в карман и прошёл к себе. На экране снова появилось уведомление из общего чата — Лина спорила с Репой о том, кто вчера забыл свою кофту. Обычная ерунда, из которой складывался наш день. Я задержал взгляд на сообщениях, потом выключил экран.

Мне оставалось решить, что делать после обеда. И чем дольше я откладывал это решение, тем сильнее оно становилось похожим на уже принятое.

К полудню квартира нагрелась так, что даже в коридоре воздух казался неподвижным. Я несколько раз открывал шкаф, доставал одну футболку, возвращал её на место и выбирал другую. В итоге остановился на самой обычной чёрной, накинул сверху лёгкую кофту и долго искал ключи, которые всё это время лежали на тумбочке у входа.

Я не собирался выглядеть так, будто специально готовился к встрече. Не собирался и брать с собой ничего особенного. Телефон, ключи, немного денег — всё. Перед выходом я задержался у зеркала, поправил волосы и посмотрел на собственное отражение. Вид у меня был такой, словно я собирался не на разговор, а на контрольную, к которой не готовился.

— Ты уже уходишь? — спросила мама из комнаты.

— Да. Пройдусь.

— Поешь хотя бы нормально, когда вернёшься.

— Хорошо.

Она вышла в коридор с папкой в руках и остановилась возле двери. Я уже взялся за ручку, но мама вдруг спросила:

— Ты точно в порядке?

Я мог бы сказать ей правду. Не всю, но хотя бы то, что мне написал Ян. Вместо этого я пожал плечами и постарался улыбнуться так, чтобы это не выглядело совсем уж неубедительно.

— Да. Просто голова забита всякой ерундой.

— Тогда постарайся не набивать её ещё больше, — сказала мама. — И телефон держи включённым.

— Мам, я не в поход ухожу.

— Я заметила. В поход ты хотя бы собирался бы с рюкзаком.

Я усмехнулся, поцеловал её в щёку и вышел. Дверь за спиной закрылась с привычным щелчком, и только тогда я понял, что всё это время держал плечи напряжёнными.

На улице было жарко. Между домами тянуло пылью и нагретым асфальтом, у подъезда кто-то оставил детский самокат, а из открытого окна на первом этаже доносился звук телевизора. Двор жил своей обычной жизнью: мальчишки гоняли мяч возле гаражей, две женщины разговаривали у лавочки, мужчина в майке возился с машиной. Никто не знал, куда я иду. От этой мысли почему-то стало ещё неприятнее.

Телефон завибрировал, когда я проходил мимо соседнего подъезда. Макс.

«Ты где пропал? Я тебе с утра написал».

Я остановился у дерева, набрал ответ и стёр. Потом всё-таки написал: «Вышел по делам. Позже наберу».

«Каким ещё делам?»

«Макс, потом».

Он прочитал сообщение почти сразу, но больше ничего не прислал. Я сунул телефон в карман и пошёл дальше. Мне казалось, что если я сейчас начну объяснять, то уже не смогу остановиться. А если не объясню, то хотя бы сохраню возможность сделать вид, что всё под контролем.

Старый школьный вход находился со двора, за корпусом, где облупившаяся краска на стенах давно перестала кого-либо удивлять. Летом здесь было пусто: ни учеников, ни дежурных учителей, только закрытая дверь, несколько окон с опущенными жалюзи и заросшая полоска земли вдоль забора. Я свернул за угол и сразу увидел их.

Ян стоял у стены, чуть в стороне от двери. Стрижка под тройку делала его лицо ещё более открытым и неприятно бледным. На солнце кожа казалась почти бесцветной, а глаза — очень светлыми, словно выцветшими. Рядом с ним находились двое: Малай, в тёмной спортивной кофте, и Хайп, прислонившийся плечом к ограждению. Они не разговаривали. Просто смотрели, как я подхожу.

Я остановился в нескольких шагах от них.

— Пришёл всё-таки, — сказал Ян.

— Ты же очень убедительно попросил.

— Я не просил. Я сказал, что нам надо поговорить.

— А я решил, что у тебя проблемы с формулировками.

Хайп коротко усмехнулся, но тут же замолчал. Ян даже не повернул к нему головы. Он смотрел только на меня, и от этого было ощущение, будто разговор начался задолго до моего появления.

— Ты один? — спросил он.

— Ты же сам написал.

— Я спросил, один ли ты.

— А я ответил. Или тебе надо, чтобы я повторил помедленнее?

Малай оттолкнулся от стены. Он был плотнее сложен, чем Ян, и двигался без суеты, но в его взгляде не было ничего дружелюбного.

— Ты всегда такой разговорчивый? — спросил он.

— Только когда меня вызывают на встречу без объяснений.

— Не начинай, — сказал Ян, не отрывая от меня глаз. — Я позвал тебя не для того, чтобы слушать твои шуточки.

— Тогда надо было позвать кого-нибудь, кто умеет молчать.

На несколько секунд повисла тишина. Я почувствовал, как внутри поднимается знакомое раздражение — быстрое, горячее, почти удобное. С ним было проще, чем с тревогой. Разозлиться я умел. Гораздо сложнее было не показать, что мне не по себе.

— Ты всё ещё не понял, да? — спросил Ян.

— Пока ты ничего не объяснил.

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг ко мне. Я не отступил, хотя тело само подсказало, что стоило бы увеличить расстояние. Ян заметил это движение — или, по крайней мере, решил, что заметил, — и едва заметно улыбнулся.

— Ты думаешь, что можешь вести себя как раньше, будто ничего не было?

— А что было? Напомни. Ты опять решил рассказать всем, кто здесь настоящий, а кто нет?

— Не переводи разговор.

— Так веди его нормально.

Ян на секунду опустил взгляд, будто подбирал слова. В этом было что-то почти театральное: он хотел, чтобы я ждал, чтобы почувствовал себя человеком, которому сейчас объявят приговор. Я не собирался давать ему такое удовольствие, хотя сердце билось заметно быстрее обычного.

— После того случая в школе ты решил, что можешь выставить меня идиотом, — наконец сказал он.

Я даже не сразу понял, о каком именно случае он говорит. Потом вспомнил коридор, рюкзак на шкафчиках, чужие руки, смех и то, как меня самого в итоге отправили к завучу. Воспоминание вспыхнуло так резко, будто всё произошло вчера.

— Ты сам прекрасно справился с этим без моей помощи, — сказал я.

— Ты полез драться.

— А ты думал, что я буду стоять и смотреть, как вы кидаете мой рюкзак друг другу?

— Надо было забрать его и уйти.

— Конечно. Надо было ещё извиниться за то, что он тебе мешал.

— Вот поэтому с тобой невозможно разговаривать.

— Странно. А я думал, потому что ты зовёшь двух человек, чтобы поговорить с одним.

Хайп отлип от ограждения и посмотрел на Яна, словно ждал разрешения вмешаться. Малай молчал, но стоял уже ближе. Я вдруг очень ясно понял, насколько глупо было приходить сюда одному. Не потому, что я боялся драки, а потому, что трое могли сделать что угодно, а потом каждый рассказал бы свою версию.

— Мы не собираемся тебя трогать, — сказал Ян, заметив мой взгляд.

— Тогда зачем они здесь? Для массовки?

— Чтобы ты не думал, что можешь разговаривать со мной как угодно.

— То есть всё-таки для массовки.

Он резко выдохнул через нос. На мгновение мне показалось, что сейчас он ударит меня, но Ян только отвёл глаза и провёл ладонью по коротким волосам.

— Мне плевать, что ты обо мне думаешь, Цой. Но ты должен перестать лезть туда, куда тебя не зовут.

— Я даже не знаю, о чём ты.

— Знаешь.

— Нет. Ты пока только повторяешь одно и то же.

Ян посмотрел на меня исподлобья. Его светлые глаза почти не отражали цвет неба, и от этого выражение лица казалось ещё холоднее.

— Ты общаешься с Аликом, — сказал он. — Алик общается с нами. И мне не нравится, что ты постоянно оказываешься рядом.

— Это уже не ко мне вопрос. Я не выбираю, с кем Алику дружить.

— Но можешь выбирать, с кем дружить сам.

— Спасибо за совет. Я обязательно запишу.

— Ты не понимаешь, когда с тобой по-хорошему.

— А ты не понимаешь, что я не просил со мной по-хорошему.

Малай тихо произнёс что-то по-татарски, обращаясь к Яну. Тот ответил коротко, не сводя с меня глаз. Я не понял слов, но по интонации было ясно, что Малай предлагал закончить разговор. Хайп уже достал телефон и посмотрел на экран.

— Всё? — спросил я. — Это и было то, ради чего ты меня сюда вытащил?

— Пока да.

— Тогда в следующий раз пиши сразу, что тебе просто скучно.

Я развернулся прежде, чем он успел ответить. Сделал несколько шагов, ожидая оклика или хотя бы звука быстрых шагов за спиной, но никто не двинулся следом. Только когда я вышел из-за угла здания, позволил себе выдохнуть.

Телефон лежал в кармане и казался тяжелее, чем утром. Я достал его и увидел пропущенный вызов от Макса. Потом ещё один — уже от Алика. Я долго смотрел на экран, прежде чем нажать на имя Макса.

Он ответил почти сразу.

— Ну наконец-то. Ты где?

Я посмотрел на школьный двор, который уже скрылся за стеной.

— Сейчас иду домой.

— Ты можешь нормально сказать, что происходит? Ты с утра какой-то мутный, потом пропал, а теперь говоришь так, будто тебя кто-то преследует.

Я хотел отшутиться, но на этот раз не получилось.

— Ян объявился, — сказал я. — Я только что с ним разговаривал.

На другом конце стало тихо. Потом Макс спросил уже совсем другим голосом:

— Где ты сейчас?

— Возле старой школы. Уже ухожу.

— Стой там. Я сейчас подойду.

— Макс, не надо. Я сам доберусь.

— Вилен, я не спрашиваю, надо или нет. Я спрашиваю, где ты.

Я закрыл глаза и прислонился плечом к тёплой стене. Впервые за весь день мне стало немного легче оттого, что кто-то другой принял решение за меня.

— На улице за школой, возле бокового входа, — сказал я. — Только не беги, я никуда не денусь.

— Вот это уже посмотрим, — ответил Макс и отключился.

Макс появился минут через десять. Я успел пройти вдоль забора до угла, вернуться обратно и дважды проверить телефон, хотя новых сообщений не было. Он шёл быстро, но не бежал, как и просил я. На нём была светлая футболка и расстёгнутая рубашка поверх неё; волосы растрепались, будто он несколько раз провёл по ним рукой по дороге.

— Ты можешь объяснить, какого чёрта? — спросил он вместо приветствия.

— Здравствуй, Макс. Я тоже рад тебя видеть.

— Вилен.

Он остановился напротив и посмотрел на меня так, что шутить дальше расхотелось. Макс редко повышал голос. Обычно ему хватало одного взгляда, чтобы дать понять: сейчас он не собирается поддерживать мои привычные выкрутасы.

— Ладно, — сказал я. — Фогель написал мне вчера. Сначала с неизвестного номера пришло сообщение, потом он прислал фотографию, где мы все возле Репиного подъезда. Сегодня назначил встречу. Я пришёл, потому что хотел понять, что ему надо.

— И ты решил, что лучше всего пойти одному?

— Он именно это написал.

— А если бы они тебя там закрыли втроём?

— Они и были втроём.

Макс замолчал. На лице у него появилось то выражение, которое я знал ещё с шестого класса: он уже придумал несколько вариантов, что могло случиться, и каждый ему не нравился.

— Ты сейчас серьёзно говоришь, что там были только Фогель, Малай и Хайп? — уточнил он.

— Да. Ян, Малай и Хайп. Больше никого.

— И что они хотели?

Я пересказал разговор почти дословно. Про то, что Ян недоволен моим общением с Аликом, что я якобы лезу туда, куда меня не зовут, и что после школьной истории должен был вести себя иначе. Пока я говорил, Макс несколько раз отвёл взгляд в сторону школьного двора, словно пытался представить, где именно стояли трое и как они расположились.

— Он сказал, чтобы ты перестал общаться с Аликом? — переспросил Макс.

— Не совсем. Сказал, что ему не нравится, что я постоянно рядом. А потом начал рассказывать, что я могу сам выбирать, с кем дружить.

— Удобно. Сам он, значит, решает, с кем Алику общаться, а тебе предлагает выбирать друзей.

— Я тоже оценил логику.

— Ты ему сказал, что Алик сам разберётся?

— Примерно.

Макс выдохнул и потёр переносицу. Он явно хотел отругать меня за то, что я пошёл один, но одновременно понимал, что сейчас это ничего не изменит.

— Слушай, — сказал он наконец, — ты можешь сколько угодно делать вид, что тебе всё равно, но это уже не просто ваши старые разборки. Он сфотографировал нас. Он знает, где мы собираемся. Он специально написал тебе, чтобы ты пришёл один. Это не случайная встреча у магазина.

— Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь. Если бы понимал, ты бы позвонил мне вчера, а не сегодня после того, как всё закончилось.

Я хотел ответить, что не обязан отчитываться за каждый свой шаг, но это прозвучало бы особенно глупо после того, как я сам позвонил ему, едва остался один. Поэтому я промолчал.

— Он тебя тронул? — спросил Макс.

— Нет.

— Угрожал?

— Прямо — нет. Скорее пытался показать, что может. Они просто стояли рядом и смотрели. Ян говорил, остальные почти не вмешивались.

— И ты уверен, что на этом всё?

— Макс, я не знаю. Он сказал «пока да». Это всё, что у меня есть.

Макс посмотрел на меня, потом достал телефон.

— Я позвоню Алику.

— Зачем?

— Потому что Фогель приплёл его к разговору. И потому что Алик с ним общается. Может, он знает, что Ян задумал.

— Не надо сейчас устраивать общий сбор.

— Я не собираюсь устраивать сбор. Я хочу понять, что происходит. Это, вообще-то, касается не только тебя.

— Он сказал, что ему не нравится, что я рядом с Аликом. Не сказал, что собирается трогать остальных.

— Он прислал фотографию всей компании, Вилен. Не только тебя. Ты сам видел снимок.

Я отвернулся. Макс был прав, и именно это раздражало сильнее всего. Я не хотел втягивать ребят, но фотография уже втянула их без моего согласия. На ней были все — Диана, Лина, Симура, Майя, Репа, Баха, Алик, Макс и я. Кто-то смеялся, кто-то смотрел в сторону, никто не знал, что за нами наблюдают.

— Позвони, — сказал я. — Только не говори пока всем подряд.

— Я сам решу, что говорить.

Он набрал номер Алика и включил громкую связь не сразу, а только после моего короткого кивка. Гудки тянулись долго. На четвёртый вызов Алик ответил.

— Чего? — раздался его голос. На фоне шумела улица.

— Ты где? — спросил Макс.

— А тебе зачем?

— Надо поговорить. Ты сегодня виделся с Фогелем?

На том конце повисла короткая пауза.

— А что?

Макс посмотрел на меня.

— Он сегодня встречался с Виленом.

— В смысле? — голос Алика сразу стал жёстче. — Где?

— У старой школы.

— Он один туда пошёл?

— Да, — ответил я, наклонившись к телефону. — И не начинай.

— Ты совсем, что ли? — Алик заговорил громче. — Ты зачем туда попёрся один?

— Хотел узнать, что ему надо.

— И узнал?

— Он сказал, что ему не нравится, что я с тобой общаюсь.

Алик выругался себе под нос. По звуку было понятно, что он отошёл от тех, с кем находился.

— Он совсем берега попутал, — сказал он. — Мне он ничего такого не говорил.

— Может, потому что ты ему не я, — заметил я.

— Да я понял, что ты не я. Не в этом дело. Он вообще не должен тебе указывать, с кем разговаривать.

— Вот и я ему примерно это сказал.

— И что он?

— Ничего. Поговорили, разошлись.

— Слушай меня внимательно, — произнёс Алик уже спокойнее, но от этого его голос не стал мягче. — Если он ещё раз напишет или позовёт куда-то, ты сначала звонишь мне. Не после, а до. Понял?

— Алик, я не собираюсь каждый раз согласовывать с тобой свои прогулки.

— Да я не про прогулки говорю. Ты можешь сколько угодно строить из себя самостоятельного, но если этот придурок решил что-то устроить, то это уже не прогулка.

Макс кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Мы сейчас подойдём к тебе, — сказал он.

— Где вы?

Макс назвал место. Алик ответил, что будет через несколько минут, и отключился.

Я посмотрел на Макса.

— Ты доволен? Теперь нас трое.

— Нет. Я буду доволен, когда ты перестанешь принимать решения, которые могут закончиться плохо, только потому, что не хочешь кому-то что-то объяснять.

— Ты иногда разговариваешь как Вера Сергеевна.

— Спасибо. Она хотя бы умеет думать наперёд.

Мы пошли к перекрёстку, где было больше людей и машин. Макс не торопил меня, но и не отпускал далеко вперёд. Я знал, что он делает это специально, и старался не показывать, насколько меня это задевает. Через пару минут мы остановились возле киоска с мороженым. Макс купил бутылку воды, открутил крышку и протянул мне.

— Пей. Ты весь день на нервах, ещё в обморок тут упади.

— Не дождёшься.

— Я не настолько сильно хочу провести остаток дня с тобой в больнице.

Я сделал несколько глотков. Вода была тёплой, но всё равно стало легче.

— Ты думаешь, он правда из-за тебя? — спросил Макс.

— В смысле?

— Фогель. Он мог просто использовать тебя, чтобы передать что-то Алику. Или проверить, насколько далеко может зайти. Но мне кажется, что дело не только в этом.

— Ты про школу?

— Про всё. Он давно к тебе цепляется. И каждый раз пытается сделать так, чтобы ты сорвался первым.

Я посмотрел на дорогу. Машины медленно ползли к светофору, у остановки толпились люди. В обычный день я бы даже не обратил внимания на эту картину. Сейчас же мне хотелось, чтобы всё вокруг оставалось таким же обычным и чтобы никто из знакомых не заметил, что у меня внутри всё ещё не отпустило.

— Я не собираюсь перед ним извиняться, — сказал я.

— Я и не предлагаю.

— И не собираюсь делать вид, что он прав.

— Тебе никто этого не предлагает, Вилен. Я предлагаю хотя бы не играть по его правилам.

Я ничего не ответил. Впервые за день эта мысль показалась мне не просто правильной, а выполнимой. Не идти туда, куда зовут. Не оставаться одному, если он снова решит устроить представление. Не давать ему повода превратить любой мой ответ в доказательство того, что я сам виноват.

Алик появился из-за угла минут через семь. Он шёл быстро, с телефоном в руке, и ещё издалека посмотрел на меня так, будто собирался начать разговор с очередного вопроса о моих умственных способностях.

— Ну и где этот гений? — спросил он, подойдя. — Уже ушёл?

— Если ты про Фогеля, то да.

— Жаль. Я бы с ним поговорил.

— Вот именно поэтому он и позвал меня одного, — сказал я. — Чтобы ты не пришёл и не испортил ему спектакль.

Алик усмехнулся, но весёлого в этом звуке ничего не было.

— Значит, спектакль. Ладно. Рассказывай сначала. Только без своих украшений, как было.

Я снова пересказал разговор. На этот раз Алик слушал молча, не перебивал и не пытался вставить шутку. Когда я закончил, он посмотрел на Макса, потом снова на меня.

— Он сказал, что ему не нравится, что ты рядом со мной?

— Да.

— Понятно.

— Тебе что-то известно? — спросил Макс.

Алик пожал плечами, но ответил не сразу.

— Он в последнее время стал много говорить о том, кто с кем должен общаться. Я думал, это просто его обычная хрень. Но если он уже начал людей по одному вызывать, значит, ему зачем-то надо показать, что он тут главный.

— А ты ему что-нибудь обещал? — спросил я.

Алик резко повернулся ко мне.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я спрашиваю.

— Нет, Цой. Я ему ничего не обещал и не собираюсь. И если он думает, что может решать за меня, с кем мне дружить, то он плохо меня знает.

— Он, кажется, рассчитывает, что ты сам от меня отойдёшь, — сказал я.

— Не дождётся.

Макс посмотрел на нас обоих.

— Тогда давайте договоримся об одной вещи. Никаких встреч в одиночку. Если кому-то из нас приходит сообщение от Фогеля или его людей, мы сначала говорим остальным. Без геройства и без попыток решить всё за пять минут.

— Ты сейчас звучишь как староста класса, — заметил Алик.

— А ты сейчас звучишь как человек, которому надо напоминать очевидные вещи.

Я тихо рассмеялся. Напряжение не исчезло, но хотя бы перестало давить так сильно. Алик убрал телефон в карман и посмотрел на меня внимательнее.

— Ты домой собирался?

— Да.

— Пойдём тогда. Я всё равно в ту сторону.

Мы двинулись втроём. Разговор постепенно перешёл на обычные вещи: Алик начал рассказывать, как у них в колледже опять поменяли расписание, Макс спросил, когда он собирается забрать у него диск, который одолжил ещё на прошлой неделе. Я слушал их и иногда отвечал, но мысли всё равно возвращались к школьному двору и к тому, как спокойно Ян произнёс: «Пока да».

Перед поворотом к моему дому телефон снова завибрировал. Я достал его, ожидая увидеть сообщение от кого-нибудь из ребят. На экране высветился незнакомый номер.

«Не стоило звать Васильева и Добровольского».

Я перечитал сообщение дважды. Потом поднял глаза на Макса и Алика. Они заметили, как изменилось моё лицо.

— Что там? — спросил Макс.

Я молча показал ему экран.

Алик остановился посреди тротуара и выругался. Макс прочитал сообщение ещё раз, затем посмотрел на дорогу за нашими спинами.

— Он следил за нами? — спросил он.

Я не ответил. Потому что не знал. Но впервые за весь день мне стало по-настоящему холодно, хотя солнце всё ещё било в спину.

Макс первым нарушил молчание. Он забрал у меня телефон, ещё раз посмотрел на сообщение и вернул его, будто надеялся, что за эти несколько секунд текст изменится.

— Не отвечай, — сказал он.

— Я и не собирался.

— И не удаляй. Пусть останется.

Алик всё ещё смотрел на дорогу. Он стоял чуть впереди нас, повернув голову к перекрёстку, и выглядел так, будто пытался разглядеть знакомую машину среди тех, что проезжали мимо.

— Давайте отойдём отсюда, — сказал он. — Не хочу стоять посреди улицы и обсуждать это под окнами.

— Куда? — спросил Макс.

— К Репе. Он дома должен быть.

Я хотел возразить, что не обязательно собирать всех из-за одного сообщения, но понял, что это прозвучит уже совсем нелепо. Мы и так стояли втроём, каждый думал об одном и том же, только никто не хотел первым произносить это вслух. Если Ян действительно шёл за нами или наблюдал из машины, то оставаться на открытом месте было глупо.

Мы свернули во двор. Алик шёл впереди, Макс держался рядом со мной. Несколько раз я ловил себя на том, что оборачиваюсь. За нами двигались люди с пакетами, у подъезда курил мужчина в рабочей форме, мальчик на велосипеде пытался переехать бордюр. Ничего подозрительного. Но теперь любое тёмное окно машины казалось местом, откуда на нас могли смотреть.

— Ты уверен, что это Фогель? — спросил Макс, когда мы миновали детскую площадку.

— Номер тот же, с которого пришло первое сообщение.

— Ты проверял?

— Да. Переписка одна и та же.

— А сам номер пробовал пробить?

— Макс, это не детектив. У меня нет знакомого оператора, который сейчас по щелчку пальцев скажет, кто мне пишет.

— Я просто спрашиваю.

— Я знаю.

Он больше не продолжил. Алик обернулся и бросил через плечо:

— Если это реально Ян, то он хочет, чтобы мы нервничали. Не надо ему помогать.

— Поздно, — сказал я. — У него уже получилось.

— Нервничать — не значит делать то, что он хочет.

Я не ответил. В этом Алик был прав, хотя мне не нравилось слышать от него такие вещи. Он сам часто действовал раньше, чем успевал подумать, но сейчас говорил спокойно и даже не пытался раздувать конфликт. Возможно, потому что понимал: если сорвётся кто-то из нас, Ян получит именно то, ради чего всё затевал.

У Репы дома никого не оказалось, но на звонок он ответил почти сразу. Сначала спросил, кто это, хотя прекрасно видел мой номер, потом сказал, что дверь открыта и он на кухне. Мы поднялись на этаж, и ещё до того, как вошли, услышали музыку из комнаты. Из колонки играла «Тает лёд» — Репа, похоже, поставил её ещё до нашего прихода и не собирался менять. Он стоял у холодильника с открытой дверцей и выбирал между двумя бутылками лимонада.

— Вы чего такие лица сделали? — спросил он, заметив нас. — Как будто вас только что выгнали из школы.

— Почти угадал, — сказал Алик.

Репа поставил бутылку на стол и посмотрел сначала на него, потом на Макса, потом на меня.

— Что случилось?

— Фогель, — ответил Макс.

Репа закрыл холодильник.

— Так. Давайте нормально. Что с ним?

Алик прошёл в комнату, сел на край дивана и кивнул мне, предлагая рассказывать. Я остался стоять у двери. Мне не хотелось повторять всё в третий раз, но теперь уже не было смысла выбирать, кому говорить, а кому нет. Я рассказал про сообщение, встречу и разговор у старого школьного входа. Потом показал фотографию и последнее сообщение с неизвестного номера.

Репа долго смотрел на экран. Потом увеличил фотографию, приблизил фигуры на заднем плане и нахмурился.

— Это сегодня?

— Минут десять назад, — сказал Макс.

— Вы уверены, что вас снимали? Может, просто кто-то фотографировал двор?

— Реп, — сказал Алик, — на снимке мы втроём. И сообщение пришло сразу после того, как мы отошли от школы.

— Я понял. Просто хочу убедиться.

Он вернул телефон и сел напротив Алика. Репа обычно старался не вмешиваться в чужие разборки. Даже когда кто-то спорил, он предпочитал перевести разговор на другое или предложить всем поесть. Но сейчас он не шутил и не пытался сделать вид, что всё пустяки.

— А остальные знают? — спросил он.

— Пока нет, — ответил Макс.

— Тогда надо написать. Если кто-то ещё получал сообщения, лучше узнать сейчас.

— Не хочу поднимать панику, — сказал я.

— Вилен, это не паника, — ответил Репа. — Если кто-то фотографирует нас возле дома, а потом пишет тебе, что не стоило звать друзей, это уже не та ситуация, когда можно сделать вид, что ничего не происходит.

Я посмотрел на него. Репа говорил без нажима, просто и прямо. И, пожалуй, именно поэтому возразить ему было нечего.

Макс достал телефон и открыл общий чат. Название у нас было дурацкое, придуманное ещё зимой после того, как Алик случайно отправил в переписку фотографию пустой кастрюли вместо домашнего задания. С тех пор никто так и не предложил его поменять. В чате постоянно появлялись фотографии, короткие сообщения, споры о том, кто куда идёт и кто опять забыл что-то у Репы. Сейчас экран выглядел почти неприлично обычным.

Макс написал: «Надо всем сегодня увидеться. Есть разговор. Ничего страшного, просто лучше быть всем вместе».

— «Ничего страшного» — это ты сейчас серьёзно? — спросил Алик.

— Я не собираюсь писать в чат, что за нами следят.

— Тогда не пиши так, будто мы собрались выбирать подарок учителю.

Репа взял телефон у Макса, прочитал сообщение и вернул.

— Нормально написал. Если начнёте сразу расписывать подробности, Лина за пять минут устроит обсуждение на сто сообщений, а Майя решит, что мы скрываем от неё государственную тайну.

— Она и так так решит, — сказал я.

— Ну вот. Значит, не будем облегчать ей задачу.

Ответы посыпались почти сразу. Первой написала Лина: «А что случилось?». Следом Симура спросила, где встречаемся. Диана прислала короткое: «Я могу после четырёх». Баха

прочитал сообщение, но ничего не написал. Майя поставила вопросительный знак. Через минуту появился ответ от Артура Симуры — он спросил, не собираемся ли мы опять обсуждать, кто кому должен деньги за прошлую поездку на маршрутке.

— Вот Артур сейчас вообще не в тему, — сказал Алик.

— Он всегда не в тему, — заметил Репа.

— Это семейное, — сказал Макс.

Я невольно улыбнулся. Даже сейчас, когда в голове всё ещё стоял тот школьный двор, привычная перепалка действовала почти успокаивающе. Мир не стал другим за один день. Просто в него добавился человек, которого я очень не хотел видеть.

Диана позвонила мне сама. Я вышел на кухню, чтобы не говорить при всех, хотя Репа и так делал вид, что внимательно изучает содержимое пакета с печеньем.

— Ты где? — спросила она.

— У Репы.

— А что произошло? Макс написал так, будто вы собираетесь сообщить нам, что кто-то умер.

— Никто не умер.

— Пока звучит не очень обнадёживающе.

Я прислонился к подоконнику. На улице по двору медленно проехала машина, возле соседнего подъезда женщина вытряхивала коврик. Всё было настолько обычным, что на секунду захотелось поверить: никакого сообщения не было, никто не следил за нами, и Ян не стоял сегодня возле старой школы.

— Фогель объявился, — сказал я.

На том конце стало тихо.

— В смысле объявился?

— Написал вчера. Сегодня позвал поговорить.

— И ты пошёл?

— Да.

— Один?

Я помолчал.

— Вилен.

— Да, один.

— Ты совсем идиот?

— Спасибо, Дошик. Я тоже рад нашему разговору.

— Я не шучу. Ты же знаешь, что он за человек. Почему ты никому не сказал?

— Потому что не хотел, чтобы все бросились туда вместе со мной.

— А ты подумал, что мы будем чувствовать, если узнаем, что ты пошёл один и там что-нибудь случилось?

Я провёл пальцами по краю подоконника. В голосе Дианы не было привычной насмешки. Она действительно злилась, и от этого мне стало неловко.

— Ничего не случилось. Мы поговорили и разошлись.

— Он угрожал?

— Не прямо.

— Это значит да.

— Это значит, что он пытался показать, будто может мне что-то сделать. Но не сделал.

— И теперь?

— Теперь он прислал сообщение, что не стоило звать Макса и Алика. Видимо, видел нас после разговора.

— Подожди. Он следил за вами?

— Не знаю. На фото мы стоим втроём. Может, кто-то снял из окна или с машины.

Диана выдохнула. Я услышал, как она что-то сказала кому-то рядом, потом снова вернулась к телефону.

— Я сейчас приеду к Репе.

— Не надо, мы сами потом—

— Вилен, я не спрашиваю разрешения. Я просто говорю, что приеду.

— Хорошо.

— И больше не ходи к нему один. Даже если он напишет, что хочет поговорить пять минут и подарить тебе миллион рублей.

— Миллион я бы хотя бы обдумал.

— Вот поэтому тебе нельзя доверять важные решения.

Она отключилась, а я ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом вернулся в комнату.

— Диана приедет, — сказал я.

— Я так и думал, — ответил Репа. — Она уже спросила адрес, хотя знает его лучше нас всех.

Макс посмотрел на меня.

— Ты ей рассказал?

— Да.

— И правильно.

— Не начинай.

— Я ничего не говорю.

— У тебя лицо говорит.

— У меня обычное лицо.

— Вот именно.

Репа поставил на стол тарелку с печеньем и придвинул её к нам.

— Ешьте. Вы все с утра, похоже, ничего нормального не ели.

— Ты сейчас как моя мама, — сказал я.

— Значит, у твоей мамы есть здравый смысл.

— Не сомневаюсь, что она бы с тобой согласилась.

Диана пришла первой. Она вошла без звонка, как всегда, поздоровалась с Репой и сразу посмотрела на меня. Её взгляд задержался на лице, потом на руках, словно она проверяла, нет ли следов драки.

— Всё нормально? — спросила она.

— Да.

— Не ври хотя бы сейчас.

— Я не вру. Просто устал.

Она кивнула, но не стала спорить. Села рядом с Симурой, которая уже успела появиться и занять место на подоконнике. Сима спросила, что случилось, и Диана ответила, что сейчас всё расскажут. Лина пришла следом, громко возмущаясь, что её заставили идти через весь двор в такую жару. Она принесла с собой пакет с чипсами и сразу спросила, есть ли у Репы что-нибудь холодное.

— У меня есть вода, — сказал Репа.

— Это не холодное.

— В холодильнике холодная.

— Тогда почему ты сразу не сказал?

— Потому что ты даже не поздоровалась.

Лина обняла его за плечи и чмокнула в щёку.

— Здравствуй, самый гостеприимный человек района.

— Теперь можешь идти к холодильнику.

Макс положил мой телефон на стол и открыл фотографию. Он не стал сразу объяснять, а просто повернул экран к остальным.

— Это мы вчера возле подъезда Репы, — сказал он. — Кто-то снял нас издалека. После этого Вилену пришло сообщение с назначением встречи. Сегодня он встретился с Фогелем.

— С каким ещё Фогелем? — спросила Лина.

— С Яном, — ответил Алик.

Симура до этого сидела на подоконнике, лениво покачивая ногой, но при имени Яна движение оборвалось. Она опустила ступни на пол и выпрямилась. Это было почти незаметно, однако я успел увидеть, как изменилось её лицо: исчезла привычная насмешливая расслабленность, губы сжались, а пальцы крепче обхватили край подоконника. Диана посмотрела на неё, потом на меня. Майя перестала постукивать пальцами по столу.

— Он вернулся? — спросила Симура.

— Похоже на то, — сказал я.

Сима отвела взгляд. На секунду мне показалось, что она хочет что-то добавить, но она только провела ладонью по волосам и спросила:

— И что ему надо?

— Неважно, что ему надо, — сказала Сима. Голос у неё был ровный, но слишком уж старательно ровный. — Важно, что он опять появился.

— Ты его знаешь? — спросила Лина.

Сима посмотрела на неё так, будто вопрос был одновременно очевидным и неприятным.

— Мы встречались. Полгода. Расстались два месяца назад.

В комнате стало тише. Я знал, что Ян и Серафима когда-то были вместе, но не знал, что всё закончилось так недавно. Почему-то я представлял, что это было давно, ещё до того, как мы все привыкли видеть их порознь.

— Ты не говорила, что он вернулся в город, — осторожно сказала Диана.

— Потому что я не знала, что он вернулся, — ответила Сима. — И не собиралась обсуждать его каждый раз, когда кто-нибудь произносит фамилию Фогель.

Она сказала это резко, но тут же отвернулась, словно сама услышала, насколько резко прозвучали слова.

— Сима, — тихо сказал Макс, — если он снова начнёт к тебе лезть, ты скажешь нам?

— Я не маленькая, Макс.

— Я не это имею в виду.

Она помолчала. Потом посмотрела на нас уже без раздражения.

— Я знаю, на что он способен. Лучше, чем вы. И если он решил вернуться к старым привычкам, я не собираюсь делать вид, что ничего не происходит.

В её голосе было что-то такое, что заставило меня не задавать следующий вопрос. Тогда я ещё не знал, что между ними произошло на самом деле. Понимал только, что расставание не было обычной ссорой, после которой люди удаляют совместные фотографии и перестают здороваться.

— Потом поговорим, — сказала Сима, и по её тону стало ясно, что на сегодня тема закрыта.

Алик хотел что-то добавить, но Макс поднял ладонь, предлагая ему подождать. Я рассказал остальным то же самое, что уже говорил Максу и Алику: про встречу, про Малая и Хайпа, про разговор у старого входа. На этот раз я старался не пересказывать каждую реплику, но всё равно несколько раз возвращался к школьной истории.

Лина слушала, нахмурившись. Когда я закончил, она откинулась на спинку дивана и тихо сказала:

— То есть он опять решил, что весь район должен жить по его правилам?

— Не весь район, — ответил Алик. — Пока только мы.

— Какая честь, — пробормотала Майя.

Симура посмотрела на меня.

— Ты испугался?

Вопрос прозвучал спокойно, без попытки поддеть. Я не сразу ответил.

— Да. Немного.

Алик повернулся ко мне, будто хотел возразить, но передумал. Диана едва заметно кивнула. Никто не стал смеяться или говорить, что я зря переживаю. От этого признание далось легче, чем я ожидал.

— Это нормально, — сказала Симура. — Вас было четверо?

— Нет. Я один, их трое.

— Тогда это не «немного», — сказала она. — Это вполне объяснимо.

— Я не собираюсь делать из этого трагедию.

— Никто и не делает. Но не надо притворяться, что тебе было весело.

Репа предложил не расходиться по одному и договориться, кто с кем пойдёт домой. Алик сказал, что это уже перебор, но сам тут же добавил, что сегодня всё равно собирался идти в сторону моего дома. Лина спросила, неужели теперь нам нельзя будет даже выйти в магазин без сопровождения. На это никто не ответил сразу.

— Можно, — наконец сказал Макс. — Просто не надо делать вид, что ничего не происходит. Если кто-то увидит Фогеля или его ребят, пусть скажет остальным. И если кому-то напишут, тоже.

— А если они подойдут поговорить? — спросила Майя.

— Не надо с ними никуда отходить, — ответила Диана. — И не надо отвечать на провокации.

— Это ты мне? — спросил Алик.

— В первую очередь тебе.

— Я вообще-то умею разговаривать.

— Конечно. Особенно когда уже размахиваешь руками.

Репа тихо засмеялся, и напряжение немного ослабло. Алик хотел возмутиться, но только покачал головой. Я смотрел на них и думал, что именно этого и боялся: что из-за меня вся компания начнёт оглядываться, выбирать маршруты, проверять телефоны и думать о том, кто стоит за спиной. Но они уже были здесь, и теперь нельзя было сделать вид, что всё касается только меня.

В дверь позвонили. Репа пошёл открывать, и через минуту в комнату вошёл Баха. Он поздоровался со всеми, поставил у стены рюкзак и спросил, что произошло. Ему пришлось рассказывать заново, но теперь я заметил, что говорить стало проще. Не потому, что ситуация изменилась, а потому, что я больше не держал её в одиночку.

Когда мы закончили, Баха нахмурился и спросил:

— А если они захотят поговорить с Аликом?

— Пусть говорят, — ответил Алик.

— Я не про то, что ты сам пойдёшь. Я про то, что они могут подойти, когда ты будешь один.

— Тогда я позвоню.

— Не после, — сказал Баха. — Сразу.

Алик посмотрел на него, затем коротко кивнул.

— Хорошо.

Это было неожиданно. Алик не любил, когда ему указывали, что делать, особенно при всех. Но Баха говорил негромко и без нажима, и, кажется, Алик понял, что тот не пытается командовать.

Артур приехал позже остальных. Он был невысоким — метр шестьдесят семь, — но двигался так быстро и юрко, что иногда казалось, будто он успевает оказаться в двух местах одновременно. Ему было семнадцать, он был чистокровным японцем и говорил по-русски почти без акцента. Почти — потому что иногда путал слова, особенно когда торопился. Его отец приехал в Нижний Новгород после приглашения преподавать японский язык студентам НГЛУ, и Артур с детства привык к русской речи, хотя некоторые выражения всё ещё ставили его в тупик.

Он увлекался программированием, а ещё называл себя белым хакером — не без гордости, но и без желания изображать героя боевика. Мог часами рассказывать о найденной уязвимости или о том, как проверял безопасность какого-нибудь сайта, а потом совершенно серьёзно спросить, можно ли «поставить пароль на вай-фай, чтобы соседи не крали интернет из воздуха».

Он вошёл, поздоровался и первым делом спросил, почему все сидят с такими лицами. Репа сказал, что у нас собрание по важному вопросу. Артур посмотрел на Серафиму и спросил, не собирается ли она опять доказывать, что это её прозвище, а не его имя.

— Артур, только не начинай, — сказала Сима.

— Я ничего не сказал.

— Ты уже сказал.

— Я просто уточнил.

— Вот и уточняй молча.

Но когда телефон снова завибрировал, смех оборвался.

На экране высветилось новое сообщение с того же номера. Всего одна строка: «Передай своим, чтобы не лезли в чужие дела».

— Он знает, что мы все здесь, — тихо сказал Баха.

— Или предполагает, — ответил Макс.

— Какая разница? — спросила Лина. — Он явно хочет, чтобы мы испугались.

— И что, будем делать вид, что не испугались? — спросила Майя.

— Нет, — сказала Симура. — Будем делать вид, что не собираемся ему подчиняться.

Она произнесла это почти спокойно, но я заметил, что ногти у неё впились в ладонь. В тот момент я впервые подумал, что для неё возвращение Яна — совсем не такая новость, как для остальных.

Я положил телефон на стол. Впервые за день мне захотелось не ответить, не придумать колкость, не доказать, что мне всё равно. Просто оставить сообщение без ответа и не дать Яну ещё одной возможности втянуть меня в разговор, который он заранее придумал за нас обоих.

Когда остальные заговорили о чае и о том, кто пойдёт за чем-нибудь сладким, Сима поднялась с подоконника и вышла в коридор. Я задержался у двери кухни, собираясь налить себе воды, и услышал, как она тихо разговаривает по телефону. Не разобрал слов, только её голос — совсем не тот, которым она обычно спорила с Аликом или подшучивала над Репой.

Я не собирался подслушивать и уже хотел вернуться в комнату, когда она закончила разговор и убрала телефон в карман.

— Ты давно знаешь? — спросила она, заметив меня.

— Что именно?

— Что Ян снова объявился.

— С сегодняшнего дня.

Она посмотрела на меня, будто решала, стоит ли продолжать. Потом прислонилась плечом к стене.

— Мы с ним полгода встречались. Сначала он был совсем другим. Или мне так казалось. Потом начались проверки, с кем я общаюсь, где нахожусь, почему не отвечаю сразу. Он мог испортить вечер из-за какой-нибудь ерунды, а на следующий день вести себя так, будто ничего не было. Я долго думала, что это просто характер.

Я молчал. Сима говорила негромко, без слёз и без привычной бравады. От этого её слова звучали тяжелее.

— А потом он перешёл границы, — продолжила она. — Не только мои личные. Он угрожал вещами, которые касались моего интимного здоровья и безопасности. Я не хочу сейчас рассказывать подробности. Но это не было обычным расставанием после ссоры.

— Он тебе угрожал? — спросил я.

— Да. И я знаю, что он способен не остановиться на словах. Поэтому, если он начнёт крутиться рядом с кем-то из нас, не думай, что это просто желание покрасоваться.

— Почему ты раньше ничего не сказала?

Сима усмехнулась, но улыбка вышла короткой и невесёлой.

— Потому что я не хотела, чтобы меня жалели. И потому что… — Она замолчала, сжав губы. — Потому что я не до конца перестала к нему что-то чувствовать. Вот это, наверное, самое мерзкое. Я прекрасно понимаю, что он сделал, и всё равно иногда вспоминаю, каким он был в самом начале.

Она произнесла это с такой злостью на саму себя, что мне захотелось сказать что-нибудь правильное. Но правильных слов не нашлось.

— Это не значит, что ты хочешь к нему вернуться, — сказал я наконец.

— Я и не собираюсь. Я хочу, чтобы он однажды понял, что не может делать с людьми всё, что ему вздумается, а потом просто исчезать. И да, я хочу ему отомстить. Не знаю пока как. Но хочу.

— Только не делай ничего одна, — сказал я.

Сима посмотрела на меня почти с прежней насмешкой.

— Смотри-ка, Цой. Сам сегодня пошёл один, а теперь раздаёшь советы.

— Я хотя бы понял, что это была тупая идея.

— Хорошо. Значит, не совсем безнадёжный.

Из комнаты донёсся голос Репы, который спрашивал, кто забрал пульт. Сима оттолкнулась от стены и поправила волосы.

— Давай пока не будем рассказывать всем подробности, — сказала она. — Я сама решу, когда и кому. Но если Ян снова появится, я не собираюсь молчать.

— Ладно.

Она вернулась в комнату первой. Я задержался ещё на несколько секунд, пытаясь уложить в голове то, что только что услышал. Теперь её реакция на имя Фогеля казалась понятнее. Но от этого мне не стало спокойнее.

За окном медленно темнело. В соседнем доме зажглись первые окна, во дворе кто-то позвал ребёнка домой. Репа включил чайник и спросил, кто будет чай. Все заговорили одновременно, и на несколько минут телефон остался лежать на столе без внимания.

Я всё ещё не знал, что именно задумал Фогель. Но теперь знал другое: если он рассчитывал, что я останусь один, он ошибся. И, возможно, именно это его злило сильнее всего.

Глава 3. Всё намного сложнее.

В комнате постепенно становилось шумнее.

Наверное, это происходило всегда, когда мы собирались у Репы: сначала все разговаривали вполголоса, будто боялись помешать друг другу, потом кто-нибудь обязательно начинал спорить о какой-нибудь совершенно незначительной ерунде, следом подключались остальные, и через десять минут уже невозможно было разобрать, кто кому что доказывает. Репа обычно пытался поддерживать порядок первые пятнадцать минут, после чего сдавался, включал музыку погромче и принимал происходящее как неизбежное стихийное бедствие.

Сегодня, правда, даже он не торопился возвращаться к привычному поведению.

После разговора с Симой я некоторое время стоял в коридоре, разглядывая выключатель на стене. На его пластиковой поверхности была небольшая трещина, которую я раньше почему-то не замечал. Я смотрел на неё и думал о том, насколько странно иногда устроена человеческая память. Можно годами знать человека, видеть его почти каждый день, слышать, как он смеётся, спорит, рассказывает какую-нибудь глупость, и совершенно не подозревать, что за всем этим находится история, о которой он никому не хочет рассказывать.

Серафима не производила впечатления человека, которого легко запугать. Она могла поставить на место практически любого из нашей компании, причём сделать это таким спокойным голосом, что спорить с ней становилось бессмысленно. Иногда мне казалось, что она вообще не умеет смущаться. Даже когда попадала в неловкую ситуацию, умудрялась перевернуть всё так, будто именно этого и добивалась.

Но сейчас, когда она рассказывала про Яна, я впервые увидел, насколько сильно человек может отличаться от того образа, который привык показывать окружающим.

Она не плакала. Не повышала голос. Не пыталась вызвать сочувствие. Просто стояла возле стены и рассказывала о вещах, которые, судя по всему, до сих пор причиняли ей боль.

И больше всего меня зацепило даже не то, что Фогель с ней сделал, а то, как она говорила о собственных чувствах. Будто считала их чем-то постыдным. Будто сама не могла простить себе, что иногда скучает по человеку, который причинил ей столько неприятностей.

Я не знал, что на это отвечать. Да и, если честно, не был уверен, что вообще имею право что-то советовать.

— Цой!

Я обернулся.

В дверном проёме стоял Алик. Он держал в руках две кружки и смотрел на меня с таким выражением, словно уже несколько минут наблюдал за тем, как я изучаю стену.

— Ты там что, ремонт собрался делать? — спросил он. — Если да, то сразу предупреждаю: у Репы денег нет. Он всё слил на хавчик, которым мы сейчас благополучно питаемся.

— Я думаю, как бы тебе объяснить, что иногда лучше не вбрасывать вообще ничего.

— Не надо. Мне это уже несколько человек втирали. Не зашло.

Он протянул мне одну из кружек.

— Держи. Чай.

— Спасибо.

— Только осторожно, горячий.

— Алик, я умею пользоваться кружками.

— По тебе не скажешь.

Он прошёл мимо меня и заглянул в комнату.

— Эй, вы там долго ещё будете сидеть с лицами, будто вам интернет отключили? Репа, печенье есть?

— На кухне!

— А какое?

— Обычное!

— Ты можешь нормально объяснить, какое? Шоколадное, обычное? Я не экстрасенс.

— Алик, я сейчас тебе этим печеньем втащу!

Алик довольно улыбнулся и повернулся ко мне.

— Видишь? Человек оживает. Надо чаще его троллить.

Я сделал глоток чая и вернулся в комнату.

Максим сидел на полу возле дивана, прислонившись спиной к его основанию. Перед ним лежал телефон, экран которого периодически загорался от уведомлений. Он что-то читал, время от времени поглядывая на остальных. Баха устроился на подлокотнике кресла и разговаривал с Майей. Лина рылась в пакете с продуктами, который сама же принесла, объясняя Репе, что купила всё исключительно по его просьбе, хотя тот утверждал, что впервые слышит о половине перечисленных вещей.

Диана сидела возле окна.

Она сняла резинку с запястья и теперь собирала волосы, одновременно слушая разговор Симы и Майи. Когда я вошёл, она подняла глаза и задержала на мне взгляд.

— Ты чего так долго?

— Думал о смысле жизни. Не рекомендую, какая-то мутная тема.

— Нашёл?

— Нет. Но обнаружил, что у Репы очень интересный выключатель.

Диана посмотрела на меня, потом на коридор.

— Ты иногда такой странный, я не могу.

— Это взаимно.

Она усмехнулась и вернулась к разговору.

Я сел на свободное место между Максом и подлокотником дивана. Максим сразу убрал телефон экраном вниз.

— Всё нормально? — тихо спросил он.

— Да.

— С Симой поговорил?

Я посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты десять минут отсутствовал, а она вернулась с таким лицом, будто сейчас кому-нибудь устроит разнос. Я решил, что вы либо поговорили, либо уже успели сцепиться.

— Не угадал.

— Жаль. Я бы хотя бы знал, кого потом успокаивать.

Я покачал головой.

— Она рассказала немного про Яна.

Макс перестал улыбаться.

— Много?

— Достаточно.

— Понял.

Он не стал задавать дополнительных вопросов. За это я его и ценил. Максим мог быть невыносимо любопытным, особенно когда дело касалось людей, которых он считал своими, но прекрасно понимал, где проходит граница. Если человек не хотел рассказывать, Макс не пытался вытянуть из него подробности любой ценой.

— Она в порядке? — спросил он через некоторое время.

— Не знаю. Наверное, настолько, насколько это возможно.

Макс кивнул.

— Если что, скажи ей, что мы рядом.

— Думаешь, она не знает?

— Знать и чувствовать — разные вещи.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Ты сегодня прям философ, лол.

— Не привыкай, это разовая акция.

С другого конца комнаты донёсся голос Репы:

— Так, я хочу кое-что прояснить. Кто-нибудь вообще собирается объяснить мне, почему у меня на кухне закончился сыр?

— Потому что ты его и сожрал, — ответил Алик.

— Я съел два кусочка!

— Ну вот. Остальные, видимо, сами испарились.

— Я покупал целую упаковку!

— Реп, — вмешался Баха, — ты же сам вчера говорил, что сыр надо доесть, пока не испортился.

— Я говорил это про творог!

— Какая разница?

— Огромная!

Лина прыснула со смеху.

— Господи, вы можете хотя бы пять минут не обсуждать еду?

— Можем, — ответил Репа. — Если кто-нибудь купит мне сыр. А то я тут один, как лох, без нормальной еды.

— Запиши в список желаний на день рождения, — предложила Диана. — Вместе с айфоном и личным поваром.

— У меня день рождения через несколько месяцев.

— Зато будет время накопить.

Комната снова наполнилась смехом.

Я смотрел на них и постепенно ловил себя на мысли, что напряжение, которое держало меня весь день, немного ослабевает. Не исчезает окончательно, нет. Просто отступает куда-то на задний план, позволяя на несколько минут забыть о том, что происходило у старой школы.

Наверное, именно поэтому я любил наши сборы.

У нас не было какой-то особенной традиции, которую можно было бы красиво описать. Мы не собирались по расписанию, не отмечали даты и не устраивали торжественных встреч. Просто кто-нибудь однажды писал в общий чат, что ему скучно, другой предлагал зайти к нему, третий обещал принести что-нибудь поесть, и в итоге через пару часов в одной квартире оказывалось слишком много людей.

У каждого была своя жизнь. Свои дела, родители, проблемы, какие-то планы на будущее. Но стоило нам оказаться вместе, как всё это на время отходило на второй план.

И, пожалуй, я никогда раньше не задумывался, насколько сильно привык к этому.

— Вилен.

Я повернул голову.

Рядом сидела Майя. Она держала в руках телефон, но смотрела не на экран, а на меня.

— Что?

— Ты сегодня вообще ел?

Я моргнул.

— Это сейчас допрос с пристрастием?

— Обычный вопрос.

— Ел.

— Что?

— Еду.

Майя закатила глаза.

— Офигеть, какая подробная биография.

— Я старался.

Она посмотрела на меня ещё несколько секунд, затем вздохнула.

— Ладно. Просто у тебя вид такой, будто ты с утра ничего не ел и ещё собираешься этим гордиться.

— У меня нормальный вид, не душни.

— У тебя лицо человека, который хочет, чтобы его оставили в покое, но сам не знает, как об этом сказать.

— Майя, ты сегодня особенно разговорчивая.

— А ты особенно раздражительный.

Она улыбнулась, и я понял, что спорить бесполезно.

Майя вообще умела замечать вещи, которые остальные пропускали. Не обязательно потому, что была внимательнее всех. Скорее, она просто не торопилась вмешиваться в разговор, предпочитая сначала посмотреть, как ведут себя люди. Иногда из-за этого казалось, что она знает о компании гораздо больше, чем говорит.

— Будешь печенье? — спросила она.

— Буду.

Она протянула мне тарелку.

— Вот. А то ещё упадёшь здесь от голода, и нам придётся объяснять твоей маме, почему ты умер у Репы.

— Прекрасная перспектива.

— Я стараюсь.

Я взял печенье и откинулся на спинку дивана.

На телевизоре без звука сменялись клипы. Репа так и не нашёл пульт, хотя несколько раз уверял, что прекрасно помнит, куда его положил. В итоге Баха предложил включить музыку с телефона, и через минуту из колонок заиграла какая-то песня, которую Алик тут же начал напевать, не зная половины слов.

— Ты опять текст на ходу сочиняешь, — заметила Лина.

— Я не вру. Это ремикс, авторская версия.

— Ты даже название песни не знаешь.

— Зато вайб ловлю.

— У тебя вайб человека, который случайно зашёл не в тот подъезд.

— Спасибо, Лина. Очень приятно.

Репа тем временем нашёл пульт под диванной подушкой и торжественно поднял его над головой.

— Всё, народ, я нашёл! Можно не паниковать!

— Поздравляю, — сказал Макс.

— Не надо сарказма. Это вообще-то исторический момент.

— Может, медаль тебе заказать? — спросила Диана.

— Лучше новый телевизор.

— Вот это уже наглость, — заметил Баха.

Репа сел на край кресла и включил звук. На экране шёл музыкальный канал, ведущий рассказывал о каком-то фестивале, а внизу мелькали названия исполнителей. Алик тут же потребовал переключить, потому что ему не нравилась песня, которая должна была начаться следующей.

— Ты можешь хотя бы один раз не командовать? — спросил Репа.

— Я не командую. Я просто кидаю идею.

— Ты кидаешь идею, в которой я должен сделать всё так, как хочешь ты.

— Ну так идея годная.

Максим засмеялся.

Я посмотрел на часы. Было уже довольно поздно, хотя за окном ещё сохранялся слабый летний свет. В такие дни темнота наступала медленно, словно город не хотел отпускать остатки тепла. На стекле отражалась комната: диван, стол, люди, чьи голоса перемешивались с музыкой.

Я достал телефон.

Новых сообщений не было. ВК тоже молчал — редкий случай, когда общий чат не превращался в филиал дурдома.

Последняя фраза Фогеля всё ещё оставалась на экране, если открыть переписку. Я не стал этого делать. Просто проверил уведомления, убрал телефон обратно и попытался переключиться на разговор.

— Кстати, — сказал Алик, — а вы завтра куда-нибудь собираетесь?

— Я собираюсь спать, — ответил Репа.

— Это не считается.

— Для меня считается.

— Мы можем завтра куда-нибудь выбраться, — предложила Лина. — Только не сидеть опять в квартире.

— Ты же сама вчера говорила, что устала гулять, — напомнила Диана.

— Вчера я устала. Сегодня уже нет.

— Удивительная система восстановления.

— Завидуй молча.

Макс поднял голову.

— Можно в центр съездить. Давно нормально не выбирались.

— В центр — это куда? — спросила Майя.

— Пока хз. Просто потусить, пройтись.

— План века, — заметил я. — Прям всё продумано до мелочей.

— Не всем же быть такими душными организаторами, как ты.

— Я вообще не организованный, алё.

— Вот именно.

Диана посмотрела на нас.

— Я могу завтра. Только не слишком рано.

— А что для тебя слишком рано? — спросил Макс.

— Всё, что раньше двенадцати. Я не настолько отчаянная.

— Тогда мы встретимся в три, — предложил Баха.

— В три я уже буду умирать от жары, — сказала Лина.

— Можно встретиться в два.

— В два я ещё буду собираться.

— Тогда в четыре, — вмешался Репа. — Может, вы вообще сначала решите, хотите ли куда-то идти, а потом будете торговаться за время?

— Реп, ты просто не понимаешь тонкостей организации досуга, — сказал Алик.

— Я понимаю только одно: если вы завтра опять припрётесь ко мне в двенадцать утра, я даже домофон не услышу.

— Ты всё равно откроешь, — заметил Макс.

— Вот именно поэтому я и не люблю вас.

Я улыбнулся.

Разговор постепенно перешёл к другим планам. Лина хотела зайти в торговый центр, Майя предлагала сначала встретиться возле остановки, Баха говорил, что ему нужно будет

заехать домой, а Диана пыталась выяснить, кто вообще собирается ехать на автобусе, а кто будет добираться самостоятельно.

Сима почти не участвовала в обсуждении. Она сидела возле окна, поджав одну ногу, и смотрела на экран телефона. Иногда поднимала голову, когда кто-нибудь обращался к ней, отвечала коротко и снова отвлекалась.

Я поймал себя на том, что несколько раз посмотрел в её сторону.

Не хотелось, чтобы она заметила.

Но она заметила.

— Цой, — произнесла она, не отрываясь от телефона.

— М?

— Цой, хорош на меня пялиться.

— Я не смотрю.

— Конечно. Просто глаза сами по себе, случайно, в мою сторону повернулись.

— Бывает.

Она подняла голову и посмотрела на меня с привычной насмешкой.

— Не парься. Я не собираюсь сейчас драматично исчезать, разбивать окно и сваливать в Японию.

— Жаль. Я уже хотел вызвать полицию.

— Вызывай. Скажи, что у тебя паранойя на минималках.

Макс тихо засмеялся.

— Вы оба невозможные.

— Я хотя бы не строю из себя психолога, — сказала Сима.

— А я и не строю.

— Тогда почему у тебя такой вид?

— Какой?

— Будто ты сейчас предложишь всем сесть в круг и рассказать о своих чувствах.

— Не подкидывай ему идеи, — сказал я. — Он может.

Макс показал мне средний палец, не меняя выражения лица.

Комната снова засмеялась.

И только я, кажется, заметил, что Сима после этого улыбнулась чуть искреннее, чем прежде.

Мне хотелось верить, что хотя бы на сегодняшний вечер ей стало немного легче.

Репа первым заметил, что разговор окончательно выдохся. Не потому, что нам больше нечего было сказать, а потому, что каждый уже успел несколько раз прокрутить в голове услышанное и теперь старательно делал вид, будто занят чем-то другим. Макс листал телефон, Алик разглядывал рисунок на своей футболке, Лина пыталась устроиться на диване так, чтобы не задеть ногой пакет с чипсами, а Симура смотрела в окно. Диана сидела рядом с ней и иногда что-то тихо говорила, но я не разбирал слов. В комнате повисла та самая пауза, которая возникает после неприятного разговора: никто не хочет первым признаться, что не знает, о чём говорить дальше.

— Так, — объявил Репа, хлопнув ладонями по коленям. — Я предлагаю официально закончить заседание клуба людей с тяжёлой судьбой. А то вы сейчас ещё начнёте смотреть в одну точку, и мне придётся вызывать экзорциста. У меня дома, между прочим, нормальная атмосфера была, музыка играла, холодильник полный, а вы пришли и устроили филиал кабинета школьного психолога.

— У тебя холодильник полный только потому, что ты сам туда периодически заглядываешь и проверяешь, не исчезли ли продукты, — заметил Алик. — Мы тут вообще-то ни при чём. И не надо делать вид, что до нас у тебя была весёлая жизнь. Ты бы и без нас сидел с телефоном и смотрел, как люди ремонтируют квартиры.

— Во-первых, я не смотрю ремонт квартир. Во-вторых, это называется полезный контент. В-третьих, если бы вы иногда приходили не толпой, а по одному, я бы, возможно, успевал жить как нормальный человек.

— Реп, ты сам в общий чат пишешь «заходите, если рядом будете», — сказала Лина. — А потом встречаешь нас так, будто мы вынесли из квартиры телевизор, микроволновку и твою почку. Определись уже: ты гостеприимный или просто любишь драматично страдать из-за посуды.

— Я гостеприимный, но у меня есть предел. Особенно когда вы начинаете переставлять вещи. В прошлый раз кто-то поставил пульт в холодильник.

— Это был не я, — моментально сказал Алик.

— Я даже не называл тебя.

— Но посмотрел именно на меня.

— Потому что ты единственный человек, который способен положить пульт в холодильник и потом обвинить холодильник в том, что он его спрятал.

Лина засмеялась, запрокинув голову, и напряжение в комнате наконец немного отпустило. Я поймал себя на том, что тоже улыбаюсь. Не потому, что всё внезапно стало хорошо, — ничего подобного не произошло, — а потому, что они умели возвращать разговор к обычным вещам так естественно, будто между нами и правда не было ничего, кроме летней жары, чужих кроссовок в прихожей и вечного спора о том, кто доел последний сыр.

— Кстати, раз уж мы заговорили о вещах, которые кто-то переставляет, — Лина повернулась к Репе, — ты видел мою новую аватарку?

— Видел.

— И?

— Ничего.

— В смысле «ничего»? Я её вчера поставила. Там свет хороший, я нормально получилась, и вообще фотография атмосферная.

— Лин, ты спрашиваешь мнение человека, который до сих пор держит на аватарке фотографию, где ему лет двенадцать и он стоит возле ёлки в свитере с оленем, — сказал Макс. — У него нет права оценивать чужую атмосферу.

Репа возмущённо поднял голову.

— Это семейная фотография, между прочим. И свитер нормальный.

— На нём олень в шарфе, — уточнил Алик. — У оленя выражение лица, будто он тоже не понимает, зачем его сюда привели.

— Вы просто не шарите в классике, — ответил Репа. — Аватарка должна быть узнаваемой. Чтобы человек зашёл на страницу и сразу понял: да, это Репа, тот самый парень, который не даст вам умереть с голоду.

— По-моему, человек заходит на твою страницу и сразу понимает, что ты не менял фотографию с восьмого класса, — сказала Лина. — И статус у тебя, кажется, до сих пор «не пытайся понять».

— Он философский.

— Он загадочный только потому, что ты забыл, где его менять.

— Я не забыл. Мне нравится.

— Тогда хотя бы поставь точку в конце. Будет выглядеть, будто ты действительно что-то хотел сказать.

Я посмотрел на Репу и представил его страницу во «ВКонтакте»: фотография с ёлкой, статус «не пытайся понять», несколько сохранённых картинок с машинами и репосты музыки, которую он включал у себя дома. В этом было что-то очень его. Репа мог сколько угодно возмущаться чужими аватарками, но сам не собирался менять ни одну деталь, если однажды решил,

что она ему подходит. Наверное, поэтому Лина и цеплялась к нему: она могла за вечер поменять фотографию профиля три раза, а он не замечал, что прошло уже несколько лет.

— Всё, хватит обсуждать мою страницу, — сказал Репа. — Лучше помогите убрать. А то я вас знаю: сейчас все разойдутся, а утром я найду на столе пять стаканов, две тарелки и какую-нибудь непонятную штуку, которую никто не признает своей.

— Я могу признать стакан, — предложил Алик. — Если он красивый.

— Он обычный прозрачный стакан.

— Тогда не мой.

— Потрясающе. У нас в компании даже посуда с самооценкой.

Мы поднялись не сразу. Сначала каждый сделал вид, что не услышал просьбу, потом Лина демонстративно потянулась, Макс убрал телефон в карман, а Симура спрыгнула с подоконника и забрала со стола две пустые кружки. Диана подняла тарелки, я собрал стаканы. В комнате сразу стало теснее от движения: кто-то обходил диван, кто-то пытался протиснуться к двери, Алик задел плечом Репу и тут же заявил, что это была вынужденная мера, потому что хозяин квартиры занял стратегически важную территорию.

— Ты можешь хотя бы один раз пройти нормально? — спросил Репа, придерживая дверь.

— Я прошёл нормально. Это ты стоишь посреди прохода.

— Я стою у двери.

— Вот именно. В дверях. В самом узком месте квартиры. Ты как шлагбаум, только без пользы.

На кухне оказалось жарче, чем в комнате. Окно было приоткрыто, но воздух почти не двигался, и запах лимонада смешивался с чем-то острым, пряным. Лина поставила тарелки возле раковины и тут же открыла холодильник, словно собиралась провести ревизию. Репа заметил это краем глаза и остановился посреди кухни.

— Ты чего там ищешь?

— Смотрю, что у тебя есть.

— Я знаю, что у меня есть.

— Это пока ты не смотришь. А я смотрю объективно.

— Лина, пожалуйста, не надо объективно смотреть в мой холодильник. Там всё разложено по полкам.

— Вот это я и проверяю. У тебя соусы стоят отдельно, напитки отдельно, а вот это что?

Она достала небольшую банку с красной крышкой и повертела её в руках. На этикетке были какие-то незнакомые буквы и изображение перца. Репа тут же забрал банку, будто Лина обнаружила не соус, а компромат.

— Это острый соус.

— Я вижу, что не варенье. Почему он спрятан за молоком?

— Потому что он острый.

— Логично. Чтобы никто случайно не нашёл и не испортил себе жизнь.

— Именно. Я вообще не понимаю, зачем ты открываешь холодильник, если ничего не собираешься брать.

— Я собираюсь. Просто пока выбираю.

— Ты уже десять минут выбираешь.

— У меня сложный внутренний мир, Реп. Не торопи.

Макс прислонился к дверному косяку и посмотрел на банку.

— Дай попробовать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты потом будешь пить воду литрами и говорить, что я тебя не предупредил.

— Я нормально переношу острое.

— Ты в прошлый раз от кетчупа заплакал.

— Там был не кетчуп.

— Конечно. Там была проверка твоей силы духа.

Алик тем временем открыл шкафчик, достал пачку салфеток и принялся вытирать стол, хотя никто его об этом не просил. Репа посмотрел на него с подозрением.

— Ты чего такой активный?

— Хочу, чтобы ты перестал жаловаться.

— Я не жалуюсь.

— Ты уже минут пятнадцать рассказываешь, как мы портим тебе жизнь.

— Это не жалобы, это обратная связь.

— Тогда держи обратную связь: у тебя на столе крошки.

Репа посмотрел на стол, потом на салфетку в руках Алика и нехотя признал, что крошки действительно были. Лина наконец выбрала лимонад, достала бутылку и закрыла холодильник бедром. Я поставил стаканы возле раковины и заметил, что Диана уже моет тарелки. Она делала это спокойно, не торопясь, и на секунду наши взгляды встретились. Она чуть улыбнулась, словно спрашивала, всё ли в порядке, но вслух ничего не сказала. Я взял полотенце, чтобы вытирать посуду, и встал рядом.

— Ты умеешь мыть тарелки? — спросила она негромко.

— В теории.

— А на практике?

— Зависит от сложности задания. Если тарелка круглая и без инструкции, справлюсь.

— Тогда тебе повезло, здесь как раз такие.

Она передала мне тарелку, и я вытер её слишком тщательно, будто от этого зависело что-то важное. За спиной Алик продолжал спорить с Репой о том, кто должен выносить мусор, а Лина уже рассказывала Симуре какую-то историю из ленты. Их голоса накладывались друг на друга, и кухня постепенно наполнялась привычным шумом.

— Вы видели, что Репа вчера выложил? — спросила Лина, обращаясь ко всем сразу. — Я сначала подумала, что это какой-то мем, а потом поняла, что он серьёзно.

Репа замер с бутылкой в руке.

— Что я выложил?

— Кота.

— И что?

— Подписал «мой маленький бандит».

Алик медленно повернулся к нему.

— Подожди. Это тот кот, который сидит на капоте машины?

— Да.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Он знает, что он твой?

— Алик, это фотография из интернета. Я просто увидел кота и выложил.

— То есть ты завёл кота, но даже не предупредил его? — уточнила Симура.

— Я никого не заводил!

— Тогда почему «мой маленький бандит»? — Лина уже смеялась. — Ты мог написать «случайный кот», «кот на капоте», «животное с подозрительным выражением лица». Но нет, ты сразу присвоил его себе.

— Он выглядит как бандит. Посмотри на морду. У него явно есть криминальное прошлое.

— У него просто усы, Реп, — сказал Макс.

— И взгляд, — добавил Алик. — Взгляд человека, который знает, где ты живёшь, и ждёт, когда ты выйдешь за хлебом.

— Вот! — Репа ткнул в него пальцем. — Ты понял. Поэтому он мой маленький бандит.

— А где он сейчас? — спросила Диана.

— В интернете.

— Удобно. Не надо кормить, убирать за ним и покупать наполнитель.

— Зато можно поставить лайк, — сказал я. — И иногда навещать.

— Всё, я понял, — Репа поднял руки. — Больше никаких котов. В следующий раз выложу фотографию собаки, и вы начнёте спрашивать, почему я не оформил на неё документы.

— Не подсказывай ему, — сказала Лина. — Он ещё реально заведёт страницу для собаки.

— Назовёт её «моя большая проблема», — добавил Макс.

— А в статус поставит «не пытайся понять», — закончил Алик.

Репа попытался сохранить серьёзное лицо, но не выдержал и рассмеялся вместе со всеми. Он забрал у меня полотенце, проверил, не остались ли на тарелке разводы, и поставил её в шкаф. Я хотел сказать, что никто, кроме него, не станет проверять тарелку на свет, но промолчал: спорить с Репой о порядке было примерно так же бесполезно, как убеждать Лину не менять аватарку.

Когда с посудой наконец разобрались, мы ещё какое-то время не расходились. Лина устроилась на подоконнике, Симура села на край стола, хотя Репа сразу предупредил, что стол не предназначен для сидения, а Макс снова достал телефон. Алик нашёл в колонке песню, которую все знали, и начал подпевать с таким выражением лица, будто его пригласили выступить на большой сцене. Репа возмутился, что тот портит музыку, но громкость не убавил.

Я смотрел на них и думал, что со стороны мы, наверное, выглядели совершенно обычной компанией. Кто-то смеялся слишком громко, кто-то спорил из-за ерунды, кто-то проверял сообщения, кто-то доедал то, что осталось в пакете. Никто не произносил больших слов и не пытался сделать вид, что знает, как правильно жить. Мы просто занимали чужую кухню, мешали хозяину наводить порядок и придумывали коту из интернета биографию преступника.

И всё же именно такие вечера почему-то запоминались лучше всего. Не разговоры, после которых хотелось немедленно что-то изменить, и не моменты, когда казалось, что от одного решения зависит слишком многое. Запоминались чужая кухня, тёплая бутылка лимонада, Линины бесконечные замечания, Максова улыбка и то, как Репа в очередной раз проверял, закрыт ли холодильник. Тогда я ещё не знал, что буду вспоминать этот день совсем иначе. В тот момент мне казалось, что вечер просто тянется дальше, как и должен тянуться обычный летний вечер, когда домой уходить не хочется, а завтра пока не наступило.

Музыка закончилась, но Алик не сразу заметил это и ещё несколько секунд продолжал напевать последние строчки, пока Репа не потянулся к колонке и не переключил песню. Из динамика пошло что-то совсем другое, более спокойное, и кухня будто сразу стала тише. Лина сползла с подоконника, поправила волосы и посмотрела на экран телефона. На улице уже начинало темнеть, хотя жара никуда не делась: за открытым окном всё ещё висел густой тёплый воздух, пахло пылью, нагретыми стенами и чьим-то поздним ужином.

— Так, народ, — сказала она, убирая телефон в карман. — У меня предложение. Давайте не будем сидеть здесь до тех пор, пока Репа не начнёт брать с нас аренду. Можно выйти куда-нибудь, пройтись, купить что-нибудь холодное. Я больше не могу смотреть на эти четыре стены, даже если в них есть знаменитый холодильник с секретным соусом.

— Я вообще-то не против, чтобы вы ушли, — отозвался Репа. — Но формулировка «выйти куда-нибудь» звучит так, будто вы собираетесь идти без цели и потом обвинять меня, что я не придумал маршрут.

— А ты придумай, — предложил Алик. — Ты же у нас человек с планом. У тебя даже соусы по полкам стоят.

— Во-первых, это не план, а нормальная организация пространства. Во-вторых, я не обязан развлекать вас круглосуточно. В-третьих, если мы выйдем, я хочу дойти до магазина и купить мороженое. Вот вам маршрут, вот вам цель, вот вам культурная программа.

— Мороженое — это уже аргумент, — сказал Макс. — Я за.

— Я тоже, — поддержала Симура. — Только давайте не в тот магазин у остановки. Там продавщица смотрит на меня так, будто я каждый раз прихожу туда с намерением украсть холодильник.

— Может, потому что ты каждый раз долго выбираешь, а потом берёшь одно и то же? — спросила Диана.

— Это называется верность предпочтениям.

— Это называется неумение принимать решения, — сказал Алик. — Я могу стоять у витрины две минуты и выбрать быстрее.

— Ты выбираешь по принципу «что ярче упаковано», — заметил Макс.

— И ни разу не ошибся.

Репа уже собирал со стола мелочь и ключи, продолжая возмущаться, что идея выйти принадлежала Лине, а значит, именно она должна отвечать за организацию. Лина в ответ заявила, что готова отвечать за моральную поддержку, но не за логистику, потому что у неё и так насыщенная жизнь. В итоге никто не стал выяснять, кто главный: мы просто начали собираться, каждый в своём темпе, и кухня постепенно освобождалась от нас.

Я задержался у двери, пока остальные проходили в коридор. Диана стояла возле зеркала и пыталась убрать за ухо прядь чёрных волос, которая всё время выбивалась из каре. Она заметила мой взгляд в отражении и чуть приподняла бровь.

— Что?

— Ничего. Просто ты уже третий раз поправляешь одну и ту же прядь.

— Потому что она меня бесит. У неё отдельная жизнь, и, кажется, она меня не уважает.

— Может, она просто хочет быть самостоятельной.

— Тогда пусть съезжает.

Я усмехнулся. Диана наконец оставила волосы в покое, проверила, не забыла ли телефон, и повернулась ко мне.

— Ты сегодня какой-то странный, — сказала она. — Не такой, как обычно.

— Это ты сейчас пытаешься сказать, что я обычно нормальный?

— Не перегибай. Я сказала «не такой», а не «хороший». Не надо приписывать мне лишнего.

— Понял. Буду осторожнее с комплиментами.

Она улыбнулась, но почти сразу стала серьёзнее. За весь вечер Диана ни разу не стала расспрашивать меня при остальных о том, что произошло с Фогелем. Я был ей за это благодарен, хотя не знал, заметила ли она сама, что именно так и поступает.

— Ты правда нормально себя чувствуешь? — спросила она уже тише. — Не надо отвечать автоматически. Я не собираюсь устраивать допрос, просто хочу понять.

Я посмотрел в сторону комнаты. Там Алик спорил с Репой, кому достанется пакет с оставшимися чипсами, а Лина пыталась убедить Макса, что он обязан выбрать мороженое не с шоколадом. Они были совсем рядом, но в коридоре на несколько секунд возникло ощущение отдельного пространства, где не нужно было поддерживать общий разговор.

— Не знаю, — ответил я честно. — Наверное, нормально. Просто всё это неприятно. Я думал, что давно уже не буду о нём вспоминать, а теперь он опять появился, и получается, что я весь день хожу и думаю, что он ещё может сделать.

— Это не значит, что он может сделать всё, что захочет.

— Я знаю.

— Нет, я не уверена, что ты именно знаешь. Ты можешь понимать это головой, но всё равно вести себя так, будто он заранее получил над тобой преимущество. Вилен, он не становится сильнее от того, что ты его боишься.

Я хотел возразить, но не нашёл подходящих слов. В её голосе не было ни жалости, ни желания прочитать мне лекцию. Она просто говорила то, что считала правильным, и не пыталась смягчить мысль до неузнаваемости.

— Я не хочу, чтобы из-за этого всё крутилось вокруг меня, — сказал я. — У нас и так теперь все только об этом говорят.

— Сегодня говорили, потому что это важно. А потом будем говорить о чём-нибудь другом. О том, что Лина опять поменяла аватарку, например. Или о том, что Репа завёл себе кота, которого никогда не видел.

— Он не завёл кота.

— Попробуй объяснить это самому коту.

Из комнаты донёсся голос Репы: он объявлял, что если кто-нибудь ещё раз назовёт его владельцем виртуального кота, то мороженое каждый покупает себе сам. Диана тихо рассмеялась, и разговор закончился сам собой. Не было необходимости обещать друг другу, что всё обязательно наладится. Мне хватило того, что она не отвернулась от неприятной темы и при этом не позволила ей занять всё пространство между нами.

В коридоре уже собрались остальные. Репа проверял карманы, Макс стоял у двери с ключами, а Алик пытался доказать, что ему совершенно не обязательно брать с собой кофту, потому что на улице лето и он не собирается мёрзнуть. Лина сказала, что через час он первым начнёт просить что-нибудь накинуть, и предложила ему записать это предсказание в ежедневник, которого у него, разумеется, не было.

— Всё, пошли, пока вы не начали обсуждать погоду на ближайшую неделю, — сказал Репа и открыл дверь.

Мы вышли на лестничную площадку, и за спиной сразу стало слышно, как захлопнулась дверь квартиры. В подъезде пахло краской и чем-то жареным; на одном из этажей работал телевизор, за дверью кто-то громко смеялся. Обычные звуки чужого дома, которые обычно не замечаешь, пока не оказываешься в них вместе с компанией. Репа запер дверь, дважды проверил ручку и только после этого пошёл вниз.

— Ты всегда проверяешь два раза? — спросила Лина.

— Да.

— Даже если знаешь, что закрыл?

— Особенно если знаю. Потому что потом кто-нибудь из вас спросит, закрыл ли я, и мне придётся возвращаться.

— То есть ты проверяешь не из-за двери, а из-за нас? — уточнил Алик.

— Именно. Вы разрушаете мою веру в человечество.

На улице было заметно прохладнее, чем в квартире, но асфальт всё ещё отдавал дневное тепло. Мы вышли со двора и пошли к магазину, растянувшись по тротуару. Впереди шли Лина и Симура, о чём-то споря; Макс с Репой обсуждали, какой магазин ещё открыт, а Алик время от времени оборачивался, чтобы вставить в разговор что-нибудь совершенно не относящееся к теме. Я шёл рядом с Дианой, но между нами не было необходимости постоянно разговаривать. Иногда она показывала мне что-то на телефоне, иногда я отвечал, иногда мы просто слушали остальных.

У перекрёстка Лина остановилась и подняла телефон, собираясь сфотографировать вывеску магазина. Репа тут же попросил её не снимать его в тот момент, когда он будет выбирать мороженое, потому что он не хочет потом обнаружить себя в её альбоме с подписью «человек, который двадцать минут выбирал пломбир». Лина ответила, что теперь обязательно так и сделает, причём поставит фотографию на аватарку, если кадр получится удачным.

— У тебя вся жизнь проходит в борьбе с моим имиджем, — сказал Репа.

— У тебя нет имиджа, который можно испортить, — заметила Симура. — Есть только аватарка с оленем.

— Я уже объяснял, что это семейная фотография.

— А мы уже объясняли, что олень выглядит несчастным.

— Он просто серьёзный.

— Он выглядит так, будто знает, что вырастет и станет твоей следующей аватаркой.

Алик рассмеялся так громко, что прохожая впереди обернулась. Репа покачал головой, но тоже улыбался. Я смотрел на них и думал, что именно так и выглядит вечер, который никто не планировал заранее: сначала все собирались поговорить о неприятном, потом спорили о коте, а теперь шли за мороженым и пытались убедить Репу сменить фотографию профиля.

В магазине было прохладно. Холодильники гудели, над кассой мерцала лампа, а возле входа стояла корзина с акционными шоколадками. Мы разошлись по витринам, и на несколько минут каждый оказался занят собственным выбором. Макс взял шоколадное, Лина долго сравнивала две упаковки, Симура выбрала фруктовый лёд, а Алик объявил, что будет брать самое большое, потому что «лето короткое, а удовольствие должно быть полноценным». Репа взял обычный пломбир и сказал, что не собирается оправдываться за свой вкус.

— Никто и не просил, — ответил Макс.

— Вы постоянно осуждаете мои решения.

— Мы просто наблюдаем, — сказала Диана. — Это разные вещи.

Я взял мороженое с карамелью и встал в очередь. Диана оказалась рядом и посмотрела на упаковку.

— Ты всегда такое берёшь?

— Не всегда. Но чаще всего.

— Я думала, ты выберешь шоколадное.

— Почему?

— Не знаю. Ты выглядишь как человек, который выбирает шоколадное.

— Это сейчас был анализ личности по мороженому?

— Да. У меня большой опыт.

— И что ещё ты можешь обо мне сказать?

Она сделала вид, что задумалась, рассматривая витрину за моей спиной.

— Что ты долго выбираешь, когда не знаешь, чего хочешь, а потом берёшь первое, на что посмотрел в самом начале.

Я посмотрел на упаковку в своей руке. Она была права: я действительно взял то, на что обратил внимание первым, просто успел несколько раз пройти вдоль витрины, прежде чем признать это.

— Ладно, это уже подозрительно.

— Я же говорила, что у меня большой опыт.

Мы расплатились и вышли на улицу. Остальные уже стояли возле магазина, и Алик рассказывал какую-то историю про знакомого, который однажды купил сразу десять эскимо, потому что перепутал цену за штуку с ценой за упаковку. История, судя по его интонации, была невероятно смешной, хотя я не был уверен, что понял, где именно там заключалась главная шутка. Но Лина смеялась, Репа перебивал, а Макс время от времени добавлял детали, которых, кажется, в оригинальной истории не существовало.

Мы пошли дальше, не выбирая конкретного места. Вечер постепенно становился темнее, в окнах зажигался свет, а над дорогой загорались фонари. На остановке несколько человек ждали автобус, возле киоска разговаривали двое мужчин, по противоположной стороне улицы шла компания ребят постарше. Город не менялся от того, что у нас случилась неприятная история. Он продолжал жить, и в этом было что-то одновременно успокаивающее и обидное.

Телефон в кармане коротко завибрировал. Я достал его, ожидая увидеть сообщение из общего чата, но на экране высветился незнакомый номер. Сердце неприятно дёрнулось раньше, чем я успел прочитать текст. Сообщение было коротким: «Весело проводите время?»

Я остановился. Вокруг продолжали говорить, кто-то смеялся, Алик спорил с Репой о том, можно ли считать фруктовый лёд полноценным мороженым. Я перечитал сообщение ещё раз, потом поднял глаза и посмотрел на улицу. Ничего необычного: машины, прохожие, светящиеся окна, автобус, который медленно подъезжал к остановке.

— Вилен? — Диана заметила, что я отстал. — Ты чего?

Я погасил экран, но телефон остался в руке. Мне вдруг показалось неправильным снова делать вид, что ничего не происходит. Не после того, как я уже рассказал им о встрече, не после разговора у Репы, не после всего, что Сима решилась произнести вслух.

— Опять он, — сказал я и протянул телефон Максу, который обернулся на мой голос.

Макс прочитал сообщение. Его лицо почти не изменилось, но он перестал улыбаться. Алик подошёл ближе, заглянул через плечо, а Репа, заметив, что мы остановились, вернулся к нам вместе с Линой и Симурой.

— Это тот же номер? — спросил Макс.

— Нет. Другой.

— Покажи, — попросила Симура.

Я передал ей телефон. Она посмотрела на экран, потом подняла глаза на меня. В её лице не было удивления — только знакомое напряжение, которое появлялось всякий раз, когда речь заходила о Яне.

— Он хочет, чтобы ты понял, что может написать в любой момент, — сказала она. — И чтобы ты всё время оглядывался.

— Получается, у него выходит, — тихо заметила Диана.

— Пока получается, — ответил Макс. — Но это не значит, что мы должны сейчас разбежаться по домам и дать ему именно такую реакцию.

Алик забрал у Симуры телефон и ещё раз посмотрел на сообщение, будто надеялся обнаружить в нём что-то новое. Потом вернул мне аппарат.

— Скрин сделай. И не отвечай. Пусть пишет, если ему так хочется. Чем больше сообщений, тем больше у нас останется.

— А если он рядом? — спросил Репа.

Вопрос прозвучал негромко, но после него все невольно посмотрели по сторонам. Я тоже. На другой стороне дороги стояла машина с включёнными габаритами; возле остановки мужчина разговаривал по телефону; чуть дальше двое подростков пытались поймать сеть, подняв руки с телефонами. Никого из них я не мог связать с Фогелем, и всё же теперь каждый силуэт казался подозрительным.

— Не надо сейчас искать его в каждом окне, — сказал Макс. — Если он хочет, чтобы мы начали шарахаться от каждого прохожего, не будем ему помогать.

Я сделал скриншот и убрал телефон в карман. Мы снова двинулись с места, но разговор уже не вернулся к прежней лёгкости. Лина больше не шутила про аватарки, Репа перестал спорить о мороженом, а Симура шла чуть впереди, засунув руки в карманы. Диана осталась рядом со мной. Она ничего не спрашивала, и я был благодарен ей за это.

В тот вечер я впервые подумал, что Ян может быть не просто человеком, который внезапно вернулся и решил напомнить о себе. Он будто пытался присутствовать рядом, даже когда его самого не было. В сообщениях, в чужих взглядах, в паузах между словами. И чем больше я старался не думать о нём, тем отчётливее чувствовал, что он рассчитывает именно на это.

Но теперь я был не один. Это не делало ситуацию простой и не отменяло того, что мне было страшно. Просто рядом шли люди, которые знали, что происходит, и не собирались

делать вид, будто ничего не заметили. На тот момент этого оказалось достаточно, чтобы продолжить идти вперёд.

Глава 4. Сюрприз из Петербурга.

Я узнал о приезде Эстер в тот момент, когда меньше всего ожидал услышать от неё что-либо важное. Сидел на кухне, лениво листал ленту «ВКонтакте» и пытался решить, стоит ли вообще открывать учебник по истории, если до понедельника ещё оставалось достаточно времени. За окном было пасмурно, на подоконнике остывал чай, а мама из комнаты уже несколько минут разговаривала по телефону с кем-то из своих знакомых.

Телефон завибрировал рядом с кружкой.

«Ты дома?»

Я сразу узнал её манеру писать: коротко, без приветствия, будто мы не виделись всего пару недель назад, а продолжали разговор, который прервали пять минут назад.

«Нет, я в Сочи. А ты?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Очень смешно. Спускайся».

Я нахмурился и перечитал сообщение. Потом посмотрел в окно, хотя с кухни было видно только часть двора и парковку у соседнего подъезда.

«Куда?»

«Вниз, Вилен».

Я уже набирал следующий вопрос, когда она прислала фотографию: край знакомого чемодана, чёрная ручка дорожной сумки и кусок серого асфальта. На снимке больше ничего не было, но мне этого хватило. Я вскочил так резко, что стул с неприятным скрежетом отъехал назад.

— Ты куда? — спросила мама из комнаты.

— Сейчас!

— Вилен, я вообще-то с тобой разговариваю.

— Потом!

Я схватил куртку, сунул телефон в карман и уже в прихожей понял, что забыл ключи. Пришлось вернуться на кухню. Мама стояла у дверного проёма, держа телефон в руке, и смотрела на меня с таким выражением, будто всё происходящее было ей прекрасно известно.

— Эстер приехала? — спросила она.

Я остановился.

— Ты знала?

— Ольга утром позвонила. Я думала, она сама тебе напишет.

— И ты ничего не сказала?

— А зачем портить сюрприз?

— Вы сговорились.

— Разумеется. У нас целая преступная организация.

Мама засмеялась, а я уже снова торопился к двери. На этот раз ключи оказались в кармане куртки, и я выбежал из квартиры, не дослушав её пожелание не бежать по лестнице.

Эстер стояла возле машины у подъезда, рядом с раскрытым багажником. На ней была короткая тёмная куртка, джинсы и кроссовки, которые я помнил ещё по нашей последней встрече в Москве. Волосы она собрала в небрежный хвост, несколько прядей выбились у висков. Рядом стояла дорожная сумка, а в руках она держала телефон и пластиковый стаканчик из кофейни.

Она заметила меня первой, но не стала махать рукой или звать. Просто улыбнулась — той самой улыбкой, из-за которой я всегда понимал, что сейчас она обязательно скажет что-нибудь язвительное.

— Ну привет, — произнесла она.

Я остановился перед ней, пытаясь отдышаться после лестницы.

— Ты издеваешься?

— Я тоже рада тебя видеть.

— Ты могла хотя бы предупредить.

— Тогда это не было бы сюрпризом.

— Я бы встретил тебя нормально.

— Ты и так выбежал в одной куртке, даже не застегнув её. Очень торжественно.

Я хотел ответить, но вместо этого обнял её. Эстер тихо засмеялась и обняла меня в ответ, прижавшись щекой к моему плечу. От неё пахло холодным воздухом, кофе и чем-то знакомым — то ли её шампунем, то ли духами, которые она носила уже несколько лет. Я вдруг понял, что скучал именно по этому: не по сообщениям и не по фотографиям из Петербурга, а по возможности просто стоять рядом, слышать её голос не через динамик и не торопиться придумывать, что написать в ответ.

— Всё, задушишь, — сказала она, когда я не сразу отпустил её.

— Потерпи.

— Я семнадцать лет терплю, но у меня тоже есть предел.

Я отстранился и посмотрел на неё.

— Ты приехала.

— Как видишь.

— Надолго?

— Пока на несколько дней. Может, дольше, если мама разрешит и если вы меня не выгоните.

— Я могу тебя выгнать.

— Не можешь. Твоя мама меня любит больше.

— Это спорный вопрос.

— Не для меня.

Она сказала это с таким спокойствием, будто вопрос действительно давно был решён. Я забрал у неё сумку, хотя Эстер предупредила, что там ничего тяжёлого, и понёс к подъезду. Она взяла стаканчик кофе и пошла рядом, продолжая рассказывать, как они с мамой добирались из Петербурга, почему задержались в Москве и как чуть не оставили в машине пакет с её школьными тетрадями.

— Ты взяла с собой тетради? — спросил я.

— У меня вообще-то одиннадцатый класс.

— И что?

— И то, что у меня есть дела, даже когда я приезжаю к вам.

— Каникулы же.

— У меня подготовка. Не все могут жить так беззаботно, как ты.

— Я тоже готовлюсь.

Эстер повернула ко мне голову и выразительно посмотрела.

— К чему? К тому, чтобы однажды открыть учебник?

— Очень смешно.

— Я старалась.

В лифте она прислонилась спиной к стенке и устало выдохнула. Я посмотрел на неё внимательнее. Под глазами у неё залегли тени, волосы выбились из хвоста, а на рукаве куртки виднелось небольшое пятно от кофе.

— Ты вообще спала?

— В машине немного.

— Это не считается.

— Тогда нет.

— Эстер.

— Вилен, не начинай. Мы выехали рано, потом стояли, потом я пыталась дочитать конспект, потом мама решила, что нам обязательно нужно заехать в одно место. Я жива, цела и даже привезла тебе подарок. Что ещё требуется?

— Чтобы ты не засыпала стоя.

— Это уже слишком высокие требования.

Двери лифта открылись. Я вышел первым и придержал дверь квартиры, пока Эстер снимала обувь. Она не стала спрашивать, куда поставить сумку, — просто прошла в комнату и оставила её возле шкафа, как делала всегда. Мама вышла из кухни почти сразу, вытирая руки полотенцем.

— Эстер! Ну наконец-то, иди сюда.

Они обнялись. Мама поцеловала её в щёку, поправила выбившуюся прядь волос и тут же принялась спрашивать про Ольгу, дорогу и то, не голодна ли она. Эстер отвечала с улыбкой, но, когда мама предложила сначала поесть, а потом уже разбирать вещи, посмотрела на меня так, будто просила подтвердить, что здесь всё по-прежнему.

— У нас ничего не изменилось, — сказал я. — Тебя всё ещё кормят насильно.

— Как хорошо. Я боялась, что за полгода вы стали цивилизованнее.

Мама только покачала головой и повела её на кухню.

Ольга была маминой лучшей подругой ещё задолго до моего рождения. Они познакомились в университете, потом вместе работали, вместе переживали первые семейные трудности и так и не потеряли привычку звонить друг другу по любому поводу. Когда родилась Эстер, мама шутила, что у меня появилась напарница на всю жизнь. Мы росли рядом, хотя жили в разных городах: проводили вместе летние недели, встречались на семейных праздниках, ездили друг к другу, а позже научились договариваться о встречах сами. В детстве расстояние казалось простой неприятностью, которую можно переждать до следующего приезда. Теперь оно иногда раздражало меня сильнее, чем я хотел признавать.

Мы с Эстер давно нашли способ встречаться в Москве. Ей было проще добраться туда из Петербурга, чем ехать дальше до Нижнего, а мне поездка из Нижнего занимала не так много времени, если заранее выбрать удобный день. Иногда мы виделись всего несколько часов между её делами и моим поездом обратно. Иногда оставались на выходные, гуляли по центру, спорили, куда пойти, и возвращались домой с ощущением, что времени всё равно не хватило. Я никогда не считал эти поездки чем-то необычным. Просто если у меня появлялась возможность увидеть Эстер, я старался её использовать.

На кухне мама поставила перед ней тарелку с горячими бутербродами. Эстер сначала попыталась отказаться, но мама посмотрела на неё тем самым взглядом, который я знал с детства, и спор закончился.

— Как школа? — спросила мама.

— Нормально. Только все уже начали говорить про экзамены так, будто мы завтра сдаём их на площади перед всем городом.

— Одиннадцатый класс, — заметила мама. — Время быстро летит.

— Не напоминайте, пожалуйста. У меня от одного слова «ЕГЭ» портится настроение.

— Ты хорошо учишься, справишься, — сказала мама.

— Я знаю, но это не мешает мне нервничать.

— А в Петербурге как? — спросил я. — Ты всё ещё ходишь на тот курс?

Эстер кивнула и стала рассказывать про подготовку, учителей и одноклассников. Она говорила, что в классе уже все разделились на тех, кто определился с университетом, и тех, кто делает вид, что ещё есть время. Сама она пока не решила окончательно, куда хочет поступать. Её тянуло в сторону гуманитарных специальностей, но она боялась выбрать что-то только потому, что это кажется интересным сейчас.

— Ты можешь поступить в Москву, — сказал я.

— Могу. Но это не значит, что обязательно буду.

— А в Нижний?

— Вилен, я не собираюсь выбирать город только потому, что ты здесь живёшь.

— Я ничего такого не говорил.

— Ты именно это и предложил.

— Я просто спросил.

— Я знаю.

Она улыбнулась, и я тоже. Мне нравилось, что с ней можно было спорить, не боясь, что обычное несогласие испортит весь разговор. Эстер не старалась соглашаться со мной ради спокойствия и не делала вид, что я всегда прав. Если я говорил глупость, она так и называла её глупостью. Иногда это раздражало, но гораздо чаще мне было спокойно от того, что рядом с ней не нужно изображать человека, который во всём уверен.

Когда мама ушла ответить на звонок, Эстер повернулась ко мне и понизила голос:

— Ну, рассказывай. Что у тебя?

— Ничего.

— Ясно. Значит, много всего.

— Почему ты всегда так делаешь?

— Как?

— Говоришь, будто уже всё знаешь.

— Потому что обычно ты начинаешь с «ничего», а через десять минут выясняется, что у тебя там целая жизнь случилась.

Я взял со стола кусок бутерброда и откусил, чтобы выиграть время. Эстер не торопила меня, только наблюдала с лёгкой улыбкой. Я мог рассказать ей почти всё, но иногда именно поэтому было сложно начать. С посторонним человеком проще: сказал, что всё нормально, и разговор закончился. С Эстер такой ответ не работал, потому что она помнила, каким я был в прошлый раз, что меня беспокоило и о чём я обещал подумать.

— Есть кое-что, — признался я.

— Уже лучше.

— Только не делай из этого событие.

— Не обещаю.

— В нашей компании есть Диана.

— Это имя я уже слышала.

— Откуда?

— Ты сам рассказывал. Кажется, ещё в Москве, когда мы сидели в том кафе возле вокзала. Ты тогда сказал, что она смешно злится, когда кто-то опаздывает.

Я удивился, что она запомнила такую мелочь. Сам я уже не помнил, когда именно рассказывал ей о Диане, но теперь перед глазами возник тот день: маленький столик у окна, два стакана кофе, Эстер, которая листала меню, и я, который зачем-то пытался объяснить ей, почему одна девочка из нашей компании меня раздражает и одновременно нравится.

— Она мне нравится, — сказал я.

Эстер не изменилась в лице, но на секунду перестала крутить ложку в чашке.

— Насколько?

— Не знаю.

— Это честный ответ или ты просто не хочешь говорить?

— Честный.

Она кивнула и посмотрела в окно. Я вдруг почувствовал себя так, будто сказал что-то важное и теперь ждал оценки, хотя никакой оценки не просил.

— Вы встречаетесь? — спросила она.

— Нет.

— Она знает?

— Не знаю.

— Вилен.

— Да не знаю я! Иногда мне кажется, что знает, иногда — что ей вообще всё равно.

— А ты сам что-нибудь делаешь, чтобы она поняла?

Я пожал плечами.

— Мы общаемся.

— Это не ответ.

— Я не хочу выглядеть идиотом.

— Поздравляю, ты уже выглядишь, — сказала Эстер, и я рассмеялся, хотя собирался обидеться.

Она протянула руку и легко толкнула меня пальцами в плечо.

— Слушай, я не собираюсь давать тебе советы, как завоевать девушку. Я просто хочу, чтобы ты не строил у себя в голове целую историю, не поговорив с ней.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что ты всегда так делаешь.

— А если я не знаю, что чувствую?

Эстер посмотрела на меня внимательнее. Я сам удивился, что произнёс это вслух. Вопрос был не только о Диане, но объяснять я не стал.

— Тогда не торопись с выводами, — ответила она. — Но и не делай вид, что ничего не происходит. Иногда это только всё запутывает.

Я кивнул, хотя её ответ не сделал ситуацию проще. Наоборот, я вспомнил, как в прошлый раз в Москве она уснула у меня на плече в электричке, как я потом боялся пошевелиться, чтобы не разбудить её, и как на вокзале мы прощались дольше, чем требовалось. Такие вещи я никогда не рассказывал ей как что-то особенное. Для нас они были обычными. Но почему-то сейчас, говоря о Диане, я вдруг начал вспоминать их одну за другой.

Я не хотел сравнивать их. Эстер была частью моей жизни так давно, что я почти не замечал, насколько сильно к ней привязан. Диана появилась позже, и рядом с ней я чувствовал себя иначе: мне хотелось понравиться, хотелось, чтобы она замечала меня, чтобы выбирала меня среди остальных. С Эстер я не думал о том, как выгляжу. С Дианой думал слишком часто. И я пока не понимал, что из этого важнее.

— Ты чего притих? — спросила Эстер.

— Думаю.

— Опасное занятие.

— Очень.

Она улыбнулась и снова вернулась к бутерброду.

После обеда мы поднялись ко мне в комнату. Эстер села на край кровати, огляделась и заметила, что я наконец убрал с письменного стола старые тетради. Она прошлась взглядом по полкам, остановилась на фотографии, где мы стояли вдвоём на фоне московского вокзала, и взяла её в руки.

— Ты её так и не убрал?

— А зачем?

— Не знаю. Думала, ты уже поменял фотографии.

— Я не меняю фотографии каждую неделю.

— Зато ты поменял заставку на телефоне.

— Это другое.

— Конечно.

Она поставила рамку обратно и открыла сумку, чтобы достать подарок. Внутри оказалась небольшая коробка с брелоком и пакет из книжного магазина.

— Это тебе, — сказала она, протягивая коробку. — А это я купила, потому что вспомнила, что ты хотел прочитать.

Я открыл пакет. Внутри лежала книга, которую я действительно упоминал ей несколько месяцев назад, но уже успел забыть, что собирался купить.

— Ты запомнила?

— Я не совсем беспамятная.

— Я думал, ты забудешь.

— Я тоже так думала, но, видимо, у меня хорошая память на чужие желания и плохая на собственные вещи.

Я достал брелок и повертел его в руках. Он был простой, металлический, с маленькой надписью, которую мы оба знали. Это была отсылка к нашей старой шутке, появившейся ещё в детстве и пережившей несколько лет, разные города и десятки переписок. Я улыбнулся, и Эстер сразу заметила.

— Узнал?

— Конечно.

— Тогда не потеряй. Я не собираюсь искать тебе второй.

— Ты сама всё время теряешь вещи.

— Поэтому и говорю.

Я прикрепил брелок к ключам. Эстер смотрела на меня, улыбаясь, и мне захотелось снова её обнять. Я не стал объяснять себе почему, просто потянулся и обнял её за плечи. Она на секунду удивилась, потом прижалась ко мне и положила подбородок на моё плечо.

— Я тоже скучала, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты вечно думаешь, что скучаешь сильнее всех.

— Потому что так и есть.

— Самоуверенный.

— Реалист.

Она отстранилась и посмотрела на меня с улыбкой, но в её глазах мелькнуло что-то серьёзное. Я не успел понять, что именно, потому что в этот момент завибрировал телефон.

На экране высветилось сообщение от Макса.

«Ты сегодня живой? Я могу зайти?»

Я ответил, что могу, и убрал телефон.

— Макс? — спросила Эстер.

— Да. Хочет зайти.

— Передавай привет. Он всё ещё носит ту ужасную куртку?

— Он скажет, что она стильная.

— Тогда передавай, что он ошибается.

Я засмеялся. Макс знал Эстер давно: они пересекались на семейных встречах, пару раз гуляли вместе в Москве, а ещё он был одним из немногих людей, которым я рассказывал о наших поездках без необходимости объяснять, почему готов ехать через полстраны ради нескольких часов. Для него это давно стало привычной частью моей жизни.

— Ты останешься, когда он придёт? — спросил я.

— Конечно. Я хочу посмотреть, насколько он стал невыносимым.

— Он всегда был невыносимым.

— Значит, проверим, есть ли прогресс.

Макс пришёл примерно через двадцать минут. Я услышал звонок, вышел в прихожую и открыл дверь. Он стоял на площадке с двумя стаканами кофе и пакетом из магазина.

— Я принёс тебе еду, потому что ты наверняка опять ничего не ел, — сказал он вместо приветствия.

— Я обедал.

— Что именно?

— Бутерброды.

— Это не обед.

— Не начинай.

Макс прошёл в квартиру, снял обувь и только тогда заметил Эстер, которая появилась в коридоре.

— О, — сказал он. — Вот теперь понятно, почему ты сегодня такой довольный.

— Привет, Макс, — улыбнулась Эстер.

— Привет. Ты всё-таки добралась.

— Как видишь. А ты всё ещё пьёшь кофе, который на вкус как растворённая обида?

Макс посмотрел на стакан в своей руке.

— Это хороший кофе.

— Ты говорил то же самое в Москве, а потом выпил мой.

— Потому что твой был лучше.

— Вот и признал.

Они обнялись коротко и по-дружески. Макс поставил пакет на тумбу и спросил, как прошла дорога, надолго ли Эстер приехала и собирается ли она снова заставлять Вилена таскаться по Москве. Эстер ответила, что пока не знает, но если он продолжит так выражаться, то обязательно заставит.

Я смотрел на них и чувствовал странное облегчение. Мне нравилось, что Максу не нужно было объяснять, кто такая Эстер и почему она здесь. Он знал её, помнил наши встречи и не воспринимал её появление как что-то неожиданное или требующее расшифровки. В его присутствии мне не приходилось разделять свою жизнь на отдельные части.

Мы втроём прошли в комнату. Макс сел на стул, Эстер устроилась на кровати, а я забрал один из стаканов кофе. Они сразу начали спорить о какой-то старой истории, в которой Макс утверждал, что Эстер однажды обманом заставила его идти пешком через половину Москвы. Эстер настаивала, что он сам предложил прогуляться, а Макс говорил, что его ввели в заблуждение обещанием «пять минут и будем на месте».

— Там действительно было пять минут, — сказала Эстер. — Просто ты шёл так медленно, что мы не успели.

— Я нёс твой рюкзак.

— Я тебя не просила.

— Ты сказала, что он тяжёлый.

— Это не просьба.

— Это была манипуляция.

— Ты драматизируешь.

Я слушал их и улыбался. Мне нравилось, что они помнили разные версии одной истории и могли спорить о ней так, словно всё произошло вчера. Макс иногда смотрел на меня, когда Эстер произносила какую-нибудь особенно точную реплику, и мы оба понимали, что она не изменилась. Или изменилась, но не в том, что было для нас важным.

— Кстати, — сказал Макс, когда спор закончился, — ты сегодня собираешься показывать ей своих друзей или будешь держать её дома, пока она не уедет?

— Мы ещё не решили.

— Я бы посмотрела на ваших друзей, — сказала Эстер. — Ты столько о них рассказывал, что мне уже интересно, существуют ли они на самом деле.

— К сожалению, существуют, — ответил Макс. — И некоторые из них даже считают себя приличными людьми.

— А ты?

— Я исключение.

— Самое скромное.

Макс повернулся ко мне:

— Напиши в беседу, что мы завтра можем встретиться. Пусть все познакомятся.

— Ты говоришь так, будто я должен официально представить делегацию.

— А разве нет? У нас важный гость из Петербурга.

Эстер бросила в него подушку. Макс поймал её и положил обратно.

— Я не гость, — сказала она. — Я здесь почти дома.

— Тогда тем более. Будешь отвечать за культурную программу.

— Я могу отвечать только за то, чтобы Вилен не потерялся.

— Это уже серьёзная задача, — заметил Макс.

Я показал им средний палец, и оба рассмеялись.

Когда Макс ушёл, мы с Эстер ещё некоторое время сидели в комнате. Она листала фотографии в телефоне, показывала мне снимки из Петербурга и рассказывала про одноклассницу, которая умудрилась поссориться с половиной класса из-за выпускного альбома. Я слушал, задавал вопросы, иногда перебивал, чтобы уточнить детали. Мне было хорошо от того, что вечер не нужно было никуда торопить.

Потом она вдруг спросила:

— А Диана завтра будет?

— Наверное. А что?

— Просто интересно познакомиться с человеком, который тебе нравится.

Я почувствовал, как у меня потеплели уши.

— Я не говорил, что она мне нравится.

Эстер медленно подняла глаза от телефона.

— Ты буквально сказал это сегодня за обедом.

— Я сказал, что есть одна девочка.

— И назвал её имя.

— Это не одно и то же.

— Вилен, я не собираюсь тебя допрашивать. Просто хочу увидеть, о ком ты столько рассказывал.

— Я не столько рассказывал.

— Ты рассказывал достаточно.

Она снова опустила взгляд к экрану, но теперь улыбалась уже не так открыто. Я не мог понять, показалось ли мне это или в её голосе действительно появилось что-то новое. Мне хотелось спросить, почему она так внимательно отнеслась к имени Дианы, но я не стал. Вдруг она просто любопытствует. Вдруг я сам придаю значение обычным словам, потому что после её приезда всё вокруг кажется мне немного важнее, чем было вчера.

— Увидишь завтра, — сказал я.

— Хорошо.

Эстер отложила телефон и потянулась за чашкой. Я заметил, что она устала сильнее, чем показывала, и предложил ей лечь пораньше. Она сначала возмутилась, что я разговариваю с ней как мама, но всё-таки согласилась.

Когда я остался один, телефон снова завибрировал. В общей беседе Лина спрашивала, кто завтра свободен, Алик предлагал встретиться в центре, а Диана написала, что сможет подойти после обеда. Я задержал взгляд на её сообщении чуть дольше, чем на остальных.

Потом из комнаты донёсся голос Эстер:

— Вилен, ты не видел мою зарядку?

— На тумбочке!

— Там твоя!

— Значит, рядом!

Она что-то пробормотала, и я улыбнулся. Я убрал телефон в карман и пошёл искать её зарядку.

В тот вечер я впервые за долгое время чувствовал себя так, будто всё снова встало на свои места. Эстер была здесь, Макс заходил как обычно, завтра мы собирались увидеться с ребятами. И всё же, когда я вспомнил, что Диана тоже придёт, спокойствие немного изменилось. Мне хотелось, чтобы они познакомились. Хотелось, чтобы Эстер понравилась Диане, а Диана — Эстер. Я не мог объяснить, почему для меня это было так важно.

Наверное, я просто хотел, чтобы две части моей жизни, которые до сих пор существовали отдельно, наконец оказались рядом. Я ещё не понимал, что иногда именно это и становится началом самых сложных историй.

Эстер нашла зарядку не сразу. Сначала она проверила тумбочку возле кровати, потом заглянула в боковой карман сумки, а после объявила, что я специально переставил её вещи, чтобы посмотреть, сколько времени ей понадобится на поиски. Я сказал, что у меня нет ни времени, ни желания устраивать подобные эксперименты, но всё равно помог ей перерыть сумку. Зарядка обнаружилась в кармане куртки, которую она повесила в прихожей.

— Ты могла просто спросить, — сказал я, протягивая ей провод.

— Я спросила. Ты ответил, что она на тумбочке.

— Я думал, что она там.

— Вот поэтому я и не доверяю твоим советам.

Она подключила телефон к розетке возле кровати и села на пол, прислонившись спиной к шкафу. Я устроился напротив, на ковре, и какое-то время мы молчали. За стеной мама разговаривала по телефону, в квартире было тепло, а после дороги Эстер наконец перестала торопиться и суетиться. Я смотрел, как она листает экран, отвечает на сообщения и время от времени хмурится, когда кто-то присылает ей очередное напоминание о школе.

— Тебя уже ищут? — спросил я.

— Классная руководительница прислала в чат список того, что нужно повторить к следующей неделе. Будто мы все приехали на каникулы исключительно для того, чтобы отдохнуть от учёбы, а она решила вернуть нас к реальности.

— Ты можешь не отвечать.

— Могу. Но потом будет двадцать сообщений от одноклассников с вопросом, что задали.

— Тогда напиши, что ты в Нижнем и у тебя нет интернета.

— Ты предлагаешь мне соврать?

— Я предлагаю тебе насладиться свободой.

— Сказал человек, который вчера спрашивал у меня, как решать задание по истории.

— Я проверял, помнишь ли ты.

— Конечно.

Она отложила телефон и посмотрела на меня. В её взгляде было что-то задумчивое, но она не спешила начинать разговор. Я знал эту паузу: Эстер иногда сначала собирала мысли, а потом говорила всё сразу, не оставляя мне возможности перебить или увести тему в сторону.

— Слушай, — произнесла она наконец, — ты ведь не думал, что я приехала только на пару дней?

Я пожал плечами.

— Ты сказала, что пока не знаешь, насколько задержишься.

— Я уже знаю.

Я выпрямился.

— И насколько?

— На всё лето, если твоя мама не передумает и если ты сам меня не выгонишь.

Несколько секунд я просто смотрел на неё. Сначала мне показалось, что она шутит, но выражение лица у неё было серьёзным, хотя в уголках губ уже пряталась улыбка.

— Подожди. На всё лето?

— Ну, не обязательно буквально до последнего дня августа. Но на несколько недель точно, а дальше посмотрим. Мама с твоей мамой всё обсудили. У меня здесь будет возможность спокойно подготовиться к экзаменам, а потом мы с тобой сможем нормально провести время, а не пытаться уместить целую встречу в четыре часа между поездами.

Я почувствовал, как внутри что-то резко и радостно сдвинулось с места. Несколько недель. Не один вечер, не один день в Москве, не короткая прогулка перед её отъездом. Она будет здесь, за соседней дверью, и я смогу увидеть её утром, вечером, после школы или просто зайти на кухню и обнаружить, что она спорит с мамой из-за того, сколько сахара нужно класть в чай.

— Ты серьёзно? — спросил я.

— Нет, я приехала с огромным чемоданом ради шутки.

— Эстер.

— Серьёзно. Я хотела сказать тебе раньше, но решила, что лучше лично.

— Почему ты не написала?

— Потому что тогда ты бы начал задавать тысячу вопросов, потом сообщил бы Максу, потом ещё кому-нибудь, а к моему приезду весь сюрприз превратился бы в план эвакуации.

— Я не такой.

— Ты именно такой.

Я улыбнулся, опустил голову и провёл ладонью по затылку. Мне хотелось спросить ещё что-нибудь, но я боялся, что от слишком большого количества вопросов она передумает. Эстер, кажется, поняла это и сама продолжила:

— Я соскучилась по тебе, Вилен. И не хочу опять уезжать через три дня, чтобы потом полгода обсуждать в переписке, как мы могли бы встретиться, если бы у нас совпали расписания.

— Я тоже соскучился.

— Знаю. Но я хочу, чтобы ты не просто радовался, что я приехала. Я хочу, чтобы мы поговорили о том, что будет дальше.

— В смысле?

Она поджала ноги и положила руки на колени.

— В смысле, о школе, о том, куда ты собираешься поступать, о том, что ты будешь делать после выпуска. Ты ведь уже думал об этом?

— Иногда.

— Это означает «нет».

— Это означает «иногда».

— Вилен, ты в следующем году уже будешь заканчивать школу. Нельзя бесконечно говорить, что потом разберёшься.

— А ты уже всё решила за меня?

— Нет. Я хочу, чтобы ты хотя бы начал выбирать.

Она говорила спокойно, но я почувствовал, что этот разговор для неё важен. Эстер никогда не была человеком, который приезжает в другой город на несколько недель только ради прогулок и старых историй. Она могла скучать по мне, хотеть проводить время вместе, но за её решением явно стояло что-то ещё.

— Ты хочешь, чтобы я переехал в Петербург? — спросил я.

Она чуть улыбнулась.

— Я хочу, чтобы ты хотя бы рассмотрел такую возможность.

— Почему именно Петербург?

— Потому что я там живу. Потому что там есть хорошие учебные заведения. Потому что мне кажется, тебе понравится этот город, если ты перестанешь сравнивать его с Нижним после двух прогулок под дождём. И потому что мне хочется, чтобы мы перестали жить так, будто встреча раз в несколько месяцев — это единственный вариант.

Я не сразу ответил. Слово «переехать» прозвучало слишком большим, почти чужим. До этого я думал о будущем отдельными кусками: закончить школу, сдать экзамены, куда-нибудь поступить, как-нибудь разобраться. Петербург в этих мыслях появлялся редко и скорее как город, куда можно однажды съездить. Я никогда не представлял, что могу жить там постоянно.

— Ты уже всё придумала, — сказал я.

— Я не придумала за тебя. Я просто хочу показать тебе, что вариант существует.

— А если мне не понравится?

— Тогда не переедешь. Я не собираюсь тащить тебя за руку в поезд.

— Хорошо.

— Но я всё равно буду агитировать.

— Вот это я уже понял.

Она засмеялась и бросила в меня маленькую подушку, лежавшую рядом. Я поймал её, но не стал возвращать. Мне нравилось, что она говорит о будущем так, будто в нём есть место для меня. Не обещает, что всё будет легко, не делает вид, что мы сможем решить все вопросы одним разговором, а просто предлагает представить жизнь, в которой расстояние между нами больше не нужно преодолевать каждый раз.

— А ты сама куда хочешь поступать? — спросил я.

— Пока выбираю. Есть несколько вариантов в Петербурге, есть мысли о Москве. Но я не хочу принимать решение только из-за того, что так удобнее. Мне нужно понять, чем я действительно хочу заниматься.

— И что ты хочешь?

— Пока не знаю окончательно. Но мне интересны визуальные коммуникации, дизайн, работа с одеждой, может быть, что-то на стыке искусства и практики. Я всё время рисую, собираю референсы, переделываю вещи. Не уверена, что это обязательно должно стать профессией, но хочу попробовать.

— Ты же постоянно что-то рисуешь на полях тетрадей.

— А ты постоянно что-то переделываешь и делаешь вид, что это случайность.

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Просто вспомнила.

Она поднялась с пола и прошлась по комнате, рассматривая полки и стол. Я следил за ней, пока она не остановилась возле шкафа.

— Ты, кстати, так и не показал мне, что у тебя нового, — сказала она.

— В смысле?

— В смысле, ты же обещал прислать фотографии своих последних экспериментов. Я получила два мутных снимка, на которых невозможно понять, что ты вообще сделал.

— Я забыл.

— Ты всегда забываешь самое интересное.

Эстер потянула дверцу шкафа, но та открылась не сразу: я обычно задвигал её до конца, и ручка цеплялась за коробку, стоявшую внутри. Она помогла мне отодвинуть коробку, после чего заметила на верхней полке сложенную стопку одежды, которую я не носил каждый день.

— Это что?

— Ничего.

— Ясно. Значит, самое интересное.

Она потянулась к полке, но я успел первым достать вещи. В руках у меня оказалась чёрная джинсовая куртка с вручную нанесённой графикой на спине и белая футболка, на которой я переделал ворот и добавил несколько деталей из ткани другого оттенка. Я не собирался показывать их кому-либо, кроме Макса, да и ему показывал скорее потому, что он однажды застал меня за работой.

— Ты сам это сделал? — спросила Эстер.

— Ну да.

Она взяла куртку осторожно, словно боялась испортить рисунок, и развернула её спиной к себе. На ткани была композиция из нескольких надписей, линий и небольшого изображения, которое я сначала нарисовал в блокноте, а потом перенёс на материал. Я долго подбирал расположение элементов, несколько раз стирал и наносил заново, а в одном месте даже пришлось закрывать неудачный участок дополнительной деталью.

— Вилен, это ты когда успел?

— Давно.

— Насколько давно?

— Не знаю. Недавно.

— Ты опять отвечаешь так, будто я у тебя деньги прошу.

Я забрал у неё футболку и положил на кровать.

— Это просто эксперименты. Я не умею нормально шить, поэтому некоторые вещи получаются криво.

— Покажи.

— Я уже показал.

— Не рассказывай мне, что криво. Я сама посмотрю.

Она внимательно изучила куртку, провела пальцами по краю рисунка, осмотрела швы и вывернула рукав, чтобы посмотреть, как обработана ткань. Потом взяла футболку и стала рассматривать изменённый ворот.

— Ты это всё сам придумал?

— Да. Сначала рисовал эскизы, потом решил попробовать на старой одежде. Куртку вообще собирался выбросить, но мне не понравилось, как она выглядела, и я решил переделать.

— А почему ты мне не показал?

— Не знаю. Не думал, что тебе будет интересно.

Эстер подняла на меня глаза.

— Ты серьёзно считаешь, что мне неинтересно то, чем ты занимаешься?

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

Я пожал плечами. Мне было неловко. Пока я работал над этими вещами, они казались мне чем-то личным, не предназначенным для чужих оценок. Я не был уверен, что имею право называть это дизайном. В школе никто не знал, что я могу часами сидеть над рисунками, подбирать сочетания тканей и искать способы изменить обычную вещь так, чтобы она выглядела иначе. Для остальных это было бы просто странным увлечением.

— Я не знаю, насколько хорошо получается, — сказал я. — Не хочу показывать всем подряд то, что ещё не доделано.

— А мне можно?

Я посмотрел на неё.

— Тебе можно.

Эстер снова повернулась к куртке. На этот раз она рассматривала её уже не как вещь, которую случайно нашла в шкафу, а как что-то, в чём пыталась разобраться. Она спросила, чем я наносил рисунок, где брал ткань для вставок, как выбирал расположение надписей и сколько

времени ушло на работу. Я отвечал, сначала немного смущаясь, а потом всё охотнее. Оказалось, что мне гораздо проще рассказывать об этом, когда собеседник действительно хочет понять, что я сделал, а не просто говорит, что вещь красивая.

— Ты понимаешь, что это уже не просто «переделал старую куртку»? — спросила она.

— А что это?

— Это идея. Ты придумал, как должна выглядеть вещь, выбрал материалы, сделал графику, изменил конструкцию. Ты пробуешь собрать собственный образ, а не просто повторяешь то, что увидел в магазине.

— Звучит слишком серьёзно.

— Потому что ты привык обесценивать то, что у тебя получается.

Я хотел возразить, но Эстер не дала мне вставить слово.

— Послушай, я не говорю, что завтра тебе нужно бросить всё и объявить себя дизайнером. Но почему ты вообще не занимаешься этим системно? У тебя есть рисунки, есть вещи, которые ты переделал, есть идеи. Ты можешь завести отдельную папку, фотографировать процесс, делать эскизы, пробовать разные материалы. Не обязательно сразу кому-то показывать. Просто начни собирать это в одно направление.

— И что дальше?

— Дальше поймёшь, нравится ли тебе этим заниматься не только тогда, когда пришла случайная идея. Можно посмотреть курсы, узнать про колледжи и университеты, поговорить с людьми, которые учатся на дизайне одежды. В Петербурге, кстати, есть варианты. Я могу помочь тебе найти информацию.

Она говорила быстро, увлечённо, и я видел, что эта мысль захватила её не меньше, чем меня. Эстер уже мысленно перебирала возможности, хотя ещё минуту назад мы обсуждали только то, как я переделал старую куртку.

— Ты сейчас просто пытаешься придумать мне профессию, — сказал я.

— Нет. Я пытаюсь показать тебе, что у тебя уже есть интерес, который ты почему-то прячешь в шкафу.

— Очень символично.

— Я не специально.

Она снова посмотрела на куртку и улыбнулась.

— Мне нравится. Особенно спина. Здесь композиция не совсем ровная, но это как раз работает. И вот этот фрагмент на рукаве я бы оставила. Только тебе нужно лучше продумать обработку края, чтобы вещь не выглядела недоделанной.

— Вот. Я же говорил, что криво.

— Я сказала, что есть над чем работать. Это не одно и то же.

Она положила куртку на кровать и взяла телефон.

— Давай сфотографируем.

— Зачем?

— Чтобы у тебя остались нормальные фотографии. Не те два мутных кадра, которые ты мне присылал.

— Эстер, не надо.

— Я не собираюсь выкладывать их без спроса. Просто сделаем архив.

Она попросила меня повесить куртку на дверь шкафа, отошла к окну, чтобы поймать более ровный свет, и сделала несколько снимков. Потом попросила показать футболку на себе, чтобы было понятно, как сидит изменённый ворот. Я сначала отказался, но она посмотрела на меня с таким выражением, что спорить оказалось бессмысленно.

— Ты будешь ужасным заказчиком, — сказал я, натягивая футболку поверх домашней.

— А ты будешь ужасным дизайнером, если не научишься показывать собственную работу.

— Я ещё не дизайнер.

— Пока нет.

Эти два слова почему-то зацепили меня сильнее, чем вся её предыдущая речь. «Пока нет» звучало не как комплимент и не как попытка подбодрить. Скорее как возможность, которую она считала вполне реальной. Я посмотрел на фотографии в её телефоне и впервые подумал, что, возможно, мне действительно стоит попробовать.

— Ты правда считаешь, что у меня может получиться? — спросил я.

Эстер перестала листать снимки.

— Да. Но не потому, что я хочу тебя похвалить. Я видела, сколько времени ты можешь потратить на одну деталь, как ты замечаешь сочетания и как злишься, если вещь получается не такой, как ты задумал. У тебя есть вкус и желание разбираться. Остальное нарабатывается.

Я отвёл взгляд. Мне было непривычно слышать о себе что-то подобное. В школе меня знали по другим вещам, дома от меня ждали оценок и обычных планов на будущее, а здесь Эстер говорила так, будто заметила во мне что-то, что я сам старался не называть вслух.

— Ты можешь мне потом показать остальные вещи? — спросила она.

— Там ещё две футболки. Но они хуже.

— Отлично. Начнём с них.

— Ты невыносима.

— Зато у тебя теперь есть человек, который будет заставлять тебя не бросать всё после первой неудачи.

Я рассмеялся и убрал куртку обратно на кровать. Эстер села рядом, открыла заметки и начала записывать идеи: сфотографировать все вещи, собрать эскизы в одну папку, попробовать сделать несколько вариантов графики для одной модели, поискать информацию о программах по дизайну одежды. Я заглянул через её плечо.

— Ты уже составила мне план?

— Конечно. Кто-то же должен.

— А если я не захочу?

— Тогда вычеркнем. Но сначала попробуй.

Она подняла голову и посмотрела на меня. В её лице было столько уверенности, что я вдруг почувствовал нечто похожее на благодарность, хотя не знал, за что именно благодарить. За то, что она приехала? За то, что помнила мои слова? За то, что не считала мои попытки ерундой? Наверное, за всё сразу.

Вечером мы вышли на кухню, где мама уже накрывала на стол. Эстер рассказала ей, что нашла в моём шкафу, и мама удивлённо посмотрела на меня.

— Ты опять одежду переделывал?

— Мам, это не «опять».

— Я не против. Просто не знала, что ты так серьёзно этим занимаешься.

Эстер тут же вступилась за меня и стала объяснять, что это не просто баловство, а вполне конкретный интерес, который стоит развивать. Мама слушала, задавала вопросы, а я сидел рядом и чувствовал себя немного неловко от того, что две самые важные женщины в моей жизни обсуждают мои планы так, будто я уже принял решение.

— Не надо за меня всё решать, — сказал я наконец.

— Никто за тебя не решает, — ответила Эстер. — Мы просто разговариваем.

— Вы уже выбрали мне Петербург и профессию.

— Профессию ты сам себе выбрал, — сказала она. — Я только нашла её в шкафу.

Мама рассмеялась. Я тоже улыбнулся, хотя внутри продолжал обдумывать её слова.

Позже, когда мы вернулись в комнату, телефон снова напомнил о себе. В общей беседе Диана прислала фотографию какого-то смешного объявления, Алик ответил шуткой, Лина предложила встретиться на следующий день. Я прочитал сообщения, но не почувствовал при-

вычного желания немедленно ответить Диане отдельно. Раньше я мог несколько раз открыть её страницу, посмотреть, когда она была онлайн, подумать, что написать, а потом стереть сообщение. Сейчас её имя всё ещё вызывало у меня интерес, но этот интерес вдруг показался небольшим и не слишком важным.

Я поймал себя на том, что думаю не о том, заметила ли Диана моё сообщение, а о том, как завтра показать Эстер остальные вещи и где достать ткань для следующей идеи. Мне хотелось обсудить с ней варианты, услышать, что она думает, поспорить, доказать, что одна из деталей должна остаться именно такой. Мне хотелось, чтобы она увидела, что я могу сделать что-то по-настоящему хорошее.

И это чувство оказалось куда сильнее моего волнения из-за Дианы. Не потому, что Диана внезапно стала мне безразлична, и не потому, что я вдруг решил, будто всё понял. Просто рядом с Эстер я ощущал себя не человеком, который ждёт чужого внимания, а человеком, у которого есть собственная жизнь, собственные желания и кто-то, кто видит в нём больше, чем он сам пока способен разглядеть.

Перед сном Эстер остановилась в дверях моей комнаты.

— Завтра покажешь мне остальные вещи?

— Если перестанешь командовать.

— Не обещаю.

— Тогда покажу.

Она улыбнулась и уже собиралась уйти, но задержалась.

— И насчёт Петербурга я серьёзно. Не обязательно решать сейчас. Просто съезди со мной, посмотри город не как турист, а как место, где можно жить. Познакомлю тебя с людьми, покажу мастерские, учебные места. А дальше сам решишь.

— Хорошо.

— Правда?

— Правда, Эстер.

Она кивнула, словно этого ответа пока было достаточно.

— Спокойной ночи, Вилен.

— Спокойной.

Дверь закрылась, и я ещё некоторое время сидел на кровати, глядя на куртку, которую она так внимательно рассматривала. На экране телефона светилось новое уведомление от Дианы, но я не стал открывать его сразу. Вместо этого достал блокнот, нашёл чистую страницу и начал записывать идеи, которые мы с Эстер обсуждали.

Впервые за долгое время будущее перестало казаться чем-то, что однажды просто случится со мной. Оно стало похоже на вещь, которую можно придумать самому, испортить, переделать и попробовать ещё раз.

А Эстер была рядом — и, кажется, именно этого мне не хватало гораздо сильнее, чем я раньше готов был признать.

Утром я проснулся не от будильника, а от звука посуды на кухне. Сначала решил, что мне это снится: по выходным в нашей квартире обычно царила такая тишина, будто все договорились не шевелиться до полудня. Но потом послышался мамин голос, следом — тихий смех Эстер, и я окончательно открыл глаза.

На телефоне было без двадцати десять. Вчера мы с Эстер засиделись почти до двух: она раскладывала на полу фотографии моих вещей, которые успела сделать, я спорил с ней насчёт того, стоит ли сохранять старую куртку в её нынешнем виде, а потом мы зачем-то начали вспоминать Москву — станцию, где однажды чуть не уехали в разные стороны, маленькую кофейню возле метро и продавца, который решил, что мы брат и сестра. Эстер ещё полчаса изображала оскорблённую родственницу, а я пытался объяснить, что продавец просто не выспался. Я уснул с ощущением, что лето внезапно стало длиннее.

На кухне мама уже успела переодеться и собрать волосы в небрежный пучок. Эстер стояла у раковины в моей старой футболке, которую забрала ещё вчера, и вытирала тарелки. Рядом на столе лежали нарезанные помидоры, сыр, хлеб и открытая пачка масла.

— Доброе утро, соня, — сказала мама, заметив меня в дверях. — Мы уже решили, что ты сегодня будешь завтракать ближе к обеду.

— Я вообще-то проснулся сам.

— Конечно. Под звуки посуды, — отозвалась Эстер, не оборачиваясь. — Очень самостоятельный человек.

Я подошёл к холодильнику, достал бутылку воды и сделал несколько глотков прямо из горлышка.

— Не начинай.

— Я ещё даже не начинала. Вот когда начну, ты поймёшь разницу.

Мама посмотрела на нас поверх чашки, и в её улыбке было что-то довольное. Она всегда так смотрела, когда мы с Эстер начинали привычную перепалку: не вмешивалась, не пыталась нас успокоить, просто наблюдала, словно проверяла, не изменилось ли за прошедшие месяцы что-нибудь важное. Наверное, ей нравилось, что рядом со мной снова был человек, с которым мне не приходилось подбирать слова.

— Раз уж ты встал, помоги мне, пожалуйста. Надо разобрать покупки, потом пропылесосить в гостиной и на балконе протереть стол. А ещё отец обещал сегодня заняться краном в ванной, если наконец найдёт время.

— Он дома?

— Сегодня у него редкий выходной. Уехал утром за продуктами и обещал вернуться к одиннадцати. Так что у нас почти праздник: вся семья в сборе.

— Кроме меня, который ещё не завтракал.

— Это поправимо, — сказала Эстер и поставила передо мной тарелку. — Садись. Я уже сделала тебе бутерброд.

Я посмотрел на тарелку, потом на неё.

— Ты сделала мне бутерброд?

— Не привыкай. Это разовая акция в честь моего приезда.

— Она ещё и помидоры нарезала, — добавила мама. — И сама предложила помочь.

— Я просто не умею сидеть и смотреть, как человек один всё делает, — объяснила Эстер. — Особенно если этот человек потом будет говорить, что у него болит спина.

— У мамы не болит спина.

— Пока не болит. Я предусмотрительная.

Мы позавтракали, после чего мама раздала нам дела. Эстер досталась разборка продуктов и протирание кухонных фасадов, мне — пылесос и балконный стол. Я попытался возразить, что балкон вообще-то не нуждается в отдельном обслуживании, но мама напомнила, что вчера я оставил там кружку, а позавчера — упаковку от шоколадки. После такого аргумента спорить было нечего.

— Ты всегда так распределяешь обязанности? — спросила Эстер, когда мама ушла в комнату за тряпками.

— Только когда хочет показать, кто в доме главный.

— И кто?

— Пылесос.

Эстер рассмеялась и бросила в меня кухонным полотенцем. Я поймал его, повесил обратно и принялся за работу. Мы двигались по квартире так, будто репетировали это много лет: она вытирала поверхности, я освобождал ей место, мама то появлялась с очередной просьбой, то исчезала в комнате. Никто не командовал лишний раз, никто не объяснял очевидного. Когда Эстер не могла дотянуться до верхней полки, она просто смотрела на меня, и я молча

вставал рядом. Когда я проходил с пылесосом слишком близко к её ногам, она отодвигалась, не прерывая рассказа о том, как в Петербурге у них на лестничной площадке опять меняли лампочку и третий раз подряд поставили слишком холодную.

— Ты говоришь так, будто это личное оскорбление, — заметил я.

— Это и есть личное оскорбление. У нас весь подъезд теперь выглядит как кабинет стоматолога.

— Может, им так нравится.

— Вилен, не защищай плохое освещение. У тебя и так иногда странные решения в одежде.

— Например?

Она посмотрела на меня с таким видом, будто выбирала из длинного списка.

— Например, та футболка с надписью, которую ты считаешь ироничной.

— Она ироничная.

— Она выглядит так, будто ты проиграл спор с принтером.

Я хотел ответить, но в этот момент в замке повернулся ключ. Мама выглянула из комнаты.

— Кажется, приехал.

Отец вошёл с двумя тяжёлыми пакетами, поставил их у двери и снял куртку. Он выглядел непривычно расслабленным: без рабочего рюкзака, без телефона у уха, без того выражения сосредоточенности, которое обычно появлялось у него после смены. В выходные он редко позволял себе просто быть дома. Даже если никуда не уходил, находил дело — что-нибудь починить, переставить, отвезти, купить. Сегодня, кажется, он действительно собирался провести день с нами.

— Доброе утро, — сказал он, проходя на кухню. — А у нас уже гости?

— Не гости, — ответила мама. — Эстер.

Отец остановился и улыбнулся так, как улыбаются человеку, которого знают слишком давно, чтобы каждый раз начинать знакомство заново.

— Ну здравствуй, Петербург.

— Здравствуйте, — Эстер вытерла руки и подошла к нему. — Вы совсем не изменились.

— Это потому, что ты редко меня видишь. Если бы чаще, заметила бы, как я старею.

— Не заметила бы. Вы просто стали бы чаще жаловаться на спину.

Отец рассмеялся и обнял её. Не формально, не как взрослый, который приветствует дочь знакомых, а по-настоящему тепло — с коротким похлопыванием по плечу и привычным вопросом, как дела у Ольги. Эстер ответила, что мама передавала привет и что они созванивались накануне. Отец тут же спросил, как у неё школа, не замучили ли экзаменами и определилась ли она наконец, куда хочет поступать.

— Все задают мне один и тот же вопрос, — вздохнула Эстер. — Я начинаю подозревать, что взрослые договорились.

— Мы просто хотим знать, куда ты собираешься деваться от нас дальше, — сказал отец. — Хотя, судя по всему, ты решила пока обосноваться здесь.

— Если меня не выгонят.

— Это уже не ко мне, — отец посмотрел на маму. — Я тут вообще человек подневольный.

— Очень удобно, — сказала мама. — Когда нужно чинить кран, ты сразу глава семьи, а когда надо решать, кто остаётся в доме, ты подневольный.

— Я занимаю нейтральную позицию.

— Ты занимаешь позицию человека, который не хочет мыть посуду, — сказал я.

Отец повернулся ко мне:

— А ты, я смотрю, с утра уже очень разговорчивый. Значит, выспался.

Он потрепал меня по затылку, проходя мимо, и заглянул в гостиную, чтобы оставить там пакет. Я пошёл следом, помог донести второй. Отец не стал спрашивать, как я отношусь к приезду Эстер: он и так видел. Наверное, по тому, как я с утра несколько раз выходил из комнаты, чтобы проверить, не нужна ли ей помощь, или по тому, как легко мы перебрасывались репликами.

— Давно вы не виделись, — сказал он, разбирая покупки.

— В Москве виделись.

— Я знаю. Но это всё равно не то же самое, что когда человек приезжает к вам на несколько недель.

— Она сама решила.

— Конечно, сама, — отец посмотрел на меня поверх пакета с яблоками. — А ты, я так понимаю, совершенно случайно счастлив.

— Пап.

— Что «пап»? Я ничего не сказал.

Он улыбался, и я понял, что сейчас он не собирается меня дразнить. Отец умел замечать то, что я сам ещё не успевал сформулировать, но не всегда торопился называть это вслух. С Эстер он обращался почти как с младшей родственницей, хотя никакого родства между нами не было. Она знала его привычки, могла спорить с ним о музыке и спокойно просить помочь ей с чем-нибудь, не испытывая неловкости. А он помнил, как она в детстве боялась грозы, как однажды отказалась есть суп из-за слишком крупной моркови и как на семейном празднике заявила, что вырастет архитектором, потому что «кто-то же должен нормально строить дома».

— Кстати, — отец достал из пакета упаковку кофе, — ты ведь хотела посмотреть мой старый фотоаппарат? Он у меня в кладовке лежит. Если интересно, сегодня достанем, проверим, работает ли.

Эстер оживилась.

— Правда? Я думала, вы его уже отдали кому-нибудь.

— Нет. Я вообще ничего не отдаю, если не уверен, что оно ещё пригодится. Спроси у мамы, она подтвердит.

— Подтверждаю, — отозвалась мама с кухни. — Особенно если речь о коробках с проводами.

— Это не коробки с проводами, это запасные кабели.

— Которые лежат там с две тысячи десятого года.

— И однажды понадобятся.

Эстер посмотрела на меня и одними губами произнесла: «Конечно». Я едва не рассмеялся.

Когда покупки были разобраны, отец действительно занялся краном. Я вызвался помочь, хотя он сначала сказал, что справится сам. В итоге мы с ним сидели на полу в ванной: отец держал фонарик, я подавал инструменты, а Эстер время от времени заглядывала в дверной проём и комментировала происходящее с видом независимого эксперта.

— Не мешай специалистам, — сказал я, когда она в третий раз спросила, долго ли ещё.

— Я не мешаю. Я контролирую качество.

— Ты даже не знаешь, что мы делаем.

— Зато я знаю, что если вы сейчас уроните эту гайку, мама будет очень недовольна.

Отец, не поднимая головы, произнёс:

— В этом доме только Эстер понимает, как устроена система управления.

— Я всегда это подозревал, — сказал я.

— Вот и хорошо, что вы оба наконец признали очевидное, — ответила она и ушла на кухню.

Отец покачал головой, но улыбался.

— Она повзрослела, — сказал он негромко.

— Да вроде.

— Не «вроде». Видно. Но характер тот же.

— Это плохо?

— Нет. Просто раньше она спорила с нами из-за конфет, а теперь — из-за будущего. Масштаб вопросов изменился.

Я затянул соединение и вытер руки о полотенце.

— Она хочет, чтобы я в Петербург переехал.

Отец не удивился.

— После школы?

— Да. Говорит, там можно посмотреть варианты учёбы, дизайна. У неё самой какие-то планы.

— А ты что думаешь?

Я пожал плечами. Вчерашний разговор с Эстер всё ещё не укладывался у меня в голове. Петербург раньше существовал отдельно от моей жизни — город, куда я ездил на несколько дней, где были её улицы, её школа, её друзья и её привычки. Я никогда не представлял, что однажды смогу просыпаться там каждое утро.

— Не знаю. Я пока вообще не думал, куда поступать.

— Тогда самое время начать думать. Не обязательно сразу решать. Посмотреть, сравнить, понять, чего ты хочешь. Только не переезжай куда-то потому, что тебя туда зовут.

— Она не заставляет.

— Я и не говорю, что заставляет. Эстер тебя любит, это видно. Но даже если человек очень близкий, решение всё равно должно быть твоим.

Отец сказал это спокойно, без назидания. Я кивнул. Он продолжил возиться с краном, а я подумал, что, наверное, именно поэтому мне хотелось поговорить с ним об этом. Он не высмеивал мои идеи, но и не превращал их в красивую историю раньше времени.

— И насчёт одежды, — добавил он, словно вспомнив что-то. — Мама сказала, Эстер нашла твои переделки.

Я почувствовал, как у меня нагрелись уши.

— Она не просто нашла. Она устроила целую выставку.

— И правильно. Я видел ту куртку. Ты сам её делал?

— Ну да. Там ничего особенного.

— Для человека, который говорит «ничего особенного», ты довольно долго сидел с ней по вечерам.

— Ты заметил?

— Я живу в этой квартире, Вилен.

Я усмехнулся. Отец затянул последний винт, проверил кран и выпрямился.

— Я не знаю, получится ли из этого профессия. Но если тебе нравится, не бросай только потому, что пока не понимаешь, куда это приведёт. Учись делать лучше. И не стесняйся показывать то, что сделал.

— Эстер примерно то же самое сказала.

— Значит, вы сегодня сговорились.

— Она вообще приехала с планом на мою жизнь.

— У неё, похоже, план на всех нас. Надо будет узнать, что она придумала для меня.

Когда мы закончили, мама позвала нас обедать. За столом отец рассказывал, как утром встретил соседа у магазина и тот полчаса объяснял ему, почему во дворе неправильно припаркованы машины. Эстер слушала с интересом, задавала вопросы и неожиданно вспомнила похожую историю из Петербурга. Мама смеялась, отец спорил с ней о том, кто из соседей хуже, а я смотрел на них и ловил себя на мысли, что мне нравится именно эта картина: Эстер за нашим

столом, отец, который пододвигает ей хлеб, мама, которая спрашивает, не положить ли ещё салата, и разговор, в котором никто не чувствует себя приглашённым на чужую территорию.

После обеда отец достал старый фотоаппарат. Он оказался тяжелее, чем я помнил, с потёртым ремешком и царапиной возле кнопки спуска. Эстер осторожно взяла его в руки, проверила объектив и спросила, можно ли попробовать сделать несколько кадров.

— Только плёнку сначала найдём, — сказал отец. — И батарейку. Я не обещаю, что он сразу заработает.

— Ничего. Мне нравится сама вещь.

— Вот это правильный подход, — сказал отец. — Не всё должно работать с первого раза.

Я посмотрел на Эстер. Она крутила фотоаппарат в руках с таким вниманием, словно уже представляла, какие снимки хочет сделать. Потом подняла объектив на меня.

— Не двигайся.

— Почему?

— Потому что я проверяю кадр.

— Я не модель.

— Это мы ещё обсудим.

Затвор щёлкнул. Эстер посмотрела на меня поверх камеры и улыбнулась.

Позже, когда отец ушёл в комнату посмотреть новости, а мама занялась своими делами, я забрался к себе и открыл ВКонтакте. В беседе уже накопились сообщения за утро: кто-то скинул музыку, кто-то спорил насчёт встречи, Алик прислал фотографию своего завтрака с подписью «высокая кухня». Я пролистал переписку и написал:

«Кстати, у меня новость. Эстер приехала. Та самая, из Питера, про которую я рассказывал. Она останется у нас на лето, так что вы всё равно познакомитесь. Думаю, сегодня можем пересечься, если все свободны».

Я отправил сообщение и положил телефон на кровать. Почти сразу появились отметки о прочтении. Первым ответил Алик:

«О-о-о. Та самая Эстер? Ну наконец-то. А она вообще знает, в какую компанию попала?»

Следом пришёл Макс:

«Знает. Я уже видел её вчера. Не пугайте человека раньше времени».

Я улыбнулся. Макс, как обычно, умудрялся оказаться на шаг впереди всех и при этом не делать из этого события.

«Ты вчера виделся и молчал?» — написала Майя.

«Я не молчал. Я просто не устраивал пресс-конференцию», — ответил Макс.

«Очень смешно», — отозвалась она.

Потом написала Диана:

«А почему ты раньше не говорил, что она приедет?»

Я задержал взгляд на сообщении. Вопрос был вполне обычным, но я почти услышал интонацию — не злую, скорее слишком ровную, как бывает, когда человек старается не показать, что его задело.

«Сам узнал не так давно. Это сюрприз был», — ответил я.

«Понятно», — написала Диана.

Майя появилась следом:

«И она прямо всё лето будет жить у вас?»

«Похоже на то».

«Ничего себе».

Три слова, и в них было больше, чем она, вероятно, хотела показать. Майя никогда не спрашивала о моих планах с такой настойчивостью, когда речь шла о ком-то другом. Я знал, что ей неприятно, когда рядом со мной появляется человек, которому я отдаю внимание без

оглядки. Но не хотел делать вид, будто не замечаю этого, и одновременно не собирался оправдываться за то, что Эстер приехала.

Лина написала почти сразу:

«А можно будет с ней познакомиться? Мне интересно, какая она. Ты столько раз упоминал её, но я вообще не представляю».

«Можно. Она нормальная, не кусается», — ответил я.

«Это ты так про всех говоришь», — заметила Лина. — «А потом оказывается, что у человека характер».

«У неё есть характер», — написал Макс. — «Особенно когда кто-то неправильно ставит ударение в слове».

«Макс, ты сейчас её рекламируешь или предупреждаешь?» — спросил Алик.

«И то и другое».

Симура не торопилась. Она прочитала сообщения, но несколько минут ничего не писала. Я уже решил, что она не собирается участвовать, когда появилось:

«Интересно. Значит, человек из твоей отдельной жизни теперь будет в общей компании. Посмотрим, как вы друг друга представите».

Я перечитал фразу. В ней не было открытой неприязни, но и обычного любопытства тоже. Симура умела формулировать так, чтобы не раскрывать ни одного лишнего чувства. Она не спрашивала, красивая ли Эстер, добрая ли, весёлая ли. Её интересовало, какое место та займёт и что изменится вокруг.

«Представлю нормально», — написал я.

«Я не сомневаюсь», — ответила Симура.

Баха прислал голосовое, но я включил его не сразу. Сначала появилось ещё одно сообщение:

«Она что, тоже слушает The Cure?»

Я удивлённо посмотрел на экран.

«Откуда знаешь?»

«Макс сказал. Вчера у тебя в комнате играл альбом, и он вроде упомянул, что вы с ней музыку обсуждали».

«Да, слушает. И ещё много всего».

«Тогда уже интересно», — написал Баха. — «Надо будет обменяться музыкой».

Я представил, как он будет осторожно подбирать слова, чтобы не показаться слишком восторженным, и невольно улыбнулся.

Артурик отреагировал иначе:

«А стиль у неё какой?»

«В смысле?»

«В прямом. Что носит? Какие силуэты, обувь, аксессуары?»

«Я не каталог, Артур».

«Жаль. Было бы удобно».

«Сам спросишь».

«Спрошу. Если там есть что обсуждать».

Репа написал позже остальных, коротко и без лишнего шума:

«Она, кажется, из тех, кто всё раскладывает по местам?»

Я усмехнулся. Вчера Эстер успела разложить мои фотографии по папкам, подписать несколько файлов и заставить меня записать, какие вещи я хочу переделать.

«Очень даже».

«Тогда мне уже нравится», — ответил Репа. — «У нас в компании иногда не хватает человека, который помнит, где что лежит».

«Не обольщайся, она и тебя заставит порядок навести», — написал Макс.

«Я не против. Если человек делает это спокойно и по делу».

Я ещё раз пробежал глазами переписку. У каждого была своя реакция, и я почему-то ожидал, что будет именно так. Алик уже шутил с намёком на симпатию, хотя даже не видел Эстер; Макс держался так, будто приезд старой знакомой — обычное дело, потому что для него так и было; Баха зацепился за музыку, Артур — за одежду, Репа — за её организованность. Лина действительно хотела познакомиться. Симура наблюдала со стороны и будто заранее оценивала, как изменится расстановка сил.

А Диана и Майя молчали.

Я открыл личные сообщения. У Дианы не было ничего нового, зато Майя прислала:

«Ты теперь всё время будешь с ней?»

Я долго смотрел на вопрос. Можно было ответить шуткой, можно было написать, что ничего не изменится, хотя это было бы неправдой. Эстер приехала именно для того, чтобы мы наконец перестали встречаться урывками. Конечно, я буду проводить с ней много времени. И не собирался делать вид, что это неважно.

«Не всё время. Но мы давно не виделись нормально. Я хочу побыть с ней», — написал я.

Ответ пришёл не сразу.

«Понятно».

Я не стал дописывать. Мне казалось неправильным обещать Майе, что она ничего не потеряет, если я сам ещё не понимал, как теперь будет устроено наше лето.

Из комнаты донёсся голос Эстер:

— Вилен! Ты где?

— Здесь!

— Иди сюда, я хочу тебе кое-что показать.

Я отложил телефон и вышел в коридор. Эстер стояла у открытой двери моей комнаты, держа в руках лист бумаги и карандаш. На листе были быстрые наброски: несколько вариантов куртки, линии плеча, карманы, застёжки, странная асимметричная деталь на спине.

— Это что? — спросил я.

— Идеи. Я пока не знаю, что из этого получится, но мне кажется, тебе стоит попробовать сделать что-то не только для себя. Не обязательно сразу коллекцию, не надо пугаться. Просто одну вещь, которую ты продумаешь от начала до конца.

— Ты уже придумала, чем я буду заниматься?

— Нет. Я придумала, с чего ты можешь начать. Это разные вещи.

Она протянула мне лист. Я взял его и стал рассматривать наброски.

— А если получится плохо?

— Тогда переделаешь. Или выбросишь. Или поймёшь, что именно не работает. Ты же не думаешь, что у всех дизайнеров первая вещь сразу получается идеальной?

— Я не дизайнер.

— Пока ты человек, который умеет переделывать одежду и которому это нравится. Давай не будем спорить с фактами.

Она сказала это без торжественности, почти буднично, и именно поэтому я поверил ей сильнее, чем если бы она начала убеждать меня в том, что у меня талант.

— Кстати, — добавила Эстер, — я посмотрела расписание поездов. Если мы захотим съездить в Петербург на пару дней, можно будет подобрать даты. Я покажу тебе несколько мест. Не как туристу, а как человеку, который может там учиться и жить.

— Ты уже расписание посмотрела?

— Конечно. Я же не собираюсь агитировать тебя вслепую.

— А если я не захочу?

Эстер на секунду задумалась, потом пожала плечами.

— Тогда не захочешь. Я расстроюсь, наверное, но переживу. Я хочу, чтобы ты хотя бы увидел варианты. Ты всё время говоришь, что не знаешь, чего хочешь после школы, а я не хочу, чтобы ты выбирал только потому, что так проще. В Петербурге есть места, где тебе может понравиться. И люди, с которыми тебе будет о чём говорить. И мастерские, и выставки, и нормальные магазины тканей, где можно не покупать всё наугад.

— Ты сейчас пытаешься продать мне город через магазины тканей?

— А что, неплохой аргумент.

Я рассмеялся. Она улыбнулась, но взгляд у неё оставался серьёзным.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал только ради меня, Вилен. Но мне бы очень хотелось, чтобы ты был ближе. И чтобы у тебя была возможность заниматься тем, что тебе интересно. Если это окажется Петербург — я буду рада. Если нет, значит, будем думать дальше.

Я опустил глаза на лист. Вчера мне казалось, что Эстер приехала просто потому, что соскучилась. Сегодня я начинал понимать: она действительно привезла с собой целое лето — с разговорами, планами, вопросами, на которые я раньше не хотел отвечать. И, может быть, самое непривычное было не то, что она собиралась изменить мои планы, а то, что рядом с ней я впервые не боялся их обсуждать.

Телефон снова завибрировал на кровати. В беседе кто-то предложил встретиться ближе к вечеру. Алик написал, что «готов морально к знакомству», Артур попросил не забыть предупредить Эстер о «необходимости соблюдать дресс-код», а Лина прислала смеющийся смайлик. Диана ничего не написала. Майя тоже.

Я посмотрел на Эстер.

— Кажется, сегодня тебя ждёт знакомство с моей компанией.

— Я уже поняла. Только предупреждаю: если кто-нибудь начнёт задавать мне вопросы, будто я пришла на собеседование, я буду задавать их в ответ.

— Это ты ещё мягко.

— А ты не переживай. Я умею производить хорошее первое впечатление.

— Ты умеешь производить впечатление. Насчёт хорошего — посмотрим.

Она толкнула меня плечом и направилась к кухне.

— Тогда пойдём. Надо помочь твоей маме закончить с обедом. А потом решим, что надеть, чтобы твои друзья не решили, будто я приехала из другого века.

Я пошёл за ней, всё ещё держа в руках её набросок. На листе были линии, которые пока ничего не обещали, но уже казались началом чего-то настоящего. За стеной отец включил телевизор, мама звала нас на кухню, а в телефоне продолжала жить беседа, в которой каждый уже успел составить своё первое впечатление о человеке, которого почти никто из них ещё не видел.

Мне вдруг захотелось, чтобы вечер наступил поскорее. И одновременно — чтобы это утро длилось подольше.

К вечеру мы всё-таки определились с одеждой, хотя Эстер утверждала, что это я усложняю простую задачу. Она переоделась в тёмные прямые джинсы, светлую рубашку с закатанными рукавами и короткую куртку, которую, как выяснилось, сама немного переделала. На шее у неё висела тонкая цепочка, а волосы она собрала так, чтобы несколько прядей свободно падали возле лица. Ничего нарочито нарядного, но выглядела она так, будто заранее знала, где окажется и с кем будет разговаривать.

Я стоял перед зеркалом и пытался решить, не слишком ли странно надевать собственную куртку с нашивками. Эстер, заметив мои сомнения, забрала у меня из рук вторую футболку и положила обратно на кровать.

— Оставь эту. В ней ты хотя бы похож на себя.

— А в другой?

— В другой ты похож на человека, который очень хочет, чтобы его заметили.

— Может, я и хочу.

Она посмотрела на меня через зеркало. На секунду в её лице появилось что-то задумчивое, но тут же сменилось привычной усмешкой.

— Тогда тем более оставь эту. Пусть замечают не футболку.

Мы вышли из дома ближе к шести. В беседе уже успели договориться встретиться у сквера возле торгового центра, а потом решить, куда идти дальше. Макс написал, что будет на месте раньше остальных. Я ответил, что мы подойдём минут через десять, и убрал телефон в карман.

— «Мы», — повторила Эстер, когда увидела сообщение. — Уже говоришь за двоих.

— Ты же со мной идёшь.

— Пока да. Но если твои друзья окажутся невыносимыми, я могу сбежать.

— Не сбежишь.

— Уверен?

— Ты слишком любишь всё доводить до конца.

— Это правда, — признала она. — Но иногда я делаю исключения.

Макс действительно ждал у края сквера, прислонившись к ограждению. Увидев нас, он выпрямился и поднял руку. Эстер первой заметила его и чуть ускорила шаг.

— Васильев, — сказала она вместо приветствия. — Ты всё такой же высокий и всё такой же довольный собой.

— А ты всё такая же приветливая, — ответил Макс и обнял её. — Добро пожаловать обратно в Нижний.

— Спасибо. Я уже успела поработать на вашу кухню и проконтролировать ремонт сантехники. Чувствую, отпуск проходит продуктивно.

— Значит, тебя уже приняли в семью окончательно.

— Меня там и не исключали.

Они обменялись ещё парой реплик, понятных, кажется, только им двоим. Я стоял рядом и слушал, как они вспоминают какую-то историю с поездки в Москву, в которой Макс умудрился потерять билет, а Эстер — найти его в кармане его же куртки. Мне нравилось, что им не нужно было объяснять друг другу, кто есть кто. Макс знал Эстер давно, и она знала его не только как моего лучшего друга, но и как отдельного человека — со своими привычками, странными шутками и не всегда удачными решениями.

Остальные подошли почти одновременно. Сначала появилась Лина, рядом с ней шла Симура. За ними — Баха и Репа, которые о чём-то спорили, а чуть позже показались Артур и Алик. Майя пришла с Дианой. Я заметил их ещё издалека и почему-то сразу выпрямился, будто собирался не на обычную встречу с друзьями, а на экзамен, к которому не успел подготовиться.

— Ну что, — сказал Макс, когда все собрались, — знакомьтесь. Это Эстер. Она знает Вилена дольше, чем некоторые из нас вообще умеют разговаривать.

— Не преувеличивай, — сказала Эстер. — Я не настолько древняя.

— Но архив у тебя наверняка большой, — заметил Репа.

— Зависит от того, что именно ты хочешь узнать.

— Пока ничего. Я просто выясняю, насколько серьёзно ты относишься к систематизации.

Эстер посмотрела на него внимательнее.

— А ты, я так понимаю, из тех, кто замечает, когда в общей папке файл назван «новый документ 7»?

— К сожалению, да.

— Тогда мы сработаемся.

Репа улыбнулся. Не широко, не пытаясь понравиться, а скорее с удовольствием от того, что встретил человека, который понимает его претензии к хаосу. Я заметил, как он чуть отступил, освобождая ей место в кругу, и подумал, что они, кажется, уже нашли общий язык.

Лина подошла к Эстер и поздоровалась первой.

— Я Лина. Вилен про тебя рассказывал, но, если честно, очень мало. Только что вы часто видитесь в Москве и что ты слушаешь музыку, которую он считает обязательной для всех.

— Это он преувеличивает. Я никого не заставляю слушать музыку.

— Пока не заставляешь, — вставил Макс.

— А ты, значит, Лина, — Эстер улыбнулась. — Вилен говорил, что ты умеешь вытаскивать людей из дома, даже если они собирались весь день лежать.

— Это на него похоже. Он иногда делает вид, что его невозможно уговорить, но на самом деле ему просто нужно дать время.

— Вот видишь, — сказала Эстер и повернулась ко мне. — Тебя давно раскрыли.

Я хотел возразить, но Лина уже рассмеялась. Разговор пошёл легко, и я почувствовал, как напряжение немного отпускает. Эстер не пыталась занять центр внимания, не рассказывала длинных историй о том, какая у неё интересная жизнь в Петербурге. Она спрашивала, слушала, цеплялась за детали и отвечала так, что собеседнику хотелось продолжать.

Баха дождался паузы и заговорил о музыке.

— Макс сказал, что вы с Виленом вчера слушали The Cure. У тебя какой альбом любимый?

— Смотря в каком настроении. «Disintegration» я могу включать целиком, но иногда мне больше хочется раннего звучания. А у тебя?

Баха заметно оживился. Он начал объяснять, какие песни у него сейчас на повторе, потом вспомнил ещё несколько групп и спросил, слушает ли она их. Эстер не стала изображать знатока всего на свете, но с интересом уточняла названия и спорила, если с чем-то была не согласна. Я видел, что Бахе нравится не только совпадение вкусов, но и то, что она не пытается подстроиться под его мнение.

Артур, как и обещал, оценивал её одежду. Он некоторое время молчал, разглядывая куртку, потом спросил:

— Это винтаж или ты сама переделывала?

— Немного и то и другое. Куртка старая, я поменяла пуговицы, укоротила рукава и добавила подкладку.

— Аккуратно сделано. А ткань где брала?

— В Петербурге. Там есть один магазин, в котором я могу пропасть на пару часов.

— Вот это уже серьёзно, — сказал Артур. — А обувь?

Эстер посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты всегда так знакомишься с людьми?

— Только если у них есть что рассматривать.

— Тогда надеюсь, ты не разочаруешься.

— Пока нет.

Артур удовлетворённо кивнул. Я знал, что он может часами обсуждать крой, посадку и детали, но редко встречал человека, который мог ответить ему не только названием бренда. Он спросил, где Эстер обычно ищет вещи, а она в ответ поинтересовалась, почему он выбирает именно такие силуэты. Через пару минут они уже спорили о том, может ли вещь выглядеть интересно без заметного логотипа.

Алик подошёл к ней позже остальных. Он не стал ждать, пока кто-нибудь их представит ещё раз, и сразу улыбнулся так открыто, что я почувствовал раздражение прежде, чем успел понять его причину.

— Значит, ты и есть та самая Эстер, из-за которой Вилен теперь будет пропадать в Петербурге?

— Я ещё не успела его туда увезти, — ответила она. — Но переговоры идут.

— Если тебе понадобится проводник по Нижнему, я готов. Могу показать места получше тех, куда водит Вилен.

— Ты сейчас предлагаешь экскурсию или пытаешься произвести впечатление?

— А можно совместить?

Эстер рассмеялась.

— Можно. Но тогда тебе придётся отвечать за качество экскурсии.

— Я человек ответственный.

— Это мы проверим, — сказала она.

Алик явно поймал удачный тон и продолжил. Он спросил, давно ли она в городе, успела ли погулять, нравится ли ей Нижний. В его вопросах было чуть больше внимания, чем требовала простая вежливость. Он не скрывал, что Эстер ему понравилась, и, судя по всему, считал, что открытый флирт — лучший способ это показать.

Я стоял рядом и пытался убедить себя, что меня это не касается. Эстер могла разговаривать с кем угодно. Она не была моей девушкой, я не имел права вмешиваться и тем более предъявлять ей какие-то претензии. Но от этих разумных мыслей раздражение не исчезало. Мне не нравилось, как Алик наклонялся к ней, чтобы услышать ответ, хотя вокруг было достаточно тихо. Не нравилось, что он обращался к ней так, словно они уже давно знакомы. И особенно не нравилось, что Эстер не торопилась его останавливать.

Диана стояла рядом с Майей. Она поздоровалась с Эстер, улыбнулась и даже задала пару вопросов о Петербурге, но улыбка у неё оставалась напряжённой. Майя была ещё сдержаннее. Она держалась чуть в стороне, временами включалась в общий разговор, но каждый раз, когда я поворачивался к Эстер, я замечал, что Майя следит за мной.

Эстер заметила это раньше меня.

Она как раз слушала, как Лина рассказывает о каком-то школьном мероприятии, когда её взгляд на секунду скользнул к Диане, потом к Майе, а затем вернулся ко мне. В её глазах мелькнуло узнавание. Она не спросила ничего сразу, но я слишком хорошо знал это выражение: Эстер что-то поняла и теперь обдумывала, что с этим делать.

Через несколько минут она отошла со мной к киоску за водой. Мы шли рядом, и она негромко сказала:

— У тебя тут интересная ситуация.

— Какая ещё ситуация?

— Не делай вид, что не заметил.

— Я ничего не делаю.

— Именно. Стоишь с таким лицом, будто тебя поставили между двумя дверями и сказали выбрать, в какую войти.

Я посмотрел на неё.

— Ты про Диану и Майю?

— А ты думал, я не замечу? Одна всё время смотрит на тебя, когда ты говоришь со мной. Вторая делает вид, что ей совершенно всё равно, но каждый раз замолкает, когда ты подходишь к ней. Они обе ревнуют. По-разному, но довольно заметно.

— Не думаю, что всё так.

— Конечно. Ты вообще редко думаешь, что всё так, пока тебе не объяснят.

В её голосе не было злости. Скорее, она была заинтересована. Я вдруг понял, что происходящее не только не смущает её, но даже немного забавляет.

— Тебе весело? — спросил я.

— Немного.

— Эстер.

— Что? Я не собираюсь специально никого провоцировать. Но, признаюсь, мне любопытно, как ты будешь вести себя, когда перестанешь делать вид, что ничего не происходит.

— А ты сама не собираешься ничего делать?

Она повернулась ко мне, и на лице у неё появилась та самая улыбка, которую я помнил с детства: чуть вызывающая, чуть насмешливая, но не жестокая.

— Я собираюсь знакомиться с твоими друзьями и хорошо проводить лето. Если кто-то решит, что моё присутствие ему мешает, это уже не совсем моя проблема.

— Ты специально так говоришь?

— Возможно.

— Ты же понимаешь, что мне потом с ними общаться?

— Понимаю. Поэтому и не собираюсь устраивать спектакль. Но и притворяться, будто я не замечаю очевидного, не стану.

Мы вернулись к остальным. Алик тут же предложил Эстер пройтись до набережной, сказав, что вечером там особенно красиво. Она ответила, что не против, если пойдут все. Алик сделал вид, что его это ничуть не смутило.

— Конечно, все, — сказал он. — Я же не собираюсь красть человека у компании.

— Хорошо, что уточнил, — ответил я раньше, чем успел подумать.

Алик повернулся ко мне.

— А что такое? Боишься, что я уведу твою подругу?

— Я не боюсь.

— Тогда чего напрягся?

— Ты слишком много говоришь.

Макс, стоявший рядом, чуть повернул голову. Я почувствовал, как его внимание переключилось на нас.

Алик усмехнулся.

— Да ладно тебе, Вилен. Я просто знакомлюсь. Или мне теперь разрешение спрашивать?

— Не надо превращать всё в цирк.

— Это ты превращаешь. Я с Эстер разговариваю, а ты стоишь рядом и смотришь так, будто я у тебя что-то отбираю.

Эстер посмотрела на меня, потом на Алика.

— Вы оба можете перестать обсуждать меня так, будто меня здесь нет? Я прекрасно слышу.

Алик поднял ладони.

— Я вообще-то ничего плохого не сказал.

— Я тоже, — ответил я.

— Вот и отлично, — вмешался Макс. — Тогда предлагаю всем вспомнить, что мы вышли погулять, а не выяснять, кто кому принадлежит.

Последние слова он произнёс спокойно, но посмотрел прямо на меня. Я отвёл взгляд. Мне было неприятно, что он оказался свидетелем моей глупой реакции, и ещё неприятнее — что он, кажется, понял её лучше меня самого.

Мы двинулись в сторону набережной. Алик шёл рядом с Эстер и продолжал разговаривать с ней, теперь чуть осторожнее. Она отвечала, иногда смеялась, но не давала ему повода считать, что между ними уже что-то решено. Диана держалась с другой стороны компании. Майя шла рядом с Линой и почти не смотрела в мою сторону.

Я оказался между ними буквально и почти физически ощущал, как любое моё движение может быть кем-то истолковано. Если я шёл рядом с Эстер, Диана становилась тише. Если пытался заговорить с Дианой, Эстер не вмешивалась, но я чувствовал её взгляд. Если останавливался рядом с Майей, та отвечала коротко и вежливо, словно мы внезапно стали людьми, которым нечего сказать друг другу.

Макс дождался, пока остальные немного отойдут вперёд, и поравнялся со мной.

— Ты сейчас сам себе всё усложняешь, — сказал он.

— Спасибо, очень помог.

— Я серьёзно. Не торопись.

— С чем?

— С выбором. И с выводами. Ты ещё даже не понял, что именно чувствуешь, а уже реагируешь так, будто кто-то собирается у тебя что-то отнять.

Я посмотрел на него. Макс не улыбался, но и не выглядел недовольным. Он говорил как человек, который не собирается меня жалеть, зато готов сказать то, что я сам предпочёл бы не слышать.

— Алик просто флиртует, — сказал я.

— Да. И?

— И мне это не нравится.

— Тогда разбирайся, почему. Потому что Эстер тебе дорога? Потому что ты ревнуешь? Или потому что тебе неприятно, что кто-то другой может заинтересовать человека, который тебе важен? Это не одно и то же.

Я промолчал.

— И не надо сейчас делать вид, что ты обязан выбрать между Эстер, Дианой и Майей, — продолжил Макс. — Ты никому ничего не обещал. Но если будешь пытаться всем понравиться и каждому доказывать, что ничего не меняется, в итоге только всех запутаешь.

— Ты на чьей стороне?

Макс посмотрел вперёд, туда, где Эстер что-то объясняла Бахе, а Алик слушал её с явным удовольствием.

— Я не на стороне. Но если ты спрашиваешь, с кем мне проще представить тебя через пару лет, то, наверное, с Эстер.

Я повернулся к нему.

— Почему?

— Потому что рядом с ней ты не пытаешься изображать кого-то другого. Ты не следишь за каждым словом, не проверяешь, как выглядишь со стороны. Ты просто разговариваешь. С Дианой ты всё время ждёшь реакции, а с Майей иногда даже не замечаешь, что она от тебя чего-то ждёт. Это не значит, что Эстер автоматически правильный выбор. Просто разница заметна.

Он помолчал и добавил:

— Но я бы на твоём месте не торопился. И не превращал бы Алика в соперника только потому, что он решил пофлиртовать.

— Он специально меня провоцирует.

— Возможно. А ты ему помогаешь.

Я хотел возразить, но не нашёл подходящих слов. Макс слегка хлопнул меня по плечу и пошёл вперёд, оставив меня с его замечаниями.

У набережной мы остановились возле перил. Вечер был тёплый, ветер с реки тянул прохладой, и город постепенно загорался огнями. Эстер встала рядом с Линой и Симурой. Симура почти не участвовала в разговоре, но слушала внимательно. Когда Эстер спросила её, давно ли они знакомы с Виленом, та ответила:

— Достаточно давно, чтобы понимать, когда он что-то недоговаривает.

— Это полезное качество, — заметила Эстер.

— Иногда. Но не всегда приятное.

Они посмотрели друг на друга. Эстер улыбнулась, Симура ответила едва заметным движением губ. Между ними не было открытой враждебности, но я почувствовал, что обе внимательно оценивают собеседницу. Симура не собиралась поддаваться на обаяние Эстер, а Эстер, кажется, это только забавляло.

Алик тем временем снова оказался рядом с ней.

— Слушай, а если я правда покажу тебе город, ты согласишься?

— Если это будет не экскурсия по твоим любимым местам с обязательным рассказом о том, какой ты там популярный, — ответила Эстер.

— У меня нет таких мест.

— Тогда договорились.

Он улыбнулся и посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось. Я сжал пальцы на холодном металлическом ограждении. В этот раз я не стал ничего говорить, но Алик заметил мой взгляд.

— Вилен, ты чего такой напряжённый? Расслабься. Я же не на свидание её зову.

— А если бы звал? — спросил я.

Вопрос прозвучал резче, чем я собирался. Несколько человек повернулись к нам. Алик на секунду перестал улыбаться, потом медленно выпрямился.

— А если бы и звал?

— Тогда хотя бы не делал вид, что это просто экскурсия.

— Да я и не делаю вид.

Он сделал шаг ко мне. Небольшой, почти незаметный, но достаточно близкий, чтобы я почувствовал вызов. Я тоже выпрямился. В голове мелькнула глупая мысль, что если он сейчас скажет ещё хоть слово, я не смогу просто отвернуться.

Макс сразу оказался рядом.

— Алик, отойди, — сказал он без повышения голоса.

— Да я стою.

— Вот и стой там.

Эстер подошла с другой стороны и посмотрела сначала на Алика, потом на меня.

— Я сама могу решить, с кем мне гулять и куда идти. И мне не нужно, чтобы вы мерились характерами из-за обычного разговора.

— Я не меряюсь, — сказал я.

— Тогда перестань выглядеть так, будто собираешься.

Алик усмехнулся, но уже не так уверенно.

— Я вообще-то ничего такого не сделал.

— Пока нет, — ответила Эстер. — И я бы на твоём месте на этом остановилась.

Она произнесла это спокойно, почти доброжелательно, но Алик понял, что продолжать не стоит. Он отвёл взгляд и отошёл к Бахе. Макс задержался возле меня.

— Видишь? — негромко сказал он. — Ты даже не спросил её, что она сама думает.

Я почувствовал, как лицо становится горячим. Не от злости уже, а от стыда. Эстер была права: я вёл себя так, словно имел какое-то право решать, кто может с ней флиртовать. Хотя даже сам не мог объяснить, что именно между нами происходит.

Я подошёл к перилам и посмотрел на воду. Через минуту рядом встала Эстер. Она не стала сразу говорить, и я был ей за это благодарен.

— Я не собираюсь уходить с ним на свидание, — сказала она наконец.

— Я не спрашивал.

— Знаю. Поэтому и говорю сама.

Я повернулся к ней.

— Он тебе нравится?

Эстер задумалась, будто действительно рассматривала вопрос.

— Он симпатичный. И довольно уверенный в себе. Но я его только что встретила, Вилен. Мне нужно больше, чем несколько удачных шуток, чтобы понять, интересен ли мне человек.

— Понятно.

— И ещё. Мне не понравилось, как ты на него набросился.

— Я не набрасывался.

Она посмотрела на меня.

— Ты хочешь, чтобы я поверила в эту версию?

Я выдохнул.

— Ладно. Я разозлился.

— Я заметила.

— Просто не понравилось, как он с тобой разговаривал.

— Он флиртовал. Я могу сама с этим разобраться.

— Я знаю.

— Тогда доверяй мне хотя бы в этом.

Я кивнул. Эстер некоторое время смотрела на реку, потом чуть толкнула меня плечом.

— И вообще, если ты собираешься всё лето ходить с таким лицом, мне придётся пересмотреть планы на Петербург. Не хочу, чтобы ты там отпугнул всех людей, с которыми я собиралась тебя познакомить.

Я невольно улыбнулся.

— Ты уже всех распланировала?

— Разумеется. У меня даже есть список.

— Конечно, есть.

— И он в алфавитном порядке.

— Я не сомневаюсь.

Она засмеялась, и напряжение между нами немного ослабло. Но я всё равно понимал, что вечер изменил что-то в компании. Девочки увидели, насколько важна для меня Эстер. Алик понял, что его флирт меня задевает. Макс — что я не умею спокойно смотреть на собственную ревность. И сама Эстер теперь знала, что её приезд не останется незамеченным.

Когда мы собрались уходить, Диана догнала меня у лестницы.

— Можно тебя на минуту?

Я остановился. Эстер шла впереди с Линой, но, услышав голос Дианы, обернулась. Я заметил это краем глаза.

— Да, конечно.

Диана посмотрела на меня, потом туда, где стояла Эстер.

— Ты очень рад, что она приехала.

Это прозвучало не как вопрос.

— Да. Мы давно не виделись.

— Я поняла.

Она поправила ремешок сумки и помолчала.

— Просто странно. Ты раньше почти не рассказывал о ней, а теперь она приехала, и как будто всё остальное сразу стало неважным.

Я хотел сказать, что это неправда, но остановился. Возможно, именно так всё и выглядело со стороны. И, что хуже, я не был уверен, что могу убедительно доказать обратное.

— Диан, я не хотел, чтобы ты так себя чувствовала.

— Но я так себя чувствую.

Она сказала это без упрёка, и от этого мне стало только тяжелее.

— Я не знаю, что тебе ответить.

— Тогда не отвечай сейчас. Просто подумай, чего ты хочешь, Вилен. Потому что я не собираюсь соревноваться с человеком, который даже не знает, что участвует в соревновании.

Она развернулась и пошла к Майе. Я остался стоять на ступеньках, чувствуя, что вечер действительно поставил меня между нескольких людей, каждый из которых видел происходящее по-своему.

Макс уже ждал у выхода. Он посмотрел на меня, но ничего не спросил. Эстер тоже не стала задавать вопросов. Она просто подошла и протянула мне мою же куртку, которую я успел снять и перекинуть через руку.

— Пойдём? — спросила она.

Я взял куртку и пошёл рядом с ней. Впереди Алик что-то рассказывал Бахе, и оба смеялись. Чуть позади шли Диана и Майя. Макс держался возле меня, не вмешиваясь, но оставаясь рядом.

Я вдруг понял, что Макс прав: выбирать сейчас было рано. Но это не означало, что я мог сделать вид, будто ничего не происходит. Эстер вернулась в мою жизнь не на один вечер и не на пару дней. Она приехала надолго, привезла с собой Петербург, разговоры о будущем и то странное чувство, будто рядом с ней я становлюсь более настоящим. И теперь мне предстояло разобраться не только в том, кто мне нравится, но и в том, почему я так боюсь потерять то, что ещё даже не решился назвать.

На следующее утро я проснулся раньше обычного, хотя лёг поздно и совершенно не собирался никуда вставать. В комнате было душно: окно я оставил приоткрытым, но за ночь ветер стих, а плотные шторы почти не пропускали свет. Телефон лежал возле подушки экраном вниз. Я перевернул его, посмотрел на время и увидел несколько уведомлений из беседы.

Первым делом открыл переписку. Алик успел отправить фотографию какого-то нелепого завтрака, Баха ответил ему музыкальной ссылкой, а Макс написал, что сегодня никуда не собирается, если только нас не настигнет чрезвычайное происшествие. Под этим сообщением Алик оставил: «У нас вчера чуть не случилось». Я понял, что он имеет в виду, и закрыл беседу, не став отвечать.

Вчерашний вечер возвращался неприятными короткими воспоминаниями: как Алик наклонился к Эстер, как я слишком резко вмешался, как Макс оказался между нами, а Эстер посмотрела на меня так, будто я внезапно повёл себя на несколько лет младше. Особенно хорошо я помнил её слова о том, что она сама может решить, с кем ей разговаривать. Она была права, и от этого признание не становилось приятнее.

Я сел на кровати и открыл личные сообщения. От Эстер было одно короткое: «Ты жив? Я уже позавтракала, а ты, вероятно, всё ещё ведёшь переговоры с подушкой». Я ответил, что жив, но не обещаю быть разговорчивым до кофе.

Она прислала фотографию чашки на кухонном столе. Рядом лежал лист с вчерашними набросками, а в углу кадра виднелась мамина рука с тарелкой.

«Твоя мама сказала, что сегодня мы можем заняться твоим шкафом. Не пугайся, я не собираюсь выбрасывать половину вещей. Пока».

«Я уже испугался».

«Правильно. Это полезное чувство».

Я улыбнулся, отложил телефон и наконец встал. На кухне мама собирала волосы перед зеркалом в прихожей, а Эстер сидела за столом с блокнотом. Перед ней лежали две чашки, открытая пачка печенья и аккуратно сложенные листы бумаги. Она подняла на меня глаза.

— Доброе утро. Ты сегодня выглядишь так, будто всю ночь решал мировые проблемы.

— Почти. Одну местную.

— И как успехи?

— Пока безрезультатно.

Эстер поняла, что я говорю о вчерашнем, но не стала подхватывать тему при маме. Она подвинула ко мне чашку.

— Кофе не обещаю. Чай. Тебе полезно иногда пить что-нибудь, кроме газировки.

— Ты приехала, чтобы испортить мне жизнь?

— Я приехала, чтобы помочь тебе её организовать. Это разные вещи.

Мама улыбнулась, застёгивая серьги.

— Вы сегодня собираетесь куда-нибудь?

— Пока нет, — ответила Эстер. — Я хотела посмотреть его вещи и фотографии, а потом, если Вилен не будет сопротивляться, сходить за материалами.

— Он будет сопротивляться, — сказала мама. — Но это не значит, что не пойдёт.

— Спасибо за поддержку, — пробормотал я.

Мама поцеловала меня в макушку, пожелала нам не устроить в комнате катастрофу и ушла по делам. Эстер дождалась, пока за ней закроется дверь, и посмотрела на меня уже без прежней насмешки.

— Ты вчера злился из-за Алика?

— Нет.

— Вилен.

— Ладно. Да. Но я понимаю, что это глупо.

— Не обязательно глупо. Просто не очень справедливо по отношению ко мне.

Я сел напротив неё.

— Я знаю.

— Мне не нужно, чтобы ты делал вид, будто тебе всё равно. Но я не хочу, чтобы ты решал за меня, с кем мне можно разговаривать. Мы с тобой близки, и мне это важно. Только близость не означает, что один из нас получает право командовать другим.

— Я не собирался командовать.

— Вчера у тебя был такой вид, будто ты сейчас выставишь Алику счёт за вход.

Я невольно рассмеялся, хотя мне всё ещё было неловко.

— Он специально меня задевал.

— Возможно. А возможно, он просто флиртовал и смотрел, как ты отреагируешь. Ты ему очень помог.

— Ты думаешь, ему действительно понравилась?

Эстер чуть приподняла брови.

— Ты сейчас серьёзно спрашиваешь меня, понравилась ли я Алику?

— Да.

— Кажется, да. По крайней мере, он не особенно старался это скрывать. Но я его почти не знаю. Мне было приятно поговорить, он забавный, но это пока всё, что я могу сказать.

Я кивнул, стараясь не показать, насколько внимательно слушаю каждое слово.

— А ты? — спросила она.

— Что я?

— Ты вчера собирался выяснять с ним отношения из-за меня. Мне интересно, ты сам понимаешь, почему.

— Я уже говорил.

— Ты говорил, что тебе не понравилось, как он со мной разговаривал. Это объяснение, но не ответ.

Я посмотрел в чашку. Ответ у меня был, только произнести его вслух означало признать, что я сам не очень понимаю, чего хочу.

— Мне не понравилось, что он так быстро решил, будто может к тебе подкатить, — сказал я наконец.

— А почему он не может?

Я не ответил.

Эстер не стала добивать меня вопросами. Она закрыла блокнот и поднялась.

— Ладно. Не будем устраивать допрос до обеда. Покажи мне шкаф, герой.

В моей комнате она первым делом попросила не доставать всё подряд, а принести те вещи, которые я уже переделывал или собирался переделать. Я вытащил куртку, две футболки, старую джинсовку и несколько деталей, которые хранил в коробке. Эстер разложила их на покрывале и начала записывать, что с каждой можно сделать. Она работала быстро, но не торопливо: сначала осматривала швы, потом проверяла ткань, задавала вопросы о том, чем я пользовался и почему выбрал именно такой способ.

— Ты помнишь, сколько времени ушло на эту куртку? — спросила она.

— Не знаю. Несколько вечеров.

— А почему не записал?

— Потому что я не думал, что когда-нибудь буду отчитываться перед комиссией.

— Это не комиссия. Это твой архив. Если ты хочешь развиваться, тебе пригодится понимать, сколько времени уходит на работу, что получается с первого раза, а что приходится переделывать.

Она говорила об этом так серьёзно, что я перестал воспринимать её записи как очередную попытку навести порядок в моей жизни. Мы фотографировали вещи на телефон, отмечали детали, обсуждали, какие материалы можно использовать. Иногда Эстер предлагала решение, которое мне не нравилось, и я спорил. Она не обижалась, а просила объяснить, почему я вижу это иначе. В какой-то момент я понял, что мне нравится не только то, что она поддерживает мои идеи, но и то, что воспринимает их достаточно серьёзно, чтобы спорить со мной.

Телефон завибрировал на столе. На экране высветилось имя Алика. Я не собирался читать чужие сообщения, но уведомление было видно целиком: «Доброе утро, петербургская гостья. Надеюсь, ты не передумала насчёт экскурсии».

Эстер заметила, куда я посмотрел, и проследила за моим взглядом. Она взяла телефон, прочитала сообщение уже на своём экране и усмехнулась.

— Быстро он.

— Можешь не отвечать.

Она подняла глаза.

— Могу. А могу ответить. Я ещё не решила.

— Я ничего не говорю.

— Вот именно. У тебя очень выразительное молчание.

Она положила телефон экраном вниз и вернулась к куртке. Я попытался сделать то же самое с собственным вниманием, но не получилось. Через пару минут телефон снова завибрировал — теперь уже мой. Макс написал, что зайдёт после обеда, если я дома.

«Зачем?» — спросил я.

«Проверить, не подрался ли ты с Аликом окончательно. И заодно поговорить».

Я показал сообщение Эстер.

— Макс собирается к нам.

— Хорошо. Я его давно не видела. Он вчера так и не рассказал, что у него нового.

— Он никогда ничего не рассказывает, пока не спросишь.

— Тогда спрошу.

Мы продолжили разбирать вещи. Я почти забыл про Аликово сообщение, пока Эстер не взяла телефон и не ответила ему. Она не стала прятать экран, но и не показывала переписку специально. Просто написала: «От экскурсовода жду маршрут и программу. Я придирчивый турист». Алик ответил почти сразу: «Для тебя сделаю индивидуальную программу».

— Ну вот, — сказала Эстер, прочитав. — Теперь у меня есть экскурсовод.

— Поздравляю.

— Спасибо. Ты можешь не делать вид, что тебя это не задевает. Но постарайся хотя бы не устраивать ему проверку на прочность.

— Постараюсь.

— Уже прогресс.

Я не знал, что ещё сказать, поэтому взял блокнот и записал идею для куртки, которую она предложила утром. Впервые за долгое время мне хотелось не просто что-нибудь переделать, а закончить вещь так, чтобы её можно было показать другим.

***

Макс пришёл ближе к трём. Он позвонил в дверь, а когда я открыл, посмотрел на меня с преувеличенно серьёзным выражением лица.

— Проверка. Все зубы на месте?

— Пока да.

— Жаль. Я надеялся, что хотя бы один ты оставил на память о вчерашнем.

— Заходи уже.

Эстер выглянула из комнаты и поздоровалась с ним. Макс прошёл на кухню, поставил на стол пакет с соком и чем-то сладким, потом спросил, чем мы занимаемся. Эстер показала ему фотографии куртки и свои записи. Он посмотрел внимательнее, чем я ожидал.

— Ты реально решил этим заняться? — спросил он меня.

— Пока просто пробую.

— Ну и правильно. У тебя давно руки чешутся что-нибудь переделывать, только ты обычно никому не показываешь.

— Теперь показываю, — сказала Эстер. — И он даже начал записывать, что делает.

— Тогда я хочу зафиксировать этот исторический момент.

Макс достал телефон и сделал вид, что фотографирует блокнот.

— Убери, — сказал я.

— Поздно. Архив уже создан.

Эстер засмеялась и предложила Максу чай. Он согласился, но, когда она ушла на кухню за чашками, посмотрел на меня.

— Ну что, герой, поговорим?

— О чём?

— Не начинай. Ты вчера чуть не сцепился с Аликом из-за того, что он флиртовал с Эстер. Сегодня она переписывается с ним, а ты ходишь по квартире так, будто у тебя украли любимую вещь.

— Я не хожу так.

— Я тебя знаю.

Я сел на край кровати. Макс остался стоять возле стола, разглядывая одну из фотографий.

— Она ему отвечает, — сказал я.

— Имеет право.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Не знаю. Меня бесит, что он так быстро к ней подкатил.

Макс пожал плечами.

— Алик увидел симпатичную девушку, которая ему понравилась. Он флиртует. Не вижу преступления.

— Ты всегда на его стороне?

— Нет. Я на стороне здравого смысла, когда он случайно проходит мимо.

Я усмехнулся, но Макс не улыбнулся в ответ.

— Послушай, я вчера тебе уже сказал: не торопись с выбором. Только это не значит, что можно бесконечно ничего не решать и при этом ревновать всех ко всем. Если Эстер тебе нравится, попробуй сначала понять, что именно ты к ней чувствуешь. Не превращай это в соревнование с Аликом.

— А если он ей понравится?

— Тогда тебе придётся с этим смириться. Она не вещь, которую ты можешь забрать обратно, если кто-то другой посмотрел на неё первым.

— Спасибо, я понял.

— Не уверен. Но надеюсь.

Он сел рядом, и некоторое время мы молчали. Из кухни доносились голоса Эстер и мамы: они обсуждали, какие продукты стоит купить для нашей будущей затеи с одеждой. Макс прислушался и улыбнулся.

— Знаешь, мне нравится, что она приехала.

— Почему?

— Потому что ты с ней другой. Не лучше и не хуже — просто спокойнее. Ты можешь спорить с ней, злиться, говорить какую-нибудь ерунду и не проверять каждую секунду, как она это восприняла. С Дианой ты всё время как будто сдаёшь экзамен. С Майей ты вообще иногда ведёшь себя так, будто не замечаешь половины происходящего. А с Эстер ты просто Вилен.

Я посмотрел на него.

— Ты уже второй раз говоришь примерно одно и то же.

— Значит, пора запомнить.

— И ты считаешь, что мне надо быть с ней?

— Я считаю, что тебе стоит перестать искать ответ в том, кого из них выберет Алик, кто обидится и кто на тебя посмотрит. Ты сам должен понять. Но да, если спрашиваешь, с кем я тебя представляю рядом, то с Эстер мне проще. Не потому, что она идеальная. Просто вы друг друга знаете не по красивым историям, а по-настоящему.

Я хотел ответить, но Эстер вернулась с чашками, и разговор сам собой перешёл на другое. Она рассказала Максу о планах съездить в Петербург и показать мне несколько мест, связанных с дизайном и визуальным искусством. Макс поддержал идею, но спросил, не собирается ли она уже выбирать за меня университет.

— Я только показываю варианты, — сказала Эстер. — Решать ему.

— Вот и хорошо. А то он иногда соглашается на всё, если достаточно долго его уговаривать.

— Я заметила, — сказала она. — Но я учусь быть терпеливой.

— Удачи, — ответил Макс.

***

В тот же день я впервые заметил, что Симура ведёт себя иначе не только в компании. Это произошло вечером, когда я открыл общую беседу и увидел, что она почти не участвовала в переписке. Обычно она могла долго молчать, а потом внезапно написать что-нибудь точное и колкое, после чего разговор продолжался уже вокруг её фразы. Сегодня она только прочитала сообщения и поставила одну реакцию.

Я написал ей отдельно:

«Ты как? Вчера рано ушла».

Ответ пришёл минут через десять.

«Нормально. Устала».

«Что-то случилось?»

«Нет».

Я знал, что это не ответ, но не стал давить. Симура не любила, когда её пытались разговорить только потому, что кто-то заметил перемену настроения.

В это время в беседе появилось сообщение от Лины: она предложила всем собраться на следующий день. Алик тут же написал, что может привести «профессионального экскурсовода», и добавил смайлик. Эстер ответила, что сначала хочет увидеть программу, а потом уже решит, доверять ли ему маршрут. Несколько человек засмеялись.

Симура не отреагировала.

Я уже собирался убрать телефон, когда увидел, что она печатает. Три точки появлялись и исчезали несколько раз, будто она не могла решить, стоит ли вообще писать. В конце концов в беседе появилось короткое:

«Завтра не смогу».

Лина спросила, почему, но Симура не ответила.

Через несколько минут я увидел её статус ВКонтакте: «не беспокоить». Статус был обычным, ничего особенного, но почему-то я снова подумал, что с ней что-то происходит.

***

Симура сидела на подоконнике в своей комнате, поджав одну ногу, и смотрела на экран телефона. Она не включала музыку, хотя обычно в такие часы у неё что-нибудь играло фоном. На экране оставалась открыта переписка, которую она не хотела ни читать, ни удалять.

Сообщение пришло в 19:42.

«Ты сегодня была у набережной».

Ян.

Она не ответила. Сначала подумала, что это кто-то другой, что совпало имя или что сообщение вообще не ей. Потом увидела фотографию: вечерняя набережная, ограждение, силуэты людей вдалеке. Снимок был сделан из-за дороги, с такого расстояния, что невозможно было разобрать лица. Но Симура узнала место и поняла, что Ян действительно видел её.

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Новая компания?»

Она почувствовала, как пальцы сами собой сжались вокруг телефона. Ей хотелось написать что-нибудь резкое, спросить, зачем он следит за ней, потребовать объяснений. Вместо этого она положила телефон на колени и несколько раз глубоко вдохнула.

Ян умел начинать именно так. Не с угрозы, не с оскорбления, не с длинного сообщения, которое можно было бы показать кому-нибудь и сказать: посмотри, что он пишет. Он начинал с мелочи, с фразы, которую можно было принять за случайное наблюдение. Он оставлял ей возможность самой додумать остальное, а потом мог сказать, что она всё неправильно поняла.

Телефон снова завибрировал.

«Ты так и не ответила на мой вопрос».

Симура открыла поле ввода.

«Не твоё дело».

Она посмотрела на фразу, стёрла её и набрала снова:

«Мы больше не вместе. Не пиши мне».

На этот раз она отправила сообщение сразу, не перечитывая. Ответ появился почти мгновенно:

«Я помню».

Через несколько секунд пришло ещё одно:

«Ты сама решила, что теперь можешь делать вид, будто меня не знаешь».

Симура почувствовала знакомый холод под рёбрами. Она знала, что он не станет спорить о расставании прямо. Он будет говорить так, словно она нарушила какое-то обещание, словно именно она должна объясняться за то, что перестала отвечать на звонки и не хочет встречаться.

Она набрала:

«Я ничего тебе не должна».

Ответа не было почти минуту. Потом экран снова загорелся.

«Посмотрим».

Симура закрыла переписку. Она не заплакала и не бросила телефон в стену. Вместо этого встала, прошлась по комнате, открыла окно и вернулась к подоконнику. Ей хотелось позвонить кому-нибудь, но она не знала, кому именно. Лине? Та начнёт задавать вопросы. Майе? Майя и так была занята своими переживаниями. Вилена она не хотела втягивать — не сейчас, когда в компании и без того всё менялось.

Она открыла профиль Яна. Последняя запись была обычной фотографией с друзьями, под которой стояли комментарии знакомых. Ничего такого, что можно было бы предъявить.

Он выглядел совершенно нормальным парнем, которому просто нравится проводить время с компанией. Симура знала, как легко чужие люди поверят именно этой картинке.

Она закрыла страницу и открыла заметки. Там, среди старых списков и случайных фраз, была короткая запись, которую она сделала ещё в июне: «Не оставаться с ним наедине. Не отвечать, когда пишет ночью. Не соглашаться на разговор, если он начинает давить». Она смотрела на эти строки, пока буквы не перестали складываться в слова.

Потом добавила новую: «Сохранить сообщения».

Она сделала скриншоты переписки, отправила их себе в личные сообщения и выключила экран. Это было не поражение и не победа. Просто маленькое решение, которое она могла принять сама.

***

Я узнал о сообщениях Яна не в тот вечер. На следующий день Симура пришла на встречу позже остальных и вела себя почти как обычно. Она даже пошутила над Аликом, который снова пытался убедить Эстер, что знает Нижний лучше любого навигатора. Но когда её телефон завибрировал, она посмотрела на экран и тут же убрала его в карман.

Я заметил это. Не только я — кажется, Эстер тоже.

— Ты сегодня какая-то тихая, — сказала она Симуре, когда они на несколько минут остались рядом у киоска.

— Я всегда такая.

— Нет. Иногда ты просто молчишь, а иногда будто ждёшь, когда что-нибудь произойдёт.

Симура посмотрела на неё внимательно.

— Ты всех так быстро читаешь?

— Нет. Просто иногда люди сами очень громко молчат.

Симура усмехнулась, но улыбка вышла короткой.

— Не переживай. Это не из-за тебя.

— Я и не думала, что из-за меня.

— Хорошо.

На этом разговор закончился. Эстер не стала задавать следующий вопрос, а Симура не стала ничего объяснять. Но позже, когда мы шли всей компанией по улице, я заметил, что Эстер несколько раз смотрела на неё с задумчивым выражением.

Вечером Макс написал мне: «С Симурой всё нормально?»

Я ответил: «Не знаю. Похоже, нет».

«Тогда не лезь с расспросами. Если захочет — скажет».

Я согласился. Но, закрывая переписку, снова вспомнил тот короткий взгляд Симуры на телефон. Я пока не знал, что именно происходит, и не мог связать это с Яном. Для меня он оставался человеком из другой части нашей истории, тем, кто уже давно не появлялся рядом. Я не понимал, что иногда отсутствие человека не означает, что он исчез из чьей-то жизни.

А Эстер, кажется, уже начала догадываться, что в нашей компании есть вещи, о которых не говорят вслух.

Саундтрек главы

Подборка собрана из композиций, уже существовавших к лету 2017 года. Это эмоциональный плейлист главы, а не утверждение, что каждая песня звучит внутри конкретной сцены.

The Cure — Just Like Heaven (1987)

Вилен и Эстер: лёгкость старой близости, привычные поддразнивания и ощущение, что рядом снова свой человек.

The Cure — Pictures of You (1989)

Воспоминания о Москве, расстояние между Петербургом и Нижним, тоска по человеку, которого давно знаешь.

Depeche Mode — Enjoy the Silence (1990)

Невысказанные чувства Вилена и напряжение, которое он пока не умеет назвать.

The xx — Crystalised (2009)

Притяжение и неопределённость между Виленом и Эстер, когда оба чувствуют больше, чем говорят.

Земфира — Искала (2000)

Внутреннее смятение Дианы и Майи, каждая по-своему переживающих перемены.

Motorama — Alps (2010)

Летний Нижний, прогулка компании и немного отстранённая интонация подросткового вечера.

Placebo — Every You Every Me (1998)

Ревность Вилена, флирт Алика и нарастающее соперничество, которое никто не хочет признавать.

Radiohead — No Surprises (1997)

Тихая, тревожная линия Симуры: внешнее спокойствие, за которым скрывается усталость.

Сплин — Выхода нет (1998)

Финал главы: ощущение, что привычная жизнь меняется, а ответы пока не найдены.

Мумий Тролль — Владивосток 2000 (1997)

Летняя энергия, дружеская компания, город и настроение долгих каникул.

Глава 5. Пока не стемнело

Идея поехать на Щёлоковский хутор появилась накануне вечером в нашей беседе «лето, которого мы достойны». Лина написала, что в такую погоду глупо сидеть по домам, Баха предложил речку, а Алик прислал фотографию музейных домиков и объявил, что знает идеальное место для прогулки. Эстер попросила прислать маршрут, а не просто картинку, и вскоре мы уже договорились встретиться у остановки, откуда можно было уехать в сторону хутора. Макс обещал взять воду, Баха — еду, Лина отдельно предупредила, что опоздавших ждать не будет. Я написал «буду» и больше в обсуждение не вмешивался.

К назначенному времени все собрались, но автобус задерживался. Мы успели обсудить, кто забыл солнцезащитный крем, кому достанется место у окна и почему Алик считает себя ответственным за культурную программу. Теперь оставалось только дождаться транспорта.

— Если мы ещё пять минут будем стоять на этой остановке, я начну брать деньги за экскурсию, — объявил Алик.

Он сидел на низком бетонном ограждении, болтал ногой и выглядел так, будто именно он организовал нашу поездку, купил билеты и лично договорился с погодой. На самом деле мы ждали автобус уже почти двадцать минут, а единственным его вкладом в общее дело была пачка печенья, которую он успел открыть и наполовину съесть.

— За что именно ты собираешься брать деньги? — спросила Лина. — За возможность посмотреть на тебя в естественной среде обитания или за то, что мы добровольно согласились провести с тобой весь день?

— За терпение, конечно. Оно у меня дорогое, особенно когда приходится иметь дело с людьми, которые не умеют ценить талант.

— Тогда верни сдачу, — сказал Макс. — Мы уже почти двадцать минут терпим, а экскурсия даже не началась. По-моему, услуга оказана некачественно.

Баха засмеялся так громко, что несколько человек на остановке обернулись. Алик показал Максу средний палец, но без особой злости, и снова повернулся к Эстер.

— Вообще-то я хотел предложить тебе индивидуальную программу, — сказал Алик, повернувшись к Эстер. — Могу показать самые красивые места, провести по короткому маршруту и даже сделать вид, что всё это заранее спланировал.

— Ты же обещал всем экскурсию, — заметила она. — Или у нас уже началась продажа дополнительных услуг?

— Я многозадачный. Могу одновременно вести группу и уделять внимание самым интересным участникам.

— В прошлый раз ты не смог найти нужную улицу, — напомнила Эстер. — Не уверена, что готова доверить тебе ещё и маршрут.

— Это была проверка вашей внимательности. Я хотел убедиться, что вы не ходите за экскурсоводом с закрытыми глазами.

— Ты трижды спросил дорогу у одного и того же человека, — сказала Лина. — Причём каждый раз делал вид, что видишь его впервые.

— Он был очень общительный. Не мог же я лишать человека удовольствия поговорить.

Эстер рассмеялась. Алик явно добивался именно этого и, кажется, был вполне доволен результатом. Я стоял рядом, засунув руки в карманы, и делал вид, что рассматриваю расписание автобусов. Расписание было старое, половина цифр выцвела, а нужный нам маршрут опаздывал настолько, что уже не имело значения, что там написано.

Я понимал, что веду себя глупо. Более того, я уже слышал от Макса достаточно слов о том, что не стоит превращать всё в соревнование. Но одно дело — понимать это в теории, и

совсем другое — стоять в нескольких шагах от человека, который тебе нравится, и наблюдать, как другой парень заставляет её смеяться.

— Вилен, — позвала Эстер. — Иди сюда, посмотри.

Я подошёл.

На экране была фотография старого деревянного домика, который Эстер нашла в каком-то городском сообществе. Под снимком шло обсуждение маршрутов по Щёлоковскому хутору.

— Я подумала, можно сначала пройтись по музею, а потом спуститься к воде, — сказала она. — Если мы, конечно, не собираемся весь день лежать на траве.

— Некоторые из нас именно за этим и пришли, — отозвался Баха.

— Некоторые из вас вообще пришли за печеньем, — сказала Лина.

— И не вижу в этом ничего плохого.

— План хороший, — ответил я, стараясь смотреть на фотографию, а не на то, как близко стоял Алик.

— Вот! — Эстер повернулась к нему. — А ты говорил, что там нечего смотреть.

— Я говорил, что можно сначала искупаться.

— Ты говорил, что музей — это скучно.

— Я был неправ. Такое бывает.

— Запишите дату, — попросил Макс. — Историческое событие.

Автобус наконец показался за поворотом. Мы перестали спорить и придвинулись к краю остановки, сверяя номер маршрута. Лина первой поднялась по ступенькам, за ней Майя и Симура; Макс пропустил вперёд Баху, который умудрился одновременно удерживать пакет с едой и не задеть дверью чужую сумку. Алик занял место у окна и тут же заявил, что это капитанское кресло. Эстер села рядом с Линой, я устроился через проход, а Диана оказалась рядом со мной. Когда двери закрылись и автобус тронулся, остановка медленно поплыла назад за стеклом.

Симура вдруг сняла один наушник и посмотрела на него.

— Нет, это от усталости. Разница есть.

Все засмеялись. Даже Симура улыбнулась, хотя почти сразу снова отвернулась к окну. Её телефон лежал у неё на коленях экраном вниз. Когда автобус подпрыгнул на неровности, аппарат сдвинулся, и она машинально придержала его ладонью. Я заметил, как она проверила экран, хотя уведомления не было.

Эстер тоже это заметила. Она посмотрела на Симуру, потом на меня, словно хотела спросить, знаю ли я, что происходит сейчас. Я едва заметно пожал плечами. Я знал историю Симуры и Яна, но не собирался объяснять её за неё — тем более что сам не понимал, что именно происходило между ними в этот момент.

На Щёлоковском хуторе мы вышли все разом, и после тесного автобуса воздух показался прохладным, хотя солнце припекало по-летнему. От дороги тянуло нагретой пылью и смолой. Где-то за деревьями слышались голоса, смех и плеск воды.

— Так, — Алик хлопнул в ладони. — Собрание. Предлагаю разделиться.

— Нет, — сразу сказала Лина.

— Ты даже не выслушала.

— Я знаю тебя.

— Это предубеждение.

— Это опыт.

Алик сделал вид, что обиделся, но тут же продолжил:

— Можно пройти по музею небольшой группой, а остальные займут место у воды. Потом поменяемся.

— А можно просто идти всем вместе? — спросила Майя.

— Можно, но тогда мы будем двигаться со скоростью самого медленного человека.

— Я предлагаю оставить тебя, — сказала Симура. — Тогда скорость увеличится.

— Вот за что я люблю нашу компанию, — вздохнул Алик. — За поддержку.

Диана посмотрела на меня, словно собиралась что-то сказать, но передумала и отвернулась к остальным.

Я сделал вид, что не заметил.

Некоторое время мы шли молча.

Майя догнала Лину, а Диана осталась рядом со мной.

Она не торопилась догонять остальных.

— Ты сегодня опять всё время о чём-то думаешь, — сказала она негромко. — Но я не собираюсь спрашивать, о чём.

Я понял, что она говорит не только о сегодняшней прогулке.

— Диан, если ты хочешь что-то сказать...

— Не надо, — перебила она без раздражения. — Мы уже говорили об этом. Я не хочу каждый раз вытягивать из тебя ответы, а потом делать вид, что меня устраивает то, что ты говоришь.

— Я не знаю, что тебе сказать.

— Вот именно, — сказала она. — Когда поймёшь, чего сам хочешь, тогда и поговорим. А пока давай просто погуляем, хорошо?

Она произнесла это спокойно, без обиды, и пошла чуть быстрее, догоняя остальных. Я не стал её останавливать: впервые мне показалось, что она просит не объяснений, а немного пространства.

У музейных домиков Алик снова взял на себя роль экскурсовода. Он прочитал табличку вслух, перепутал одну фамилию, получил замечание от Лины и заявил, что историческая точность не должна мешать хорошему настроению. Эстер слушала его с улыбкой, но время от времени задавала вопросы, на которые он не знал ответа. Тогда она доставала телефон и находила информацию сама.

Я тоже улыбнулся, хотя внутри всё неприятно сжалось. Она не флиртовала с ним — по крайней мере, мне так казалось. Они просто шутили. Но Алик явно не собирался останавливаться, а я не мог решить, что раздражает меня сильнее: его настойчивость или то, что Эстер не пыталась её пресечь.

Когда мы вышли к поляне, Лина первой сбросила сумку на траву.

— Всё. Я объявляю привал. Кто хочет куда-то идти, пусть идёт без меня.

— Ты говорила это ещё на остановке, — заметил Макс.

— И с тех пор моё мнение только укрепилось.

Мы расположились в тени. Баха достал пакет с едой, Алик принялся раздавать печенье, а Майя предложила позже дойти до воды. Эстер села рядом с Линой и стала рассматривать фотографии, которые та сделала по дороге. Я устроился напротив, вытянув ноги и прислонившись спиной к дереву.

Я поймал себя на мысли, что именно этого мне не хватало: не разговоров о том, кто кому нравится, не попыток понять чужие взгляды, а обычного дня, в котором можно сидеть на траве и не думать о том, что будет дальше.

Телефон Симуры снова завибрировал.

На этот раз она не стала сразу убирать его. Посмотрела на экран, и улыбка исчезла с её лица. Она поднялась.

— Я сейчас, — сказала она.

— Куда? — спросила Лина.

— Позвонить. Я ненадолго, не ждите меня и не надо устраивать спасательную операцию.

Симура отошла за деревья, туда, где нас не было слышно. Я проводил её взглядом. Эстер тоже посмотрела вслед, но ничего не сказала.

— Может, пойдём к воде? — предложил Алик, будто ничего не заметил. — А то мы здесь корни пустим.

— Дай человеку спокойно поговорить, — ответила Эстер.

— Я и даю.

— Тогда не кричи на весь лес.

Алик поднял руки, сдаваясь. Макс посмотрел на меня, и в его взгляде я прочитал немой вопрос: собираюсь ли я опять вмешиваться. Я покачал головой.

Симура вернулась минут через пять. Она выглядела почти так же, как прежде, только телефон теперь держала в руке, крепко сжимая его пальцами.

— Всё нормально? — спросила Эстер.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Точно?

Симура посмотрела на неё. На секунду мне показалось, что она сейчас всё расскажет, но затем она убрала телефон в сумку.

— Просто бывший. Ничего интересного.

Она сказала это так, словно речь шла о случайном знакомом, который попросил вернуть книгу. Но после этих слов никто не стал шутить. Даже Алик замолчал.

Я не стал спрашивать, хотя и без объяснений понимал, о ком речь. После разговора с Симурой имя Яна уже не было для меня загадкой. Но одно дело — знать, что он снова появился в её жизни, и совсем другое — видеть, как она пытается скрыть от нас очередное сообщение.

Я знал, что Ян уже писал ей и что его сообщения не были безобидными. Но не знал, что именно он написал сейчас и почему Симура снова так напряжена. Она продолжала улыбаться и отвечать на шутки, однако телефон всё время оставался рядом, словно она ждала следующего сигнала.

И, возможно, именно поэтому мы так старательно делали вид, что всё по-прежнему.

Печенье закончилось быстрее, чем Баха успел объяснить, почему именно он купил его больше всех. Последнюю половину пачки Алик забрал себе, сославшись на то, что экскурсовод должен поддерживать силы, а Лина пообещала в следующий раз брать еду только под расписку. Мы ещё какое-то время сидели на поляне, лениво перебрасываясь замечаниями и решая, стоит ли идти к воде или лучше остаться в тени.

В конце концов Майя поднялась первой. Она стряхнула с джинсов травинки и посмотрела в сторону деревьев, за которыми начинался спуск.

— Я всё-таки хочу дойти до воды. Мы же не для того сюда ехали, чтобы посмотреть на три домика, съесть печенье и вернуться обратно. Если сейчас не пойдём, потом опять кто-нибудь скажет, что устал, кому-то станет жарко, а Алик предложит устроить ещё одну экскурсию по поляне.

— Я могу провести экскурсию по поляне, — немедленно отозвался Алик. — Здесь есть редкие виды растений, например, Лина в естественной среде обитания. Обычно она встречается с недовольным выражением лица и пакетом еды.

— А ты обычно встречаешься с завышенной самооценкой и отсутствием полезной информации, — сказала Лина, но всё же поднялась и стала отряхивать шорты.

Макс забрал у Бахи пустой пакет, чтобы выбросить его в урну, и мы двинулись по тропинке. Сначала она шла между деревьями, потом стала шире и вывела к небольшому открытому участку, откуда уже было слышно воду. Ветки почти не двигались, воздух стоял неподвижный, и солнце пробивалось сквозь листву отдельными яркими пятнами. На земле лежали сухие листья, хотя лето было в самом разгаре, а у корней деревьев попадались сосновые шишки.

Алик шёл впереди и время от времени оборачивался, проверяя, все ли за ним следуют. Делал он это с таким видом, будто действительно отвечал за нашу безопасность, хотя минуту назад чуть не свернул на тропинку, которая уходила в противоположную сторону.

— Ты уверен, что знаешь дорогу? — спросила Эстер.

— Конечно. Я просто проверяю, не отстаёт ли группа.

— Ты уже два раза спросил у Макса, туда ли мы идём.

— Это называется делегирование ответственности.

— Это называется не знать дорогу, — сказала Лина.

— Вы слишком много внимания уделяете деталям. Главное — уверенно двигаться вперёд.

— В прошлый раз ты так уверенно двигался вперёд, что мы оказались у закрытого магазина, — напомнил Макс.

— Зато теперь у нас есть история.

— У нас есть история о том, как мы сорок минут искали туалет, — уточнила Майя. — Не уверена, что это то воспоминание, которое хочется сохранить.

Эстер засмеялась и догнала Алика. Он что-то сказал ей вполголоса, и она ответила так же тихо. Я не расслышал слов, но увидел, как она улыбнулась. Вроде бы ничего особенного: люди разговаривали, шутили, шли по одной тропинке. Я повторил это про себя несколько раз, словно от повторения мог перестать замечать, что мне неприятно.

Макс поравнялся со мной и слегка толкнул плечом.

— Ты сейчас опять начнёшь делать вид, что рассматриваешь деревья?

— Я и рассматриваю.

— Конечно. Особенно то дерево, которое идёт рядом с Эстер и рассказывает ей что-то смешное.

— Макс, отстань.

— Я бы с удовольствием, но ты так явно страдаешь, что это уже мешает наслаждаться природой.

Я посмотрел на него, собираясь ответить, но он только усмехнулся и ускорил шаг. Иногда Макс раздражал меня именно тем, что замечал вещи, которые я сам старательно пытался не замечать.

У воды оказалось прохладнее. Между деревьями открывался небольшой берег, местами заросший травой. Несколько человек сидели поодаль, кто-то фотографировал реку, а чуть дальше дети бросали в воду плоские камешки. Мы остановились у края, и Баха сразу предложил устроить соревнование: кто дальше кинет камень.

— Только не кидай в людей, — предупредила Лина.

— Я вообще-то умею.

— В прошлый раз ты попал в собственный рюкзак.

— Он внезапно оказался на траектории.

— Рюкзак лежал на земле.

— Вот именно. Неожиданно.

Баха выбрал камень, прицелился и отправил его в воду. Тот сделал два коротких скачка и утонул. Макс справился лучше, Алик заявил, что его результат не засчитан из-за неправильного угла броска, а Майя неожиданно обошла всех. Она сама удивилась, когда камешек несколько раз подпрыгнул по поверхности.

— Я просто бросила, — сказала она, глядя на воду.

— Вот так и становятся чемпионами, — объявил Алик. — Без подготовки, без амбиций, без уважения к соперникам.

— Ты проиграл девочке, которая даже не собиралась участвовать, — напомнила Симура.

Она впервые за долгое время говорила с привычной насмешкой, и я обрадовался этому сильнее, чем следовало. Казалось, на несколько минут она действительно вернулась к нам — не просто стояла рядом, а участвовала в общем разговоре. Но телефон всё равно оставался у неё в руке. Она держала его экраном к ладони и время от времени поглядывала на него, будто ждала продолжения.

Эстер заметила это тоже. Когда остальные отошли чуть дальше, рассматривая берег, она задержалась рядом с Симурой.

— Ты не обязана рассказывать, если не хочешь, — услышал я её голос. — Просто мне кажется, что ты всё время ждёшь, когда он снова напишет.

Симура не ответила сразу. Она провела носком кеда по песку, оставив на нём короткую кривую линию.

— А если я скажу, что мне всё равно, ты поверишь?

— Нет, — спокойно сказала Эстер. — Но я не стану спорить. Ты сама лучше знаешь, что с этим делать.

— Вот именно. Я сама.

— Я не говорила обратного.

Симура посмотрела на неё, словно проверяя, не скрывается ли за спокойным тоном жалость или любопытство. Эстер выдержала её взгляд и не стала задавать следующий вопрос. Потом протянула ей бутылку воды, которую держала в руке.

— Будешь?

— Спасибо.

Я не слышал, что они говорили дальше. В какой-то момент Эстер улыбнулась, а Симура покачала головой и тоже усмехнулась. Это было короткое, почти незаметное сближение, но мне показалось важным, что Эстер не пыталась вытянуть из неё признание. Она просто осталась рядом.

— Ты так смотришь, будто увидел редкое природное явление, — произнёс Алик у меня за спиной.

Я обернулся. Он стоял с двумя камешками в руках и смотрел на меня с выражением человека, который давно всё понял и теперь собирается этим воспользоваться.

— Я смотрю на воду.

— Да-да. Сегодня все почему-то очень внимательно смотрят на воду, деревья и прочие вещи, которые случайно находятся рядом с Эстер.

— Тебе заняться нечем?

— Вообще-то я пытаюсь наладить дружеские отношения с потенциальным соперником.

— У тебя слишком богатое воображение.

— А у тебя слишком серьёзное лицо для человека, который приехал отдыхать.

Он сказал это без злобы, скорее с привычной лёгкостью, но мне всё равно захотелось ответить резче. Я уже открыл рот, когда с берега донёсся голос Лины. Она показывала на небо, где над деревьями быстро собиралась тёмная полоса облаков.

— Кажется, мы сейчас попадём под дождь, — сказала она. — И если кто-нибудь предложит переждать его здесь, я напомню, что у меня нет желания сушить волосы до вечера.

Сначала я не придал этому значения. Небо действительно потемнело, но дождь казался чем-то далёким и несерьёзным. Потом ветер резко прошёлся по верхушкам деревьев, поднял с земли сухую листву и принёс запах сырой земли. Где-то прогремело так, что Баха перестал улыбаться.

— Ладно, — сказал Макс. — Давайте вернёмся к домикам. Там хотя бы есть где укрыться.

— А если не успеем? — спросила Майя.

— Тогда будем мокрыми, — ответил Алик. — Иногда жизнь предлагает нам новые впечатления.

— Тебе бы только впечатления, — вздохнула Лина. — Пошли уже.

Мы двинулись обратно быстрее, чем шли к воде. Через несколько минут упали первые крупные капли. Они оставляли на пыльной тропинке тёмные пятна, а потом дождь пошёл сразу стеной — шумно, резко, словно кто-то перевернул над лесом огромное ведро. Баха прикрыл голову пакетом, Лина выругалась, Майя засмеялась, а Алик попытался убедить всех, что это часть его экскурсионной программы.

До ближайшей деревянной постройки мы добрались почти бегом. Это оказался небольшой навес у края музейной территории. Под крышей уже стояли несколько человек, поэтому нам пришлось тесниться, стараясь не задеть друг друга мокрыми плечами. Я стряхнул воду с волос и посмотрел по сторонам.

— Все здесь? — спросил Макс.

Лина пересчитала нас взглядом и нахмурилась.

— Эстер и Симура где?

Я обернулся к тропинке. Несколько секунд назад они шли позади нас, но в суматохе дождя я потерял их из виду.

— Они были рядом, — сказал я.

— Я видела, как Эстер остановилась у поворота, — вспомнила Майя. — Кажется, Симура что-то уронила.

— Отлично, — сказал Алик. — Теперь у нас две пропавшие участницы и один экскурсовод, который не предусмотрел дождь.

— Ты можешь хотя бы сейчас не шутить? — спросил Макс.

— Могу. Но это не поможет им найтись.

Я уже собирался выйти обратно под дождь, когда заметил две фигуры на тропинке. Эстер и Симура шли к навесу быстрым шагом, прикрывая головы сумками. Эстер что-то говорила, Симура отвечала, и обе смеялись. Когда они добежали до нас, Эстер убрала мокрые волосы с лица.

— Мы не потерялись, если что, — сказала она, заметив выражение Лининого лица. — Симура уронила телефон, пришлось возвращаться.

— Я не уронила, он просто выскользнул, — возразила Симура. — И вообще, если бы кое-кто не предложил идти короткой дорогой, мы бы уже давно были здесь.

— Я предложила короткую дорогу, потому что ты сказала, что знаешь, куда идти.

— Я сказала, что примерно помню.

— Вот именно. Слово «примерно» надо было выделить жирным.

— Девочки, — вмешался Баха, — вы можете продолжить спор, когда перестанете капать на меня? У меня уже в кедах отдельный климат.

Мы рассмеялись. Напряжение, которое на секунду возникло из-за их отсутствия, рассеялось, и все снова заговорили одновременно. Лина пыталась выжать воду из рукава, Алик рассказывал, что дождь сделал нашу поездку «по-настоящему запоминающейся», а Макс проверял, не промок ли пакет с оставшейся едой.

Я стоял рядом с Эстер. Она промокла сильнее остальных: волосы прилипли к щекам, на плечах футболки темнели пятна, а на запястье блестела капля воды. Я протянул ей свою кофту, которую до этого нёс завязанной на поясе.

— Возьми, пока не замёрзла.

— А ты?

— Я нормально.

— Вилен, ты тоже весь мокрый.

— Зато я выше и сохну быстрее.

Она посмотрела на меня так, словно собиралась возразить, но всё-таки взяла кофту.

— Спасибо. Только не говори потом, что я её испортила.

— Если ты испортишь её дождём, я выставлю тебе счёт.

— Запиши на мой счёт ещё одну экскурсию Алика. Кажется, я уже достаточно заплатила за сегодняшнюю.

— Я всё слышу! — крикнул Алик с другого конца навеса.

— На это и расчёт, — ответила Эстер.

Она улыбнулась мне, и на несколько секунд всё снова стало простым. Я даже успел забыть, что до этого ревновал её к Алику, что Диана почти не разговаривала со мной и что у Симуры явно происходило что-то серьёзное. Но телефон в руках Симуры снова завибрировал.

Она посмотрела на экран и перестала улыбаться.

На этот раз я оказался достаточно близко, чтобы увидеть имя отправителя: Ян Фогель. Никакого удивления — только неприятное подтверждение того, что я и так знал. Симура уже рассказывала мне о нём, о том, что между ними произошло, и о том, что он снова начал писать. Но одно дело — слышать эту историю от неё, и совсем другое — видеть, как одно его имя заставляет её замолчать посреди обычного разговора.

Она быстро заблокировала экран и подняла глаза. Наши взгляды встретились. В её лице не было испуга — скорее злость на то, что я успел заметить.

— Ты что-то хотел? — спросила она.

Я покачал головой.

— Нет. Просто увидел, кто написал.

Симура на секунду сжала телефон сильнее.

— Тогда забудь.

Слова «просто бывший» прозвучали так, будто она надеялась, что если назвать его обыденно, он перестанет занимать столько места в её жизни. Я уже знал, кем Ян был для неё и что он сделал, но не знал, насколько далеко зашло его возвращение. И не понимал, почему Симура до сих пор вынуждена встречать его имя так, словно это предупреждение.

Дождь продолжал барабанить по крыше. Алик рассказывал какую-то историю, Баха спорил с Линой, Эстер поправляла на плечах мою кофту, а Симура стояла чуть в стороне и смотрела на экран выключенного телефона.

Я хотел спросить, что именно Ян написал и почему Симуре приходится справляться с этим одной. Но, глядя на её лицо, понял: сейчас она не собирается ничего объяснять. Если она захочет рассказать больше, то сделает это сама. А мне оставалось не превращать своё беспокойство в допрос.

И, кажется, этот день перестал быть просто прогулкой.

Дождь закончился так же внезапно, как начался. Ещё минуту назад вода шумела по крыше навеса, стекала с краёв плотными струями и превращала тропинку в тёмную размытую полосу, а теперь остались только редкие капли, которые срывались с листьев за шиворот тем, кто стоял ближе к краю. Воздух стал прохладнее, пахло мокрой землёй и хвоей. Лина первой выглянула наружу и с сомнением посмотрела на небо.

— Ну что, великий экскурсовод, — сказала она, повернувшись к Алику, — у тебя есть план, как доставить нас обратно к цивилизации, желательно без повторного купания?

— Во-первых, мы и так находимся в цивилизации. Во-вторых, дождь — это бесплатная услуга от администрации парка. В-третьих, я считаю, что после такого приключения вы должны быть мне благодарны.

— За что именно? — спросил Макс. — За то, что мы промокли?

— За то, что вам есть что вспомнить.

— Я запомню, что в следующий раз надо ехать без тебя, — сказала Лина.

— Вот видишь, уже планируешь следующую поездку. Значит, всё прошло успешно.

Баха рассмеялся и поправил мокрый капюшон. Мы начали выбираться из-под навеса, стараясь не наступать в лужи, хотя после нескольких минут под дождём это уже не имело осо-

бого смысла. На тропинке блестели листья, а с веток то и дело падали крупные капли. Эстер всё ещё была в моей кофте. Рукава оказались ей длинноваты, и она несколько раз закатала их, чтобы не намочить ладони.

Я хотел сказать, что она может оставить её себе до вечера, но почему-то решил, что это прозвучит слишком заботливо. Вместо этого спросил, не холодно ли ей.

— Нет, — ответила она. — Даже удивительно. После дождя здесь гораздо приятнее, чем было до него. Хотя я всё равно не понимаю, почему вы решили, что прогулка обязательно должна включать в себя стихийное бедствие.

— Это была дополнительная программа, — сказал я. — Алик обещал незабываемые впечатления.

— Тогда передай ему, что впечатления получены. Повторять не нужно.

Мы шли чуть позади остальных. Впереди Алик снова что-то рассказывал, размахивая руками, а Лина время от времени вставляла замечания. Макс с Бахой обсуждали, успеет ли высохнуть обувь до завтра. Симура шла рядом с Майей, почти не участвуя в разговоре. Телефон она убрала в карман, но я заметил, что ладонь всё равно время от времени касается ткани, будто она проверяет, на месте ли он.

Я давно знал Яна по компании. Помнил, как он появлялся в разговорах, как за несколько минут мог стать их центром и как умел обратить любую неловкость в шутку. Раньше я воспринимал это как часть его характера — неприятную, но не особенно опасную привычку. После разговора с Симурой всё выглядело иначе: за той же лёгкостью могло скрываться умение заставить другого человека сомневаться в собственных словах и чувствах.

Теперь я замечал то, чего раньше не видел: Симура не просто раздражалась, когда на экране появлялось его имя. Она словно заранее готовилась к тому, что последует за сообщением, даже если ещё не открыла его.

— Ты опять задумался, — сказала Эстер.

— Просто устал.

— Ты весь день так говоришь, когда не хочешь отвечать.

— А ты весь день задаёшь вопросы, на которые я не хочу отвечать.

Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Значит, мы оба сегодня последовательны.

Я тоже улыбнулся, хотя мысли от этого не стали яснее. Эстер не стала продолжать разговор. Она умела иногда вовремя остановиться, и именно поэтому рядом с ней было легко. Не нужно было каждый раз придумывать объяснение своему молчанию.

Когда мы вышли к более широкой дорожке, Макс поравнялся со мной и кивнул в сторону остальных.

— Пойдём немного впереди? А то я уже устал слушать, как Алик объясняет, что дождь был частью его плана.

Мы обогнали компанию на несколько шагов. Некоторое время шли молча, обходя лужи.

— Ты опять думаешь о Яне? — спросил Макс.

Я посмотрел на него. Не было смысла делать вид, что речь о чём-то другом.

— Он продолжает ей писать, хотя она уже сказала ему, что не хочет с ним общаться.

— Ты видел, что он написал?

— Нет. Только имя на экране и её реакцию. Но после всего, что она мне рассказала, мне не нравится, что он опять появляется так, будто ничего не произошло.

Макс некоторое время молчал, обходя большую лужу.

— Мы уже видели, что он может написать и тебе. Не забывай об этом. Он явно хочет, чтобы ты замечал его сообщения и думал о нём. Может, ему нужна реакция, может, он пытается надавить на Симуру через тебя. Но мы не знаем наверняка.

— А если он следит за ней?

— Тогда тем более не надо действовать сгоряча. Мы уже говорили: сохраняй сообщения, не отвечай ему и не пытайся устраивать с ним личные разборки. И главное — не решай за Симуру, что ей делать. Если ей понадобится помощь, она должна знать, что может к нам обратиться.

Мне не понравилось, насколько спокойно он это сказал, но я понимал, что Макс прав. Мне хотелось немедленно сделать хоть что-нибудь, чтобы Ян перестал появляться в её телефоне, однако никакого простого решения не существовало.

— Я не собираюсь за неё решать, — сказал я. — Просто не хочу, чтобы он продолжал ей портить жизнь.

— Это понятно. Но поддержать человека и начать распоряжаться его жизнью — разные вещи. Не перепутай.

Я кивнул. Макс хлопнул меня по плечу и прибавил шаг, оставив мне возможность самому переварить сказанное.

Некоторое время мы шли молча. Впереди Алик снова что-то рассказывал Эстер, и её смех доносился до нас сквозь шум дождевой воды, стекавшей с деревьев. Я поймал себя на том, что одновременно думаю о двух совершенно разных вещах: о том, как легко Эстер смеётся рядом с Аликом, и о том, что Ян, похоже, не собирается оставлять Симуру в покое.

Макс не стал возвращаться к разговору. Наверное, он понимал, что мне нужно самому решить, как вести себя дальше, и что ещё один совет сейчас ничего не изменит.

После этого мы больше не возвращались к разговору. Я старался не превращать тревогу в злость, которую потом сорву на ком-нибудь из своих.

До остановки мы добрались без новых приключений. Дождь почти закончился, но с деревьев всё ещё капало, а на дороге блестели лужи. На остановке было несколько человек; мы заняли свободное место под козырьком и снова сбились в шумную компанию. Баха пытался выяснить, у кого остались сухие салфетки, Лина убеждала Майю, что фотографии после дождя получились лучше, чем до него, а Алик уже строил планы на следующую вылазку.

— Только в следующий раз, — сказала Эстер, — маршрут утверждаем заранее. И желательно, чтобы у нас был человек, который действительно знает, куда идти.

— Я чувствую, что меня здесь недооценивают, — ответил Алик. — Между прочим, я довёл вас до воды.

— А обратно нас довёл дождь, — заметила Лина.

— Значит, мы работаем в команде с природой.

— Природа явно не в курсе, — сказал Макс.

Эстер засмеялась и повернулась ко мне:

— Ты поедешь с нами в следующий раз?

— Если будет нормальный маршрут.

— То есть если Алик не будет главным?

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Это не всегда преимущество, — сказала она, и в её голосе прозвучала такая знакомая интонация, что я на секунду забыл про всё остальное.

Автобус появился из-за поворота, и разговоры сменились привычной суматохой. Все потянулись к дверям, проверяя карманы и сумки. В салоне оказалось не слишком много людей. Мы разместились в задней части: Баха с Максом заняли места у окна, Лина с Майей сели впереди, Алик остался стоять рядом с поручнем и продолжил рассказывать, как однажды проехал свою остановку и оказался в совершенно незнакомом районе.

— Ты можешь хотя бы одну историю рассказать так, чтобы в ней не было твоей ошибки? — спросила Лина.

— Могу, но тогда это будет не моя история.

Эстер села рядом со мной. Она сняла кофту и сложила её на коленях.

— Держи. А то я так и уеду в твоей одежде.

— Можешь вернуть в следующий раз.

— А если следующего раза не будет?

— Тогда придётся оставить себе.

— Какая щедрость.

Она протянула кофту, но я не сразу забрал её. На ткани остался запах её шампуня, смешанный с влажным воздухом после дождя. Это была совершенно обычная вещь, и всё же мне почему-то не хотелось складывать её обратно в сумку.

— Оставь пока, — сказал я. — В автобусе прохладно.

— Ты всегда находишь причину.

— А ты всегда споришь.

— Потому что ты иногда говоришь глупости с таким уверенным видом, что хочется проверить, заметишь ли ты сам.

Я усмехнулся и всё-таки забрал кофту. Эстер отвернулась к окну. За стеклом проплывали мокрые деревья, редкие прохожие, остановки и дома. На стекле дрожали капли, оставшиеся после дождя, и город казался чуть размытым, словно его кто-то не успел дорисовать.

Через несколько остановок Диана пересела ближе к нам. Она устроилась у прохода, придерживая сумку на коленях, и спросила, не замёрз ли я после дождя. Я ответил, что нет. Некоторое время мы ехали молча, слушая, как Алик спорит с Линой впереди.

— Я не собираюсь больше спрашивать тебя про Эстер, — сказала Диана наконец, не поворачиваясь ко мне. — Думаю, ты и сам понимаешь, что происходит.

Я повернулся к Диане.

— Диан...

— Нет, дай мне договорить. Я не хочу быть человеком, который постоянно напоминает о себе и требует объяснений. Мне самой это не нравится.

— Я не хотел, чтобы так получилось.

Она поправила ремешок сумки и наконец посмотрела на меня.

— Я знаю. Но от этого мне не легче. И не надо сейчас ничего обещать, Вилен. Просто будь честен хотя бы с собой.

Я почувствовал, что любое объяснение сейчас будет звучать как попытка удержать её рядом, не предлагая ничего взамен.

— Я постараюсь, — сказал я.

— Не обещай то, чего сам пока не знаешь, — ответила она.

Она снова отвернулась к окну. Я хотел что-то добавить, но понял, что сейчас лучше не продолжать.

Эстер тоже замолчала. Я понял, что Диана не ждёт от меня немедленного решения. Она просто впервые перестала просить меня его принять.

Когда автобус остановился у нашей пересадки, часть компании вышла. Мы попрощались с Бахой и Майей, договорились списаться вечером и остались на остановке впятером: я, Макс, Эстер, Диана и Симура. Алик уехал раньше, потому что ему нужно было домой. Симура почти сразу отошла к краю остановки, проверяя телефон.

Я заметил, как она нахмурилась, прочитав сообщение. Потом быстро убрала телефон в карман и повернулась к нам.

— Я поеду дальше одна, — сказала она. — Мне в другую сторону.

— Тебя проводить? — спросила Эстер.

— Не надо. Тут недалеко.

— Ты уверена?

Симура посмотрела на неё, и в её взгляде на мгновение появилось раздражение, но оно быстро сменилось чем-то более мягким.

— Да. Правда. Спасибо за сегодня.

Она попрощалась со всеми и пошла к другой остановке. Я проводил её взглядом. Мне хотелось спросить, написал ли ей снова Ян, но я вспомнил слова Макса и промолчал.

— Ты ведь хочешь её спросить, — тихо сказал Макс, когда мы остались чуть в стороне.

— Да.

— Тогда не спрашивай, пока она сама не захочет говорить.

— Ты сегодня решил стать моим совестливым взрослым?

— Кто-то же должен. У тебя с этим явно временные проблемы.

Я улыбнулся. Эстер стояла рядом и слушала наш разговор, но не вмешивалась. Диана отошла чуть дальше, набирая кому-то сообщение. На остановке снова стало тихо, если не считать машин на дороге и редких голосов прохожих.

— Я пойду, — сказала Эстер. — Мне ещё надо разобрать вещи.

— Напиши, когда доедешь, — вырвалось у меня.

Она посмотрела на меня с улыбкой.

— Хорошо. Но только если ты тоже напишешь, что добрался.

— Договорились.

Она попрощалась с Максом и Дианой и пошла к переходу. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за потоком людей. Потом повернулся к Максу, но тот уже делал вид, что очень занят изучением расписания.

— Даже не начинай, — сказал я.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо такое, будто ты сейчас скажешь.

— Я просто рад, что ты наконец научился просить человека написать, когда он доедет, а не делать вид, что тебе всё равно.

Я толкнул его плечом. Он рассмеялся, и мы пошли к следующей остановке.

Вечером общая беседа ожила фотографиями. Лина выложила несколько снимков, на одном из которых Баха стоял с пакетом на голове, а Алик изображал человека, который лично открыл Щёлоковский хутор для туристов. Майя отправила фотографию воды после дождя. Эстер добавила снимок, где мы все стояли под навесом, тесно прижавшись друг к другу. Я долго рассматривал его, пытаясь понять, в какой момент она успела сделать кадр.

На фотографии Симура стояла с краю. Она улыбалась, но телефон держала в руке. Я увеличил снимок, потом закрыл его. Не хотел превращаться в человека, который ищет чужие тревоги даже на фотографиях.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло не в общую беседу, а от Эстер.

«Кофта у меня всё-таки осталась. Можешь считать, что теперь у тебя есть повод увидеться со мной ещё раз».

Я перечитал сообщение дважды, прежде чем ответить. Написал, что повод был и без кофты, но стёр. Потом написал что-то про то, что она может вернуть её на следующей прогулке. Это показалось безопаснее.

Почти сразу после этого в общей беседе появилось новое сообщение от Симуры. Она написала, что фотографии хорошие, и поставила несколько смайликов. Вслед за этим телефон снова завибрировал — уже у неё, судя по тому, как быстро исчезла отметка «печатает».

Телефон завибрировал. На экране высветился незнакомый номер — тот самый, с которого мне уже писали раньше.

«Я предупреждал. Не лезь к ней».

Я перечитал сообщение один раз. Номер был прежним, и теперь уже не оставалось сомнений, что это продолжение того же разговора, который Ян начал со мной раньше. Он не про-

сто знал, что мы были с Симурой. Он хотел, чтобы я понял: он следит за тем, что происходит вокруг неё, и считает возможным указывать мне, как себя вести.

Я не стал отвечать. Сделал скриншот и отправил его Максу.

Он прочитал почти сразу.

«Опять он?»

«Тот же номер».

Ответ пришёл через несколько секунд:

«Сохрани. Не отвечай. Завтра спокойно обсудим, что делать дальше».

Я убрал телефон, но легче не стало. Ещё после того первого сообщения мне казалось, что Ян пытается заставить нас оглядываться по сторонам и ждать следующего сигнала. Теперь стало ясно, что он не собирается останавливаться и готов обращаться ко мне напрямую, если считает, что я слишком близко к Симуре.

За окном темнело. В общей беседе продолжали появляться фотографии, шутки и планы на следующую неделю. Кто-то обсуждал, куда пойти в выходные, Алик уже предлагал новый маршрут, а Лина требовала сначала прислать карту. Всё выглядело так, будто день закончился самым обычным образом.

Только теперь обычные сообщения в телефоне казались частью чего-то другого. Пока остальные выбирали фотографии для ВК и спорили о следующей прогулке, я пытался понять, почему Ян решил, что имеет право вмешиваться в жизнь Симуры — и почему считает, что я должен ему подчиниться.

Я не собирался подчиняться. Но и делать вид, что ничего не происходит, больше не получалось.

Глава 6. Чужие следы.

К обеду сообщение Фогеля успело надоесть мне настолько, что я проверил его ещё раз. Не потому, что надеялся обнаружить там что-нибудь новое. Просто открывал переписку, смотрел на несколько слов, которые уже знал наизусть, и снова блокировал телефон. Будто от этого зависело, насколько серьёзно я должен воспринимать угрозу.

«Я предупреждал. Не лезь к ней».

Самое неприятное заключалось даже не в том, что Фогель написал. Он и раньше умел появляться в самый неподходящий момент — сначала в школе, потом возле дома Репы, теперь вот в телефоне. Меня раздражало другое: он будто заранее знал, как я отреагирую. Напишет — и я буду думать. Покажет, что следит, — и я начну вспоминать, кто видел нас вчера, кто фотографировал, кто мог рассказать ему о наших планах.

Телефон завибрировал.

Макс: Ты дома?

Я ответил, что да.

Макс: Тогда собирайся. Через час у Артурика.

Артурик. Я знал, о ком он. Видел его несколько раз на тусовках у Репы: невысокий парень с аккуратной внешностью, который обычно держался чуть в стороне от общего шума. Не то чтобы он был замкнутым или нелюдимым. Скорее, у него всегда находилось занятие интереснее, чем спорить с Аликом о музыке или слушать, как Баха в очередной раз рассказывает одну и ту же историю. Иногда он сидел с телефоном, иногда разговаривал с Репой, иногда исчезал раньше остальных.

На последней вписке его не было. Репа тогда сказал, что Артурик опять в Японии. Я почему-то запомнил эту подробность.

Я: А он вообще в курсе, зачем мы придём?

Макс: В курсе. Я ему объяснил.

Я: И он согласился?

Макс: Вилен, я не похищаю людей ради компьютерной помощи. Он сам сказал приходить.

Я усмехнулся и убрал телефон в карман.

Внизу на кухне мама раскладывала по тарелкам нарезанные помидоры. Увидев меня, она подняла глаза от разделочной доски.

— Ты сегодня куда-то собираешься? Я слышала, как телефон у тебя с утра не замолкал. — К Максу. Потом, может, ещё к одному знакомому. — К какому знакомому? — Его зовут Артур. Он Репин приятель. Ну, ты его не знаешь.

Мама кивнула, но по выражению лица было понятно, что ответ её не совсем удовлетворил.

— А домой во сколько? — Не знаю. Постараюсь не поздно. — Вилен, я не прошу расписать мне маршрут на весь день. Просто предупреждай, если планы меняются. И телефон заряжай, пожалуйста. В прошлый раз ты пришёл с одним процентом и уверял, что это совершенно нормально. — Он не выключился же. — Это не аргумент.

Я взял со стола кусок хлеба и, пока мама не успела предложить мне поесть нормально, направился к выходу. Уже в коридоре она окликнула меня: — И куртку возьми. На улице ветер. — Мам, лето вообще-то. — А простудиться летом, по-твоему, нельзя?

Я всё-таки вернулся за курткой. Спорить с ней по этому поводу было бесполезно.

Макс ждал возле остановки, прислонившись плечом к рекламному щиту. В одной руке у него был телефон, в другой — пластиковая бутылка воды. Увидев меня, он убрал телефон в карман и оглядел с таким видом, будто проверял, не забыл ли я по дороге собственную голову.

— Долго. — Я вышел вовремя. — Я тоже. Просто ты вышел вовремя, а я пришёл раньше. Это разные вещи. — Ты мог бы хотя бы раз в жизни не приходить за двадцать минут до назначенного времени. — Мог бы, — согласился Макс. — Но тогда пришлось бы стоять здесь и ждать тебя, а я не хочу портить себе характер.

Мы пошли к остановке. Я достал телефон и открыл сохранённый скриншот.

— Я всё-таки думаю, что это тот же человек. Номер совпадает. И сообщение по смыслу такое же, как тогда, когда он прислал фотографию. — Я тоже думаю, что номер тот же. Но это ещё не доказывает, что он сам сидит с этим телефоном. Может, номер у него давно, может, он кому-то его дал. Может, вообще хочет, чтобы мы решили, будто он постоянно рядом. — А смысл?

Макс пожал плечами. — Напугать. Заставить тебя дёргаться. Чтобы ты начал оглядываться на каждом углу и сам себе придумал, что он знает всё. Иногда человеку даже не нужно действительно за тобой следить, если ты уже поверил, что за тобой следят.

Я посмотрел на него. — Ты сейчас звучишь как какой-нибудь психолог из передачи по телевизору. — Спасибо. Я старался. — Нет, серьёзно. — Я серьёзно и говорю. Мы знаем, что он отправлял фотографию. Знаем, что он написал тебе вчера. Знаем, что он контактировал с Симурой. Но мы пока не знаем, откуда у него информация и что именно он хочет получить. Поэтому сначала разбираемся с тем, что у нас есть, а не придумываем ему сверхспособности.

Автобус подъехал с таким скрипом, будто тоже не особенно хотел работать в этот день. Мы зашли, устроились ближе к задней площадке. Макс держался за поручень и продолжал говорить, уже тише:

— И ещё. Я не хочу, чтобы ты сегодня начал рассказывать Артурику всё подряд, будто он наш следователь. Он вообще-то не обязан этим заниматься. — Я и не собирался. — Ты иногда так смотришь на людей, будто они уже согласились тебе помочь, просто ещё не знают об этом. — Это неправда. — Вчера ты так смотрел на Симуру.

Я отвернулся к окну. — С ней другое. — Конечно, другое. Только не забывай, что она сама решает, что рассказывать и кому. Мы можем помочь, если она попросит. Но устраивать расследование за её спиной я бы не стал.

Я ничего не ответил. Слова Макса мне не понравились, хотя спорить с ними было особенно не о чем.

Через несколько остановок мы вышли и свернули во двор. Я бывал здесь раньше, но к дому Артурика никогда не заходил. Макс шёл уверенно, иногда поглядывая на экран телефона, сверяясь с сообщениями.

— Ты давно его знаешь? — спросил я. — Не то чтобы давно. Мы с ним пересекались через Репу. Пару раз нормально разговаривали. Он мне однажды помог с ноутбуком, когда тот решил умереть в самый неподходящий момент. — И ты решил, что он теперь специалист по всем преступлениям Нижегородской области? — Я решил, что он разбирается в компьютерах лучше нас с тобой. Это уже неплохое начало. — А сам он какой?

Макс задумался. — Артурик? Нормальный. Только ты не жди, что он будет с тобой сразу общаться так, будто вы вместе в детский сад ходили. Он вообще не из тех, кто быстро подпускает людей. — Ты сейчас описываешь половину нашей компании. — Нет. Половина нашей компании быстро подпускает людей, а потом жалеет об этом.

Я рассмеялся.

У подъезда Макс набрал сообщение. Почти сразу дверь открылась.

На пороге стоял Артурик. Вблизи он оказался примерно таким, каким я его запомнил: невысокий, компактный, с аккуратными чертами лица и внимательным взглядом. На нём был чёрный свободный свитер, из-под которого выглядывал удлинённый низ белой рубашки, узкие чёрные брюки и массивные белые кроссовки. Через плечо висела белая сумка DESIRES. Вся

одежда выглядела продуманной, но без ощущения, что он слишком долго собирался перед зеркалом.

— О, явились, — сказал он Максу. — Я уже думал, вы там по дороге решили создать собственную следственную группу и забыли, куда шли. — Мы обсуждали, насколько ты гостеприимный, — ответил Макс. — И к какому выводу пришли? — Что ты мог бы хотя бы предложить чай. — Чай у нас есть. Гостеприимство — по предварительной записи.

Он перевёл взгляд на меня. — Вилен, да? Мы вроде виделись у Репы. — Да. Привет. — Привет. Проходите, только обувь снимайте. Папа дома, а он не любит, когда по коридору ходят в уличной обуви.

Мы разулись и прошли внутрь. Из комнаты доносился негромкий голос мужчины. Артурик обернулся на звук и ответил по-японски:

— #### *(Сейчас пришли друзья.)*

Он сказал это совершенно буднично, на ходу поправляя ремень сумки. Из комнаты ему ответили:

— # *(Понятно. Передай им привет.)*

— *(Ага, понял.)*

Я не знал японского настолько хорошо, чтобы разобрать всё слово в слово, но отдельные фразы узнал. Артурик говорил на нём легко, без пауз, совсем иначе, чем общался с нами. В его голосе появилась какая-то привычная мягкость, будто он переключился на язык, на котором ему не приходилось подбирать выражения.

— Отец? — спросил Макс, снимая куртку. — Ага. Он сегодня раньше вернулся из университета. Сейчас работает дома, поэтому постарайтесь не орать, как на репинской кухне. — Мы никогда не орали, — возмутился Макс.

Артурик посмотрел на него с нескрываемым сомнением. — Конечно. Это просто у вас голоса такие, будто вы постоянно перекрикиваете поезд.

Из комнаты вышел мужчина. Он был выше Артурика, в домашней рубашке с закатанными рукавами. Увидев нас, улыбнулся и произнёс: — Здравствуйте. Проходите, мальчики. Артур, ты предупредил, что гости будут? — Предупредил, пап. Это Макс, а это Вилен. Они ненадолго. — — мужчина чуть наклонил голову. — Рад познакомиться.

Артурик перевёл взгляд на нас: — Он говорит, что рад познакомиться. Можете не пугаться, экзамена по японскому не будет. — Жаль, — сказал Макс. — Я как раз подготовился. — Ты даже к русскому не подготовился.

Отец улыбнулся, что-то спросил у сына по-японски: — ##### *(Вы оба будете чай?)* — # *(Да, пожалуйста.)*

Артурик повернулся к нам: — Чай будете? Папа спрашивает. — Будем, — ответил Макс. — Спасибо. — Тогда идите в комнату. Я сейчас принесу.

Отец ещё раз кивнул нам и вернулся к себе. Артурик проводил его взглядом, после чего забрал у Макса бутылку воды, которую тот зачем-то продолжал держать в руке, и поставил на тумбочку.

— Только не трогайте ничего на столе, ладно? Там половина вещей лежит в порядке, который понятен только мне. Если вы что-нибудь передвинете, я потом буду искать это до следующего лета. — А если мы уже передвинули? — спросил Макс. — Тогда я вас обоих запомню.

Мы прошли в его комнату. Она совсем не походила на то, что я представлял себе по рассказам о компьютерных увлечениях. Да, здесь действительно было много техники: монитор, системный блок, клавиатура, несколько проводов, разобранная мышь и какие-то детали, разложенные по небольшим коробкам. На столе стояли кружка с остывшим чаем и две тетради, одна из которых была исписана мелкими символами. Но рядом с компьютером лежали книги,

на полке стояли фотографии, а у стены — аккуратно сложенная одежда и небольшая дорожная сумка.

На одной из фотографий Артурик был заметно младше, стоял рядом с женщиной с тёмными волосами. Они улыбались на фоне улицы, которую я не мог узнать.

— Это Япония? — спросил я, заметив, что задержал взгляд. Артурик посмотрел на фотографию. — Да. Мама. — Она там живёт? — Угу. Мика. Она сейчас в Японии, а папа здесь. Поэтому у нас иногда получается такая семейная география: один человек в Нижнем, второй на другом конце света, а я пытаюсь успеть между ними.

Он произнёс это легко, почти шутливо, но фотографию всё-таки поправил, чтобы она стояла ровнее.

— Ты часто туда ездишь? — спросил Макс. — На каникулах стараюсь. Иногда мама прилетает сюда, иногда мы с папой к ней. В этом году я был там совсем недавно. Поэтому на прошлой тусовке у Репы меня и не было. — А мы думали, ты просто нас не любишь, — сказал Макс. — Я вас не люблю независимо от страны проживания, — ответил Артурик. — Но иногда готов терпеть.

Макс плюхнулся на свободный стул. — Вот теперь я чувствую себя как дома.

Я снова посмотрел на фотографию. Артурик заметил это, но ничего не сказал. Вместо этого подошёл к столу, убрал с него несколько деталей и освободил место. — Ладно. Показывайте, что там у вас случилось. Только сразу предупреждаю: если вы пришли с просьбой найти человека по номеру телефона за пять минут, я вас разочарую. — Мы пока не просим невозможного, — сказал Макс. — Отлично. Тогда у нас есть шанс.

Он сел за компьютер, повернулся к нам и протянул руку. — Давайте фотографию. Желательно оригинал, а не скриншот из переписки, который пережил три пересылки и потерял половину информации. Я достал телефон. — Вот это прислали мне тогда. Там мы все возле дома Репы. Артурик взял телефон, внимательно посмотрел на экран, затем увеличил изображение. — А сам файл у тебя сохранился? — Кажется, да. — «Кажется» — это не ответ, но уже лучше, чем «я удалил». Поищем. И расскажите по порядку, когда это было, кто получил фотографию и что произошло после. Не надо пока делать выводы. Мне сначала нужна последовательность событий.

Макс посмотрел на меня, будто хотел сказать: я же говорил. Я открыл галерею и начал искать снимок.

Впервые за последние сутки у меня появилось ощущение, что мы хотя бы перестали ходить по кругу. Но, глядя на Артурика, который уже сосредоточенно изучал экран, я понимал: он пока не нашёл ничего. И даже не обещал найти. Он просто согласился посмотреть. Для начала этого было достаточно.

Пока я листал галерею, из коридора донёсся голос его отца. Он снова обратился к Артурику по-японски, на этот раз чуть громче:

— ######### (Ято, я оставил на столе документы, которые тебе потом нужно отнести в университет. Не забудь.)

Артурик не отрывался от экрана. — *(Хорошо. Спасибо.)*

Отец заглянул в комнату с подносом. На нём стояли три чашки и тарелка с печеньем. Он поставил всё на край стола, подальше от проводов, и задержался у двери.

— ###### *(Что вы сегодня будете делать с друзьями?)* — ##### *(Просто посмотрим фотографии, и я немного помогу им с компьютером.)* — ### *(Понятно. Если у них проблемы, помоги, но не перенапрягайся.)*

Артурик поднял голову и ответил уже мягче: — ### *(Всё нормально. Я знаю.)*

Отец кивнул и посмотрел на нас. — Артур иногда забывает, что у него тоже есть дела, — сказал он по-русски. — Если засидитесь, напомните ему поесть. Он может просидеть за

компьютером до вечера и заметить это только тогда, когда уже начинает болеть голова. — Пап, — протянул Артурик, — я вообще-то здесь. — Я вижу. Поэтому и говорю тебе, а не им.

Макс тихо фыркнул в чашку. — У нас дома примерно так же, — сказал он. — Только мне обычно напоминают не поесть, а вынести мусор. — Это потому, что мусор сам себя не вынесет, — заметил Артурик.

Отец улыбнулся, но уходить не торопился. Он спросил, как Макс учится, потом поинтересовался, давно ли мы знакомы с Репой. Разговор был совершенно обычным, почти семейным, и от этого я неожиданно почувствовал себя неловко. Мы пришли сюда с чужими угрозами, фотографиями и подозрениями, а в соседней комнате кто-то спокойно работал, заваривал чай и напоминал сыну про документы.

— Вы с Артуром давно знакомы? — спросил он у меня. — Не очень. Я видел его у общего знакомого, у Репы. Мы раньше почти не разговаривали. — Артур не всегда сразу начинает общаться, — сказал отец с лёгкой улыбкой. — Но если уж заинтересуется человеком, то может говорить с ним очень долго. Особенно если разговор о компьютерах. — Пап, не надо рассказывать обо мне так, будто меня здесь нет, — попросил Артурик. — Тогда не сиди за компьютером так, будто кроме него никого нет.

Отец вышел, оставив дверь приоткрытой. Артурик дождался, пока его шаги стихнут, и покачал головой. — Слушай, а почему отец называет тебя Ято? — спросил я. — Я думал, тебя Артуром зовут. Артурик повернулся ко мне. — Артур — моё официальное имя здесь. Так записано в российских документах, так меня называют в школе и почти все знакомые. А Ято — моё японское имя. Оно у меня с рождения, его мне дали родители. Дома отец часто обращается ко мне именно так, особенно когда говорит по-японски. — То есть ты с самого рождения Ято, просто здесь Артур? — Не совсем. Я не делю себя на две разные версии, если ты об этом. Я и Артур, и Ято. Просто в разных обстоятельствах люди привыкли называть меня по-разному. А «Артурик» уже прилепилось от знакомых, в основном от Репы. — А тебе самому какое больше нравится? Он пожал плечами и снова повернулся к монитору. — Когда меня зовут по имени, мне обычно важнее, кто именно это делает, а не какое имя использует.

Он произнёс это без показной весёлости. Было видно, что такие разговоры для него привычны, что он не старается представить отношения с отцом лучше или хуже, чем они есть. Они просто жили рядом, разговаривали на двух языках и иногда раздражали друг друга так же, как любые близкие люди.

Я кивнул на фотографию женщины. — А мама давно в Японии? Артурик на секунду задержал пальцы над клавиатурой. — Давно. Она там живёт, у неё там работа и своя жизнь. Мы созваниваемся почти каждый день, если получается. Иногда по видео, иногда просто сообщениями. Папа тоже с ней разговаривает, только они могут полчаса обсуждать что-то на японском, а потом он кладёт трубку и ещё десять минут ходит по квартире, будто продолжает спорить. — А ты с ней на японском разговариваешь? — спросил Макс. — Конечно. С мамой — почти всегда. С папой бывает по-разному. Если речь о чём-то обычном, можем начать на русском, потом перейти на японский, потом обратно. У нас дома никто не объявляет: «Внимание, сейчас будет смена языка». Просто так получается.

— А на тусовках ты почему не говоришь? — спросил я. Артурик посмотрел на меня. — На каких тусовках? У Репы? Там обычно достаточно громко и по-русски. Если я вдруг начну разговаривать с кем-то по-японски, Алик через минуту спросит, не обсуждаем ли мы его. — Он бы спросил, — согласился Макс. — Вот именно. А потом потребует перевод, хотя ему будет всё равно, что я скажу.

Я улыбнулся. Я мог представить эту сцену слишком отчётливо.

— Ты вообще давно с Репой знаком? — спросил я. — С ним — дольше, чем с вами. Мы пересекались ещё до того, как он начал собирать у себя всю эту ораву. Не то чтобы мы каждый день виделись. Просто он иногда зовёт, я иногда прихожу. Если у меня нет других планов и

если я не занят. У него дома можно спокойно посидеть, музыку послушать, поесть чего-нибудь. Ну и он не делает вид, что я обязан быть на каждой встрече. — То есть ты не особо любишь большие компании? — спросил Макс. Артурик пожал плечами. — Я не против людей. Я против обязательной программы. Когда приходишь куда-то, а тебе сразу объясняют, с кем ты должен поговорить, над чем смеяться и почему нельзя уйти раньше всех. С Репой проще. Можно прийти, посидеть в углу, потом включиться в разговор, потом уйти — и никто не устраивает собрание по поводу твоего отсутствия. — Это потому, что Репа сам может исчезнуть посреди собственной тусовки, — заметил Макс. — Тоже верно. У него талант быть хозяином квартиры и одновременно самым отсутствующим человеком в ней.

Я невольно рассмеялся. В этой фразе было что-то очень точное.

Артурик взял чашку, отпил чай и только после этого снова повернулся к нам. — Ладно, я понял, что вы пришли не знакомиться со мной и не обсуждать Репины организаторские способности. Давайте всё-таки к делу. Вы сказали, что фотография пришла Вилену с неизвестного номера. До этого были какие-то сообщения?

Макс посмотрел на меня, предлагая рассказать самому.

Я положил телефон на стол и открыл нужную переписку. — Сначала он написал мне с незнакомого номера. Потом прислал фотографию, где мы все стоим возле дома Репы. Это было после одной из встреч. Он знал, где мы были, и дал понять, что видел нас. Потом была история с вызовом за школу. А вчера пришло вот это.

Я показал ему последнее сообщение.

Артурик прочитал его дважды. Лицо у него почти не изменилось, но он перестал крутить чашку в руках. — «Не лезь к ней», — повторил он. — Это про Симуру? — Да, — ответил Макс. — Но мы не хотим сейчас пересказывать тебе всю её историю. Это не наше право.

Артурик поднял глаза. — И правильно. Мне не обязательно знать то, что она не разрешала рассказывать. Для фотографии и сообщений важнее другое: что этот человек мог видеть, когда он мог это видеть и кто ещё знал о ваших планах. — Мы сами пока не понимаем, — сказал я. — Тогда не будем делать вид, что понимаем. Начнём с файла. Если у тебя сохранился исходник, можно посмотреть, остались ли в нём технические данные: когда файл создали, на каком устройстве, иногда — чем его обрабатывали. Но если фотографию переслали через сайт или мессенджер, часть информации могла исчезнуть. И даже если что-то останется, это не выдаст нам автоматически имя человека.

— А если там будет дата? — спросил Макс. — Тогда у нас будет дата. Это полезно, но не волшебство. Файл могли сохранить позже, чем сделали снимок. Сопоставим время с тем, когда вы действительно были возле дома Репы. Может, станет понятнее, фотографировали вас тогда же или снимок старый. Но сначала нужен оригинал, а не картинка, которую кто-то уже сохранил, обрезал и отправил заново. — А номер? — спросил я. — По нему ничего нельзя узнать? — Иногда можно понять оператора или регион, но это не означает, что мы узнаем владельца. И я не собираюсь искать какие-то сомнительные базы. Если номер оформлен не на того, кто им пользуется, или его вообще передали другому человеку, результат будет бесполезным. Не хочу обещать тебе то, чего не могу сделать.

Он говорил спокойно, без желания произвести впечатление. Я вдруг понял, что именно это мне в нём и нравилось: он не пытался выглядеть человеком, который знает ответы на все вопросы. Он просто отделял то, что можно проверить, от того, что пока оставалось догадкой.

— А если он сам выложил где-нибудь эту фотографию? — спросил Макс. — Тогда можно поискать, — ответил Артурик. — Но это уже зависит от того, есть ли у нас зацепка. Ник, аватарка, какие-то одинаковые подписи, комментарии. В открытом доступе можно найти больше, чем кажется, особенно если человек сам любит оставлять следы. Но я не обещаю, что он настолько глупый. — Фогель не выглядит глупым, — сказал я. — Тогда тем более не стоит рассчитывать, что он оставит нам визитку с адресом и расписанием.

Макс откинулся на спинку стула. — Вот поэтому я и хотел, чтобы мы пришли к тебе. Ты хотя бы не предлагаешь сразу ехать к нему домой и спрашивать, зачем он нас фотографирует.

Артурик посмотрел на него с таким выражением, будто только сейчас осознал, насколько низко Макс оценивает здравый смысл окружающих. — А вы собирались? — Нет, — ответил Макс.

Я промолчал.

Артурик перевёл взгляд с него на меня. — Вилен? — Я не собирался, — сказал я. — По крайней мере, сегодня. — Великолепно. Уже прогресс.

Он развернулся к компьютеру и подвинул клавиатуру ближе. — Давай искать оригинал. Только не торопись. Посмотри папку с загрузками, потом изображения, потом переписку. Если файл был сохранён отдельно, не открывай его через редактор и не пересохраняй. Сначала скопируем как есть.

Я снова взял телефон. Галерея открывалась медленно, и от этого простого ожидания я почему-то нервничал сильнее, чем от самого разговора. Макс молчал. Артурик не подгонял, только иногда подсказывал, куда нажать.

В соседней комнате отец включил радио. Из динамика доносилась негромкая музыка, поверх которой иногда слышался его голос — он разговаривал по телефону, снова на японском. Артурик на секунду прислушался, потом едва заметно улыбнулся.

— Что? — спросил Макс. — Ничего. Он сейчас будет объяснять кому-то, что не может приехать раньше, потому что у него дома гости. Хотя мы ему вообще не мешаем. — Может, он просто рад, что ты не один сидишь за компьютером, — сказал я.

Артурик посмотрел на меня, будто не ожидал такого ответа. — Возможно. Он иногда переживает, что я слишком много времени провожу дома. Хотя сам может весь выходной просидеть с книгами и потом удивляться, почему никто не позвал его гулять. — Похоже, у вас это семейное, — заметил Макс. — Что именно? — Сидеть дома, а потом жаловаться, что никто не зовёт. — Я не жалуюсь. Я просто отказываюсь от приглашений, а потом считаю, что меня недостаточно часто приглашают. Это другое. — Очень убедительно, — сказал Макс.

Артурик улыбнулся и снова повернулся к монитору.

Наконец я нашёл нужную папку. Несколько фотографий, скриншоты, какие-то сохранённые картинки. Среди них оказался и тот снимок — тот самый двор, знакомые лица, Репин подъезд на заднем плане. Я нажал на файл и протянул телефон Артурику.

Он не стал сразу открывать изображение. Сначала посмотрел на название файла, затем уточнил, откуда оно сохранилось. — Из переписки. Я нажал «сохранить», — объяснил я. — Хорошо. Это уже лучше, чем скриншот экрана. Сейчас попробуем перенести файл без изменений.

Он подключил телефон к компьютеру и открыл папку с изображениями. На мониторе появились миниатюры фотографий. Артурик нашёл нужную, скопировал её в отдельную папку и открыл свойства файла. — Так, — произнёс он, наклонившись к экрану. — Сейчас посмотрим, что осталось.

Я и Макс придвинулись ближе. — И? — спросил Макс. — Пока ничего не говорю. Дайте мне минуту.

Он щёлкнул по нескольким вкладкам, открыл подробные сведения и начал внимательно изучать строки. Я пытался разобрать, что именно он ищет, но для меня большинство этих обозначений выглядело как случайный набор букв и цифр.

— Тут есть дата изменения, — наконец сказал он. — Но это не обязательно дата съёмки. Файл могли сохранить позже. Нужно посмотреть, есть ли отдельные сведения о создании изображения. — Они есть? — спросил я.

Артурик не ответил сразу. Он ещё раз проверил свойства, потом открыл сам файл и увеличил изображение. — Пока не вижу ничего, что можно было бы уверенно назвать датой

съёмки. Похоже, часть данных уже отсутствует. Но это не значит, что мы ничего не можем сделать.

Он откинулся на спинку кресла и повернулся к нам. — Мне нужно понять, откуда именно взялась эта фотография. Кто-то из вас мог выложить её в сеть? Может, кто-то отмечал место, писал, что вы собираетесь встретиться, выкладывал снимки в тот вечер?

Мы с Максом переглянулись. — Вполне могли, — сказал Макс. — У Репы постоянно кто-нибудь что-нибудь выкладывает. — Тогда начнём не с Фогеля, а с вас самих, — ответил Артурик. — Иногда люди слишком много рассказывают о себе, даже не замечая этого. И не обязательно напрямую. Фотография, комментарий, отметка, чужая запись на стене — всё это складывается в картину.

Я посмотрел на снимок на экране. Мы стояли возле подъезда, кто-то смеялся, кто-то смотрел в сторону камеры. Обычная фотография после обычной встречи. В тот момент никто из нас не думал, что однажды она окажется на чужом телефоне и станет частью чьей-то игры.

— Значит, будем проверять, — сказал Макс. Артурик кивнул. — Будем. Только без самодеятельности и без попыток вычислить его за вечер. И ещё: если Симура не хочет рассказывать подробности, мы не вытягиваем их из неё. Для начала достаточно того, что уже есть.

Я снова посмотрел на экран. Артурик сохранил копию фотографии в отдельной папке и подписал её датой, когда мы получили сообщение. — Это не доказательство, — сказал он, заметив мой взгляд. — Просто чтобы не потерять исходный файл и не перепутать его с другими копиями. Если найдём что-то ещё, будем сравнивать.

Макс взял чашку и допил остывший чай. — Ну что, Вилен, — сказал он, — кажется, мы сегодня хотя бы не зря вышли из дома.

Я хотел ответить, но в этот момент телефон Артурика коротко завибрировал. На экране высветилось сообщение. Он взглянул на него, и выражение его лица на мгновение изменилось. — Мама? — спросил я, не удержавшись. — Ага. Пишет, чтобы я не забыл позвонить вечером. У неё там уже поздно.

Он быстро набрал ответ по-японски: — ##### *(Я тебе позже позвоню. Я сейчас с друзьями.)*

Потом положил телефон экраном вниз и снова посмотрел на нас. — Ладно. Давайте посмотрим ваши публикации. Только предупреждаю: если выяснится, что кто-то из вас сам написал на стене «мы все тут, приходите», я буду смеяться. — Никто такого не писал, — сказал Макс. — Я надеюсь. У меня сегодня и так насыщенный день.

Я усмехнулся, но тревога никуда не исчезла. Просто теперь у неё появилось направление. Мы больше не пытались угадать, откуда Фогель мог всё знать. Мы собирались проверить, что именно могло стать ему известно.

И, возможно, впервые за всё это время я был готов признать, что ответ может оказаться неприятнее самой угрозы.

— Давайте начнём с самого очевидного, — сказал Ято, пододвигая клавиатуру к себе. — Кто-нибудь из вас вообще помнит, что выкладывал в тот вечер? Не только фотографии. Статусы, записи на стене, комментарии, отметки — всё, что могло показать, где вы находитесь и с кем.

Макс посмотрел на меня, я — на него. Вопрос был настолько простым, что мы оба почему-то не сразу нашли на него ответ.

— У Репы обычно всё в открытом доступе, — сказал Макс. — Он не из тех, кто сидит и думает, кому показать фотографию. Если ему понравился кадр, он его выкладывает. Если не понравился — выкладывает всё равно, но с подписью, что фотограф плохой.

— То есть вы предлагаете начать с его страницы? — уточнил Ято.

— Я предлагаю начать с того, что у нас есть, — ответил Макс. — А у нас есть Репа, который однажды выложил фотографию собственного холодильника, потому что там стояла подозрительно одинокая банка горошка.

— Это был важный социальный комментарий, — сказал я.

— Конечно. Горошек как символ одиночества в современном обществе.

Ято посмотрел на нас поверх монитора.

— Вы всегда так разговариваете, когда пытаетесь решить проблему?

— Обычно хуже, — сказал Макс. — Сегодня мы держимся.

Ято открыл браузер и попросил назвать страницу Репы. Через минуту на экране появилась знакомая фотография профиля — Репа с недовольным лицом, будто его сфотографировали в тот момент, когда он собирался сказать что-то очень важное, но передумал. Стена выглядела так, как я и ожидал: фотографии с тусовок, репосты музыки, несколько бессмысленных записей и комментарии Алика, который умудрялся отметиться почти под каждой публикацией.

— У него лента — отдельный вид искусства, — заметил Макс. — Тут даже даты не помогают понять, что происходило раньше.

— Даты как раз помогают, — ответил Ято. — Если вы не будете отвлекать меня комментариями к каждой фотографии.

Он пролистал несколько записей, остановился на альбоме, созданном в конце июня, и открыл его. На миниатюрах были знакомые лица, кухня Репы, чей-то кроссовок на подоконнике и несколько кадров, которые явно снимали уже под утро. Мы с Максом наклонились к экрану.

— Вот эта встреча, — сказал Макс. — Помнишь? Мы тогда ещё спорили, куда идти после Репы.

— Помню. Алик хотел всех потащить на набережную.

— Я хотел показать вам красивое место, — возмутился бы он, если бы был здесь. — Но вы, как обычно, выбрали еду и диван.

Ято открыл фотографию крупнее. На ней мы стояли у подъезда, почти так же, как на снимке, который мне прислали с неизвестного номера. Только здесь кадр был сделан с другого угла: Репа держал телефон чуть выше головы, Баха показывал кому-то язык, а я смотрел в сторону, потому что в тот момент разговаривал с Максом.

— Вот, — сказал Ято. — Снимок из альбома опубликован тогда же, когда вы были у Репы. И он открыт для всех. Если человек знал страницу Репы или просто нашёл её через общих знакомых, ему не нужно было находиться рядом с вами, чтобы понять, кто там был.

— Но фотография, которую прислали мне, другая, — сказал я. — Там мы стоим почти так же, но снято ближе. И Репы в кадре нет.

— Значит, кто-то сделал ещё один снимок. Или взял его у человека, который стоял рядом. Пока это всё, что можно сказать.

Макс потёр подбородок.

— Получается, он мог просто следить за страницей Репы?

— Мог, — ответил Ято. — Но не надо сейчас превращать возможность в факт. Посмотрим, кто ещё выкладывал фотографии с той встречи.

Мы открыли страницы нескольких знакомых. У кого-то альбомы были закрыты, у кого-то на стене не было ничего полезного, а кто-то выкладывал снимки с подписями вроде «легендарный вечер» и «мы не помним, как добрались домой». Ято не комментировал чужие фотографии, только записывал даты и имена в обычный текстовый файл.

— Ты прямо протокол ведёшь, — заметил Макс.

— Я веду список, чтобы вы через десять минут не начали спорить, кто что видел. У вас память работает по принципу: если история смешная, вы помните даже цвет обоев, а если нужно вспомнить дату, начинается коллективная амнезия.

— Неправда, — сказал я. — Я помню, что это было в четверг.

— Сегодня вторник, — напомнил Макс.

— Я не про сегодня.

— Тогда тем более полезная информация.

Ято не поднял головы, но уголок его рта дрогнул.

Пока мы листали страницы, в общей беседе появилось сообщение от Лины. Она спрашивала, кто забрал её зарядку после прошлой встречи, и добавила, что если виновник не признается, то она начнёт подозревать всех по очереди. Баха ответил, что зарядка, вероятно, сбежала от скучной хозяйки. Алик прислал несколько смеющихся смайликов и написал, что готов провести расследование за один бутерброд.

— Вот, кстати, готовый специалист, — сказал Макс, показывая экран Ято.

— Не надо, — ответил я. — Он сначала съест бутерброд, потом забудет, что расследовал.

— Зато будет доволен.

Я улыбнулся, но почти сразу вспомнил, зачем мы вообще сидели перед монитором. Пока остальные обсуждали зарядку, мы пытались понять, как Ян получил фотографию и почему решил, что может распоряжаться чужими встречами.

Ято открыл ещё одну вкладку.

— Здесь есть кое-что интересное. Не про Фогеля напрямую. Посмотрите на дату.

Он развернул перед нами страницу одного из общих знакомых. Под фотографией с той же встречи стояла отметка о месте, а в комментариях кто-то спрашивал, кто ещё придёт. Запись была опубликована за несколько часов до того, как мы собрались у Репы.

— Я вообще не помню эту публикацию, — сказал Макс.

— Потому что это не твоя страница, — заметил Ято. — Но отметка открытая. И в комментариях есть список тех, кто собирался прийти.

Я прочитал имена. Наши. Почти все.

— Значит, он мог узнать, что мы будем там, заранее, — произнёс я.

— Да. Но опять же: это мог увидеть не только Ян. Любой человек, который знал страницу и просматривал комментарии.

— А фотография? — спросил Макс. — Она ведь всё равно откуда-то взялась.

— Возможно, кто-то из присутствовавших отправил её дальше. Возможно, она была в другом альбоме. Возможно, человек сделал снимок сам. Пока у нас нет основания выбирать один вариант.

Я откинулся на спинку стула. В голове неприятно щёлкнуло: мы всё это время представляли, будто кто-то стоял за деревом или ждал у подъезда, а на деле часть информации могла лежать на виду. Не нужно было прятаться в кустах, если мы сами оставляли адреса, даты и имена на открытых страницах.

— Получается, мы сами ему всё рассказали, — сказал я.

— Не совсем, — возразил Макс. — Мы не знаем, кто именно это увидел и кто отправил ему фотографию. Не надо брать на себя чужую ответственность только потому, что у нас нашлась открытая запись.

Ято кивнул.

— Макс прав. Публичная информация объясняет, как человек мог узнать о встрече. Но она не объясняет, кто сделал отдельный снимок и зачем отправил его тебе. Это разные вопросы.

В коридоре послышались шаги. Отец Ято заглянул в комнату и спросил, не нужно ли нам ещё чаю. Макс вежливо отказался, но мужчина всё равно поставил на стол тарелку с нарезанными яблоками.

— Вы уже давно сидите, — сказал он. — Артур, не забывай, что у тебя вечером ещё дела.

— Помню, пап.

— Ты всегда так говоришь, а потом обнаруживаешь, что уже поздно.

— Сегодня я постараюсь обнаружить это заранее.

Отец посмотрел на монитор, потом на нас.

— Надеюсь, вы решаете что-то важное, а не просто спорите, кто из вас прав.

— Пока мы выяснили, что все слишком много выкладывают в интернет, — сказал Макс.

— Это уже полезный вывод, — ответил мужчина. — Иногда стоит сначала подумать, кто может увидеть то, что ты публикуешь.

Он произнёс это без нравоучительного тона, просто как человек, который давно привык работать с молодыми людьми и знает, что некоторые вещи лучше сказать спокойно. Я почему-то почувствовал себя так, будто меня поймали на чём-то глупом. Хотя никто из нас не выкладывал ту запись и не ставил отметку.

Когда отец ушёл, Ято закрыл вкладку и повернулся к нам.

— Ладно. Теперь давайте сделаем то, что вы должны были сделать в самом начале: спросим у человека, который был на той встрече и мог знать, кто фотографировал.

— У Репы? — спросил Макс.

— У Репы, у Алика, у всех, кто там был. Но не надо писать в общий чат что-то вроде «кто слил фотографию Фогелю». Так вы только устроите панику и заставите людей защищаться.

Макс достал телефон.

— Я могу написать Алику отдельно. Он обычно отвечает быстрее всех, особенно если думает, что происходит что-то интересное.

— Только не формулируй так, будто мы уже кого-то подозреваем, — сказал я.

— Я умею писать сообщения без обвинений, Вилен.

— Вчера ты отправил мне три вопросительных знака вместо нормального предложения.

— Это был эмоциональный момент.

Макс набрал сообщение и отправил. Мы подождали. Ято тем временем сохранил ссылки на открытые записи и записал рядом даты публикаций. Через пару минут телефон Макса завибрировал.

— Алик спрашивает, что случилось, — сказал он. — И почему мы не позвали его сразу.

— Потому что ты не хотел превращать это в общий чат, — напомнил я.

— Я не обязан сообщать ему все свои стратегические решения.

Макс быстро ответил и коротко объяснил, что мы проверяем старые фотографии и публикации. Алик прочитал почти сразу и прислал голосовое сообщение. Макс включил его на небольшой громкости.

— «Вы там что, архив Репы подняли? Я вообще-то могу рассказать, кто фотографировал. Если вы про ту встречу в конце июня, там был ещё один человек, который всё время торчал у подъезда. Я тогда думал, что он кого-то ждёт. Короче, наберите меня, а то печатать лень».

Мы с Максом переглянулись.

— Вот это уже интереснее, — сказал Ято. — Позвони ему. Только пусть расскажет, что именно помнит, без наших подсказок.

Макс нажал вызов и включил громкую связь. Алик ответил не сразу. На фоне слышались музыка и чей-то голос.

— Ну наконец-то. Я уже подумал, вы там нашли тайный архив ФСБ и решили не делиться.

— Алик, привет. Ты сказал, что помнишь человека у подъезда. Расскажи нормально, кто это был и когда ты его видел.

— Да я не знаю, кто это был. Парень какой-то. Стоял чуть в стороне, возле лавки. Я его заметил, потому что он не заходил к Репе, но всё время смотрел в нашу сторону. Может, ждал кого-то. Я тогда ещё Репу спросил, не его ли это знакомый, а он сказал, что вроде нет.

— Ты раньше его видел? — спросил я.

— Не помню. Слушай, там людей было полно, я не каждого по лицу запоминаю. Но он точно не из тех, кто сидел с нами на кухне. И ещё: когда мы вышли фотографироваться, он вроде поднял телефон. Я не уверен, может, просто время смотрел.

Макс подался вперёд.

— Алик, ты уверен, что это была именно та встреча, после которой Вилену прислали фотографию?

— Да вроде. Вы же про тот снимок возле подъезда? Я его видел. Репа потом выкладывал похожий кадр. А тот парень был в тот вечер. Но я не могу сказать, что он нас фотографировал. Не хочу сейчас сочинять, чтобы вы тут устроили драму.

— Ты правильно делаешь, — сказал Ято, и Макс удивлённо посмотрел на него. — А ты можешь вспомнить, во что он был одет? Или хотя бы что-нибудь приметное?

— Не особо. Тёмная кофта, кажется. Может, куртка. Я не разглядывал. Он стоял под фонарём, а я был занят тем, что Баха пытался уронить пакет с едой на Репину машину. Там вообще не до наблюдений было.

— Ладно. Спасибо, — сказал Макс. — Если ещё что-нибудь вспомнишь, напиши.

— А вы мне теперь расскажете, что происходит?

— Пока нет, — ответил Макс. — Не потому, что тебе не доверяем. Просто сами ещё не разобрались.

— Понял. Только не делайте там ничего тупого, ладно? А то потом придётся мне вас вытаскивать, а я сегодня не в форме.

— Ты никогда не бываешь в форме, — сказал я.

— Зато стабилен. Всё, давайте.

Звонок закончился. В комнате на несколько секунд стало тихо. Я смотрел на телефон Макса, хотя экран уже погас.

— Это может быть он? — спросил я.

— Может, — ответил Ято. — А может, вообще случайный человек. У нас есть описание, которое подходит половине города: парень в тёмной одежде. И есть наблюдение, что он смотрел в вашу сторону. Это повод проверить воспоминания других людей, но не повод идти искать его по дворам.

— Я и не собирался, — сказал я.

Макс повернул ко мне голову.

— Ты сегодня уже второй раз это говоришь. И оба раза я тебе не очень верю.

— Да что вы все ко мне привязались?

— Потому что у тебя лицо человека, который уже мысленно вышел из квартиры и пошёл искать того парня, — ответил Макс.

Я хотел возразить, но не стал. Он, к сожалению, опять попал в точку.

Ято сохранил заметку и отодвинул клавиатуру.

— На сегодня хватит. У нас появилась версия, но пока не доказательство. Я могу ещё посмотреть открытые страницы, если вы принесёте конкретные ссылки или даты. Но искать неизвестного человека по расплывчатому описанию я не буду.

— Мы поняли, — сказал Макс. — Спасибо, что вообще в это влез.

— Я не влез. Я посмотрел фотографии. Не надо повышать мой статус до участника вашей компании, я к этому не готов.

— Никто тебя не записывает в кружок по интересам, — сказал я.

— Отлично. А то у вас, кажется, посещаемость обязательная.

— Только если Алик составляет расписание, — добавил Макс.

Ято усмехнулся и впервые за всё время выглядел не как человек, который помогает нам из вежливости, а просто как парень, которому с нами на секунду стало весело.

Мы стали собираться. Макс поблагодарил отца Ято за чай и яблоки, а я задержался у двери, чтобы застегнуть куртку. В коридоре на полке стояла та самая фотография: Ято и его мама на незнакомой улице. Я уже собирался отвернуться, но он заметил мой взгляд.

— Там Киото, — сказал он. — Мы были у маминой подруги. Я тогда ещё пытался доказать, что могу сам найти дорогу, и в итоге мы сорок минут ходили вокруг одного квартала.

— И чем закончилось?

— Мама сказала, что я отлично ориентируюсь, если не считать того, что не ориентируюсь. Она до сих пор вспоминает.

— Значит, у всех есть семейные истории, которые потом используют против тебя, — сказал Макс.

— У вас, судя по всему, таких историй целый архив.

— И он открыт для всех, — ответил Макс.

На лестничной площадке Ято остановился.

— Если что-то найдёте, сначала сохраните оригинал. Не обрезайте, не пересылайте по десять раз и не удаляйте переписку. И ещё: не пишите Фогелю. Если он хочет реакции, не надо дарить ему её просто потому, что вам скучно.

— Не скучно, — сказал я.

— Я заметил. Но иногда люди делают глупости не от скуки, а от злости. Это даже хуже.

Я кивнул. Ято пожал Максу руку, мне коротко махнул и вернулся в квартиру. Дверь закрылась почти бесшумно.

На улице было светло, хотя день уже клонился к вечеру. Во дворе кто-то гонял мяч, у подъезда женщина ругалась с ребёнком из-за велосипеда, а из открытого окна на первом этаже играла музыка. Всё выглядело настолько обычно, что мне стало почти неловко за то, сколько места в голове занимал Ян.

— Ну что, — сказал Макс, когда мы отошли от подъезда. — План такой: я ещё раз поговорю с Аликом, но без допроса. Ты не пытаешься найти человека в тёмной кофте по всему Автозаводу. А Симуру мы не трогаем, пока она сама не захочет что-то рассказать.

— Я понял.

— Повтори.

— Я не буду искать человека в тёмной кофте.

— Уже лучше.

Мы пошли к остановке. Я достал телефон и увидел сообщение от Эстер. Она прислала фотографию моей кофты, аккуратно сложенной на спинке стула. Под снимком было написано: «Кажется, она уже привыкла жить у меня. Не уверена, что хозяин сможет её забрать без предварительной записи».

Я улыбнулся прежде, чем успел подумать, насколько глупо это выглядит.

— Что там? — спросил Макс.

— Ничего.

— У тебя лицо опять изменилось.

— Ты сегодня решил комментировать каждое движение моего лица?

— Нет. Только самые очевидные.

Я набрал ответ: «Я могу записаться. У меня гибкий график». Подумал и добавил: «Но за кофту отвечаю лично».

Ответ пришёл почти сразу: «Посмотрим, насколько ты ответственный».

Я убрал телефон в карман, но улыбка ещё держалась. Макс заметил это, однако на этот раз ничего не сказал. Наверное, решил, что на сегодня с него достаточно чужих чувств и чужих проблем.

У остановки он остановился и посмотрел на меня уже серьёзно.

— Слушай, насчёт того, что сказал Алик. Не надо пока делать вывод, что Фогель стоял возле подъезда. Даже если это был он, мы не знаем, зачем он там был и кто сделал снимок. Я не хочу, чтобы ты начал видеть его за каждым деревом.

— Я не вижу его за каждым деревом.

— Пока. Просто держи в голове, что у нас появилась ещё одна деталь, а не ответ.

— Ладно. Но если это действительно был он, значит, он был там раньше, чем я думал.

Макс не стал спорить.

— Возможно. И это стоит проверить. Только не одному и не на эмоциях.

Подъехал автобус. Мы пропустили вперёд женщину с коляской и зашли следом. Макс сел у окна, а я остался стоять рядом с поручнем. За стеклом медленно двигались дворы, магазины, остановки и люди, которые возвращались домой с пакетами. Я думал о фотографии, о публичной отметке, о человеке у подъезда, которого Алик мог заметить, а мог и перепутать с кем-то другим.

Самым неприятным было то, что у каждой версии находилось простое объяснение. Ян мог увидеть публикацию. Кто-то мог переслать ему фотографию. Человек у подъезда мог ждать автобус или знакомого. И всё же сообщения приходили не случайно. Фогель знал, что я рядом с Симурой, и хотел, чтобы я отступил.

Телефон завибрировал. На этот раз написала не Эстер и не Макс. Сообщение пришло от Алика.

«Слушай, я тут ещё вспомнил. Тот тип у подъезда не просто стоял. Когда мы уже расходились, он подошёл к Репе и что-то спросил. Я не слышал что именно. Репа тогда сказал мне, что это какой-то знакомый знакомого. Но я могу уточнить у него, если надо».

Я перечитал сообщение. Потом показал его Максу.

— Вот теперь это уже стоит проверить, — сказал он. — Но завтра. Сегодня мы больше никого не обзваниваем.

Я снова посмотрел на экран. «Знакомый знакомого». Слова ничего не объясняли, но почему-то зацепились в голове. Если Репа действительно видел того человека и разговаривал с ним, значит, у нас появился кто-то, кто мог помнить его лучше Алика.

Я ответил Алику, что завтра мы поговорим с Репой, и убрал телефон.

Автобус тронулся. За окном проплывали знакомые улицы, и я вдруг подумал, что всё это время пытался найти человека, который наблюдал за нами издалека. А может быть, он вовсе не был таким уж посторонним.

И, кажется, именно это мне нравилось меньше всего.

На следующий день Макс написал мне в половине одиннадцатого. Я как раз пытался решить, стоит ли вставать с кровати ради завтрака или можно считать вчерашний бутерброд полноценной заботой о здоровье.

«В час у Репы. Алик уже там. Не опаздывай, а то они начнут без нас обсуждать мировые проблемы и съедят всё нормальное».

Я ответил, что постараюсь, и всё-таки поднялся. Мама уже ушла по делам, на кухне осталась чашка с недопитым чаем и записка, чтобы я не забыл купить хлеб. Обычное утро, обычные дела. Только телефон лежал рядом с тарелкой экраном вверх, и я то и дело поглядывал на него, хотя новых сообщений не было.

Вчерашняя фраза Алика — «знакомый знакомого» — крутилась в голове с таким упорством, будто в ней действительно был спрятан ответ. Я понимал, что это всего лишь слова. Репа мог знать человека шапочно, мог перепутать его с кем-то ещё, а мог вообще не придать разго-

вору значения. Но после сообщений Фогеля даже случайные совпадения перестали казаться случайными.

У Репы во дворе уже стояли Макс и Алик. Алик сидел на низком бортике клумбы, вертел в руках бутылку холодного чая и что-то показывал Максу на телефоне. Увидев меня, он поднял руку.

— О, явился. Мы уже думали, ты с утра ушёл в подполье. Или тебя завербовали, пока мы тут без присмотра.

— Я просто завтракал.

— В половине первого?

— У меня свободный график.

— У тебя, Вилен, не график, а стихийное бедствие, — заметил Макс. — Пошли. Репа дома, но сказал, чтобы мы не ломились толпой, потому что у него там бардак.

— У Репы бардак? — Алик изобразил удивление. — Не верю. Это клевета. У него творческий беспорядок, и вообще, если вещи лежат на полу, значит, они ему нужны.

— Особенно пустые пачки из-под чипсов, — сказал я.

— Это исторические артефакты. Не трогай.

Подъезд пах нагретым бетоном, чьим-то обедом и стиральным порошком. На лестничной площадке этажом выше хлопнула дверь, а из открытого окна квартиры напротив доносился телевизор. Всё было до смешного обычным. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку во дворе, и заставил себя переключиться на разговор Алика с Максом.

Репа открыл не сразу. Сначала из-за двери послышалось:

— Если это опять ты, Алик, я тебя не ждал.

— А если это мы с едой?

— Тогда заходите, любимые гости.

Он отступил в сторону, пропуская нас в квартиру. На нём была растянутая футболка с выцветшей надписью, волосы торчали в разные стороны. В прихожей стояли две пары кроссовок, пакет с мусором и скейт, который явно давно никто не использовал.

— Вы чего такие официальные? — спросил Репа, оглядев нас. — У вас лица, будто вы пришли сообщить, что меня вызывают к директору.

— Почти, — сказал Макс. — Только директора нет.

— Тогда уже легче. Разувайтесь. И не трогайте пакет, я его сейчас вынесу.

— Ты это вчера говорил? — спросил Алик.

— Вчера я был другим человеком.

Мы прошли на кухню. На столе стояла открытая пачка печенья, рядом лежали наушники и несколько смятых листов. Репа сдвинул всё это к стене, освобождая место.

— Короче, — сказал он, — Алик написал, что вы хотите поговорить про какого-то типа у подъезда. Я так понял, это не тот тип, который приходил счётчики проверять?

— Если бы, — ответил Макс. — Речь о встрече в конце июня. Ты помнишь парня, который стоял возле лавки, когда мы все были у тебя?

Репа перестал возиться с чашками.

— Помню. Ну, примерно. А что?

— Алик говорит, что тот человек подошёл к тебе, когда мы расходились, и что-то спросил. Ты тогда сказал, что это знакомый знакомого.

— И?

— И мы хотим понять, чей именно знакомый.

Репа посмотрел сначала на Алика, потом на нас.

— Вы серьёзно из-за этого сюда пришли?

— Да, — сказал я. — Мне после той встречи прислали фотографию. А потом начали писать с неизвестного номера. Человек знает, где мы были, и явно хочет, чтобы я перестал общаться с Симурой.

— Фогель? — спросил Репа.

Имя прозвучало так буднично, что я не сразу понял, что он назвал его сам.

Макс чуть подался вперёд.

— Ты знаешь, что это он?

— Я этого не говорил. Просто догадался. Кто ещё будет устраивать такую мутную хрень?

— Тогда почему ты вчера не сказал, что подумал о нём? — спросил я.

Репа пожал плечами, но получилось небрежно только на первый взгляд.

— Потому что я не был уверен. И потому что не хотел влезать. У меня тут, знаете ли, не штаб-квартира спецопераций.

— Реп, мы не просим тебя никуда влезать, — сказал Макс. — Нам нужно понять, кто этот человек. Ты с ним разговаривал?

— Пару минут. Он подошёл, когда вы уже ушли. Спросил, часто ли у меня собирается народ и кто обычно приходит. Я решил, что он чей-то знакомый, который хочет попасть на тусовку. Сказал, что по-разному бывает. Потом он спросил про одного человека.

— Про кого? — спросил я.

Репа замялся.

— Про тебя.

На кухне стало тихо. Алик перестал крутить крышку бутылки. Макс посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Что именно он спросил? — наконец произнёс я.

— Спросил, ты часто бываешь у меня или только иногда. Я ответил, что ты приходишь с остальными. Он уточнил, давно ли мы знакомы. Я сказал, что мы не друзья детства, если он об этом. Потом он спросил, общаешься ли ты с Фогелем.

— Вот так прямо? — переспросил Макс.

— Не дословно. Что-то вроде: «А Цой с Яном ещё пересекаются?» Я тогда и подумал, что это кто-то из его круга. Потому что откуда ему знать, что вы знакомы?

— И ты сказал? — спросил я.

— Сказал, что не в курсе ваших разборок. Он не стал продолжать. Спросил, когда у меня следующая встреча, я ответил, что не знаю. Потом ушёл.

Я попытался представить этот разговор. Человек, которого никто толком не запомнил, стоял у подъезда, дождался, пока остальные разойдутся, и спросил Репу обо мне и Фогеле. Не о Симуре, не о компании вообще — обо мне. От этого внутри неприятно стянулось.

— Почему ты не рассказал нам сразу? — спросил Макс.

Репа резко выдохнул.

— Потому что тогда это выглядело как обычный разговор. Я не знал, что тебе потом прилетит фотография. И не знал, что Фогель начнёт писать. Вы сейчас собираете всё в одну цепочку, а тогда это были два предложения от какого-то чувака. Я не обязан после каждой тусовки писать вам отчёт, кто у меня возле подъезда стоял.

— Никто не говорит, что обязан, — ответил Макс. — Но сейчас ты знаешь, что это может быть важно.

— Сейчас знаю. И рассказываю. Чего вы на меня накинулись?

Алик поднял ладони.

— Так, народ, давайте без кипиша. Мы не в суде. Репа, ты мог вчера забыть, сегодня вспомнил. Бывает. Но имя-то ты слышал? Он представился?

— Нет. И я не спрашивал. Я же не знал, что мне надо паспорт проверить.

— Как он выглядел? — спросил я.

Репа нахмурился, вспоминая.

— Среднего роста. Тёмная куртка или толстовка, уже не помню. Волосы короткие. Не старый, но и не наш ровесник. Может, лет двадцать. Ничего особенного. Стоял спокойно, не пялился, не лез. Если бы Алик не сказал, что заметил его ещё раньше, я бы вообще не обратил внимания.

— Лицо узнаешь? — спросил Макс.

— Если увижу — может быть. Но не обещаю. И не надо мне сейчас показывать фотки всех подозрительных типов из интернета, я не эксперт-криминалист.

— Да никто не собирается, — сказал Алик. — Хотя у меня есть фотка, где ты похож на подозрительного типа.

— Удали её.

— Она уже в сохранённом.

— Тогда хотя бы не выкладывай.

— Поздно. Я её отправил Лине.

Репа закрыл глаза.

— Господи, за что мне это всё.

Я почти улыбнулся. Напряжение не исчезло, но хотя бы перестало заполнять всю кухню. Макс достал телефон и открыл заметки.

— Ты сказал, что он спросил, когда у тебя следующая встреча. Он мог знать, что мы собираемся снова?

— Нет. Я ответил, что пока ничего не планировал. Он не настаивал.

— А ты видел его раньше? — спросил я.

— Кажется, один раз. Не у меня. На улице возле магазина, когда мы с одним знакомым пересекались. Но я не уверен, что это тот же человек.

— С каким знакомым?

Репа посмотрел на меня с раздражением.

— Вот это уже допрос пошёл. Я сейчас начну брать деньги за каждую фамилию.

— Реп, — спокойно сказал Макс. — Мы не пытаемся тебя подставить. Если ты что-то вспомнил, лучше скажи. Если не помнишь — так и скажи.

Репа потёр ладонью лицо.

— Я не помню фамилию. Парень старше нас, его вроде Лёхой звали. Он иногда приезжал с ребятами, которые тусовались в соседнем дворе. Не из нашей компании. Мы пересекались пару раз, он мог знать Фогеля. Но я не утверждаю, что это он. И того типа у подъезда я с ним не связываю. Просто вспомнил, что видел похожего человека рядом с ним.

— Это уже хоть что-то, — сказал Макс.

— Нет, это пока вообще ни хрена, — возразил Репа. — У вас есть имя «Лёха», половина города подходит под описание. Не надо делать из этого сенсацию.

В этот момент у Репы зазвонил телефон. На экране высветилось имя Лины. Он посмотрел на нас, словно спрашивая разрешения, и ответил.

— Да?

Из динамика донёсся громкий голос:

— Ты где? Мы с Майей собираемся выйти, Алик сказал, вы у тебя. Вы там что, опять без нас секретничаете?

— Мы тут обсуждаем, как спасти мир от твоих голосовых по три минуты.

— Очень смешно. Передай Максу, что он обещал скинуть мне музыку.

— Сама ему напиши.

— Я написала. Он морозится.

Макс, сидевший напротив, тут же поднял голову.

— Я не морозюсь, я занят!

— Скажи ему, что занятость не освобождает от обязательств, — заявила Лина и отключилась.

Репа положил телефон на стол.

— Вот. У нас тут, между прочим, тоже жизнь происходит. Может, хватит делать вид, что мы в сериале про маньяка?

— Мы не делаем, — сказал Алик. — Просто у нас сюжетная арка.

— У тебя сюжетная арка — найти зарядку, которую ты сам потерял.

— Она пропала при загадочных обстоятельствах.

— Ты оставил её у меня в ванной.

— Это версия следствия.

Макс наконец рассмеялся. Я тоже. На несколько секунд кухня снова стала просто кухней Репы, где все перебивали друг друга, спорили из-за ерунды и пытались доесть печенье, пока хозяин не заметил.

— Слушай, — сказал Репа уже тише, когда Алик полез за последним печеньем, — я не знаю, что у вас там с Фогелем. Но если это действительно его люди, я не хочу, чтобы они таскались к моему дому. Я не подписывался на такое.

— Понимаю, — ответил я.

— И не надо думать, что я специально что-то скрывал. Я просто не хотел связываться. У меня своих проблем хватает.

— Мы не считаем тебя виноватым, — сказал Макс. — Но если вспомнишь что-нибудь ещё, напиши. Не надо самому никого искать и выяснять отношения.

— Да я и не собирался. У меня, в отличие от некоторых, инстинкт самосохранения работает.

— Это ты сейчас на Вилена намекаешь? — спросил Алик.

— Я вообще на всех вас намекаю.

Я не стал спорить. После сообщения «Не лезь к ней» мне действительно хотелось сделать хоть что-нибудь — найти номер, узнать имя, встретиться с человеком и спросить, какого чёрта он решил, что может мне угрожать. Но Макс был прав: пока у нас не было даже уверенности, что человек у подъезда связан с Фогелем. Было только несколько совпадений, которые складывались в неприятную картину.

Мы договорились, что Репа попробует вспомнить, где видел того парня раньше, но не станет никому звонить и расспрашивать без необходимости. Макс отдельно попросил его не писать об этом в общий чат. Репа закатил глаза, сказал, что не собирался устраивать пресс-конференцию, и всё же кивнул.

Когда мы вышли из подъезда, солнце ударило в глаза. Во дворе кто-то гонял мяч, возле лавочки две девчонки делили наушники, а из открытого окна на первом этаже доносилась песня, которую я слышал уже раз десять за последние дни. Мир не собирался останавливаться из-за того, что какой-то человек интересовался моей жизнью.

— Ну что, — сказал Алик, — теперь у нас есть загадочный Лёха. Очень информативно. Прямо минус один уровень сложности.

— Зато Репа подтвердил, что человек спрашивал про Вилена и Фогеля, — ответил Макс. — Это важнее, чем описание куртки.

— А ещё мы узнали, что Репа не умеет выносить мусор, — добавил я.

— Это вообще не новость, — сказал Алик. — Это базовая характеристика.

Макс остановился у ворот.

— Я вечером напишу Репе, вдруг он вспомнит ещё что-нибудь. А ты пока не делай резких движений. И не пиши Фогелю.

— Я уже понял.

— Я просто проверяю, насколько хорошо ты усваиваешь материал.

— У тебя талант быть занудой.

— Спасибо, я развиваю его с детства.

Алик хлопнул меня по плечу и предложил вечером встретиться всем вместе. Я сказал, что посмотрю по обстоятельствам. Он тут же заявил, что это значит «да», и начал перечислять, кто уже собирается прийти. Макс пошёл с ним к остановке, а я задержался у ворот, проверяя телефон.

От Эстер было одно сообщение: «Ты сегодня занят? Я могу передать тебе кофту, если ты всё-таки решил вернуть её в цивилизацию».

Я усмехнулся и набрал: «Кофта, кажется, уже адаптировалась. Но я могу приехать за ней, если хозяйка не против».

Она ответила не сразу.

«Хозяйка не против. Только предупреждаю: она не будет слушать твои оправдания, если ты опять уйдёшь без неё».

«Тогда придётся быть ответственным».

«Посмотрим».

Я перечитал переписку и убрал телефон. Вчера я бы, наверное, ещё долго думал, что именно написать, чтобы не показаться слишком заинтересованным. Сегодня почему-то не хотелось ничего придумывать. Мне нравилось, что с Эстер можно было говорить о самой обычной ерунде и при этом чувствовать, что разговор не пустой.

Я уже собирался догнать Макса, когда телефон завибрировал снова. На этот раз написала Симура.

«Вы с Репой поговорили?»

Я ответил, что да, и спросил, откуда она узнала. Через несколько секунд пришло:

«Алик написал в беседу, что у вас была секретная встреча. Он вообще не умеет держать язык за зубами».

Я посмотрел на сообщение и набрал, что Репа рассказал про человека у подъезда. Симура прочитала почти сразу, но ответила не сразу. Потом на экране появилось:

«Это мог быть кто угодно. Не надо из-за меня устраивать расследование».

Я задержал палец над клавиатурой.

«Мы не из-за тебя. Он спрашивал про меня и Фогеля».

«Вилен, я знаю, как это начинается. Сначала вы хотите просто разобраться, потом кто-нибудь решает поговорить с Яном, потом всё становится ещё хуже. Не надо».

Я перечитал её слова. В них не было просьбы о помощи. Скорее предупреждение — спокойное, усталое и очень ясное.

«Мы не собираемся к нему ехать», — написал я.

Ответ пришёл почти сразу:

«Надеюсь. И ещё: если он снова напишет тебе, сохрани сообщение. Не отвечай. Я не хочу, чтобы он потом использовал твои слова против тебя».

Я хотел спросить, откуда она так уверена, что Ян именно так поступит, но остановился. Она уже рассказывала мне достаточно, чтобы я понимал: это не предположение, взятое с потолка.

«Хорошо», — ответил я.

Через минуту она добавила:

«И не надо рассказывать всем подряд то, что я тебе говорила. Я сама решу, кому и что объяснять».

«Я не рассказывал».

«Я знаю. Просто напоминаю».

Я убрал телефон. Мне не понравилось, что она почувствовала необходимость это уточнить, но я понимал её. Симура не хотела становиться темой общего обсуждения, даже если

речь шла о человеке, который продолжал вмешиваться в её жизнь. И я не собирался отнимать у неё право решать самой.

Макс уже ждал меня у перехода. Он заметил, что я смотрю в телефон, но спрашивать не стал.

— Симура? — уточнил он только тогда, когда мы пошли к остановке.

— Да. Просит не устраивать расследование вокруг неё.

— И правильно делает.

— Она ещё сказала, чтобы я сохранял сообщения и не отвечал Фогелю.

— Тоже правильно.

— Ты сегодня вообще собираешься со мной спорить?

— Если ты скажешь что-нибудь глупое — обязательно.

Я усмехнулся. Мы прошли мимо магазина, у входа в который стояли двое парней с колонкой. Из неё хрипло играла музыка, кто-то рядом громко смеялся. Макс рассказывал, что вечером Лина хочет собрать всех у Репы, но теперь уже не ради очередного «секретного совещания», а просто посидеть. Я слушал вполуха, думая о том, что сказал Репа.

Человек спрашивал обо мне. О Фогеле. О том, как часто я бываю у Репы. Значит, он не просто случайно оказался возле подъезда и не просто сфотографировал компанию. По крайней мере, теперь так казалось. Но кто он такой и почему ему понадобилось выяснять это у Репы, мы всё ещё не знали.

— Вилен, — позвал Макс.

— А?

— Ты опять ушёл куда-то.

— Я здесь.

— Физически — да. Морально ты уже третий час расследуешь дело.

— А ты третий час меня за это подкалываешь.

— Потому что кто-то должен поддерживать баланс.

Мы подошли к остановке. Макс достал телефон, проверил расписание и убрал его обратно.

— Слушай, я думаю, нам пока достаточно. Репа вспомнит — скажет. Алик уточнит, что видел. Больше мы сейчас ничего не выжмем.

— А если этот Лёха действительно связан с Фогелем?

— Тогда это выяснится не от того, что мы будем бегать по дворам и спрашивать каждого встречного, как его зовут. Не торопись. Иногда лучше подождать, пока человек сам оставит следующий след.

Я посмотрел на дорогу. Вдалеке показался автобус, и ветер шевельнул рекламный плакат на остановке.

— Звучит так, будто ты прочитал умную книжку.

— Я иногда читаю. В отличие от тебя.

— Я тоже читаю.

— Переписки не считаются.

— Завидуй молча.

Макс засмеялся и первым поднялся в автобус. Я сел рядом с окном. Телефон лежал в кармане, но я всё равно чувствовал его вес, словно он мог завибрировать в любую секунду.

Впервые за последние дни у нас появилось не просто предположение, а разговор, который кто-то действительно помнил. Незнакомец знал моё имя, знал о Фогеле и зачем-то выяснял у Репы, как часто я бываю у него дома. Это ещё не доказывало, что он работал на Яна. Но теперь я хотя бы понимал: искать следы нужно было не только в интернете.

Иногда они оставались прямо среди людей, которых ты считал своими знакомыми.

К вечеру я почти убедил себя, что Макс прав и на сегодня с меня хватит чужих следов, подозрительных совпадений и попыток понять, кто именно решил интересоваться моей жизнью. Получалось, правда, не очень: стоило телефону завибрировать, как я тут же проверял экран, даже если это оказывалась какая-нибудь рассылка или сообщение от Алика с очередной бессмысленной картинкой.

В общей беседе к тому времени уже успели поспорить о месте встречи, дважды поменять планы и обвинить Репу в том, что он собирает людей исключительно ради того, чтобы заставить их сидеть на полу.

«Лина:

Короче, у Репы в восемь. Кто опоздает, тот сам себе злой буратино.

Алик:

А кто придёт вовремя?

Лина:

Тот поможет мне донести еду.

Репа:

Я вообще-то не давал согласия на массовое заселение.

Майя:

Поздно. Мы уже морально у тебя.

Макс:

Я буду. Вилен, ты идёшь?

Алик:

Он идёт. Я за него отвечаю.

Я:

Не надо за меня отвечать, у меня есть паспорт.

Алик:

Паспорт не гарантирует адекватность».

Я отложил телефон и пошёл искать чистую футболку. Встречаться с ребятами хотелось. Даже если в последнее время любое обычное событие умудрялось обрастать каким-нибудь неприятным подтекстом, я не собирался проводить всё лето дома, разглядывая экран и ожидая очередного сообщения от человека, которого терпеть не мог.

Без десяти восемь я вышел из подъезда. На улице ещё держалось тепло, но солнце уже опустилось за дома, и во дворах включались фонари. У магазина возле остановки стояла компания подростков, из колонки негромко играла музыка. Кто-то смеялся, кто-то спорил о том, куда идти дальше. Я поймал себя на том, что завидую их способности решать такие важные вопросы, как выбор места для вечерней прогулки, не превращая их в отдельное расследование.

У дома Репы я увидел Эстер.

Она стояла возле подъезда, придерживая ремешок сумки, и что-то читала в телефоне. Волосы были собраны небрежно, несколько прядей выбились возле лица. Когда я подошёл, она подняла глаза и убрала телефон.

— Ты опоздал на целых две минуты, — сообщила она.

— Я не знал, что у нас теперь военный режим.

— У нас всегда был военный режим. Просто ты его игнорировал.

— Неправда. Я был дисциплинированным ребёнком.

Эстер посмотрела на меня с таким выражением, что я сразу понял: зря сказал.

— Вилен, ты однажды спрятался от нас на детской площадке, потому что решил, что если тебя не видно, то тебя не существует.

— Мне было лет пять.

— И что? Это смягчающее обстоятельство?

— Вообще-то да.

Она рассмеялась и протянула мне сложенную кофту.

— Держи. А то ещё решишь, что я собираюсь оставить её себе.

— Я уже начал привыкать к мысли, что у меня появилась вторая кофта.

— У тебя и первой-то нормальной нет. Ты вечно ходишь в одном и том же.

— Это называется постоянство стиля.

— Это называется «мама устала напоминать тебе про стирку».

Я забрал кофту и перекинул через руку. Эстер смотрела на меня с привычной насмешкой, и на секунду мне показалось, что ничего не изменилось. Мы всё так же стояли возле подъезда, обменивались глупостями и собирались подняться к Репе. Как будто между нами не было ни долгого перерыва, ни её возвращения из Петербурга, ни этого странного ощущения, что я начал замечать каждую мелочь, которую раньше принимал как должное.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего.

— У тебя лицо такое, будто ты пытаешься вспомнить, где оставил мозги.

— Может, они у тебя. Ты в детстве всё время забирала мои вещи.

— Потому что ты их терял.

— Я ничего не терял.

— Вилен, ты однажды пришёл ко мне домой без одного ботинка.

— Это была сложная ситуация.

— Ты шёл по двору и решил, что ботинок тебе мешает.

— Я не помню такого.

— Конечно. Ты вообще не помнишь ничего, что выставляет тебя идиотом.

— Зато ты помнишь всё. Удобно.

— Кто-то же должен хранить архив.

Она развернулась к подъезду, а я пошёл следом. И почему-то именно от этой совершенно обычной фразы — про архив — стало особенно спокойно. Эстер действительно помнила. Не только какие-то красивые истории, которые взрослые любят рассказывать за семейным столом, но и всякую ерунду: наши детские ссоры, нелепые привычки, глупые решения. Она знала меня не по тому, каким я пытался казаться сейчас, а по всему, что было до этого.

В квартире Репы уже было шумно. Из комнаты доносился голос Алика, который, судя по интонации, доказывал кому-то, что его музыкальный вкус объективно лучше чужого. На кухне Лина раскладывала по тарелкам принесённую еду, а Майя сидела на подоконнике и листала журнал.

— О, наконец-то, — сказала Лина, увидев нас. — Я уже думала, вы решили провести вечер отдельно от нормальных людей.

— Мы обсуждали важные вопросы, — ответила Эстер.

— Например?

— Почему Вилен до сих пор не научился приходить вовремя.

— Это неисправимая проблема, — сказала Майя. — Мы уже смирились.

— Спасибо за поддержку, — произнёс я.

— Всегда пожалуйста.

Репа выглянул из комнаты.

— Только сразу предупреждаю: обувь не бросать посреди коридора, на кухне не толпиться и ничего не проливать. Я сегодня не собираюсь устраивать генеральную уборку.

— Ты никогда не собираешься устраивать генеральную уборку, — заметил Алик из комнаты.

— А ты никогда не собираешься уходить вовремя, но мы же не предъявляем.

— Предъявляете. Постоянно.

Макс сидел на полу возле дивана, прислонившись спиной к его боку. Рядом с ним лежал пакет с напитками. Он поднял голову, когда я вошёл, и коротко кивнул.

— Живой?

— Пока да.

— Отлично. Значит, вечер можно считать удачным.

Я сел рядом с ним, а Эстер устроилась на диване между Линой и Майей. Разговор быстро перескочил на планы на ближайшие дни. Алик предлагал выбраться куда-нибудь за город, Лина хотела на набережную, Майя говорила, что неплохо бы сходить в кино, а Репа настаивал, что все эти идеи хороши ровно до того момента, пока кто-нибудь не предложит ему оплачивать дорогу.

— Ты просто жмот, — сказал Алик.

— Я человек, который умеет считать деньги.

— Это одно и то же.

— Тогда почему ты каждый раз занимаешь у меня?

— Потому что ты умеешь считать, а я умею находить возможности.

— Ты умеешь находить чужие деньги.

— Не завидуй моему таланту.

Я слушал их и постепенно переставал думать о разговоре с Репой. В комнате пахло пиццей, сладкой газировкой и чьими-то духами. На подоконнике лежали телефоны, рядом с колонкой мигал индикатор. Лина пыталась переключить музыку, Алик возмущался, что его опять лишают права выбора, а Макс комментировал происходящее с таким спокойствием, будто наблюдал за экспериментом, результаты которого были известны заранее.

— Давайте уже решим, куда идём, — сказала Майя. — А то мы сейчас до ночи будем обсуждать, как хорошо было бы куда-нибудь сходить.

— Я за набережную, — сказала Эстер. — Там хотя бы можно нормально гулять, а не сидеть у кого-нибудь на кухне и слушать, как Алик объясняет нам устройство музыкального мира.

— Во-первых, я не объясняю, а просвещаю, — отозвался Алик. — Во-вторых, вы сами ничего не понимаете.

— В-третьих, — добавил Макс, — мы можем просто выйти и решить по дороге.

— Вот! — Алик указал на него. — Человек с мышлением.

— Человек, который хочет, чтобы ты уже замолчал, — уточнил Репа.

Все засмеялись.

Симура пришла чуть позже. Она позвонила в дверь, и Репа, открыв, пропустил её внутрь. На ней была лёгкая куртка, хотя на улице ещё было тепло. Волосы она собрала в хвост, на плече висела небольшая сумка.

— Мы уже начали без тебя, — сообщил Алик.

— Я вижу. Судя по количеству мусора, вы успели прожить здесь целую неделю.

— Это творческий процесс, — сказал Репа.

— У тебя всё творческий процесс. Даже немытая кружка.

Симура улыбнулась, поздоровалась со всеми и села рядом с Майей. Она выглядела спокойнее, чем в последние дни, но я всё равно заметил, как быстро она проверила телефон, прежде чем убрать его в сумку. Не стал спрашивать. После нашего разговора я понял, что иногда лучше не пытаться вытянуть из человека объяснение только потому, что тебе самому тревожно.

Мы ещё немного поспорили о маршруте, а потом Лина предложила всё-таки выйти. Репа сначала заявил, что ему и дома хорошо, но в итоге тоже начал искать ключи. Через десять минут мы всей компанией спустились во двор.

На улице стало прохладнее. Мы шли нестройной толпой, постоянно растягиваясь и снова собираясь вместе. Алик с Максом спорили о какой-то песне, Лина рассказывала Майе историю про знакомую, которая умудрилась поссориться с парнем из-за фотографии во «ВКонтакте». Репа периодически просил всех идти быстрее, хотя сам то и дело останавливался, чтобы ответить на сообщения.

Эстер шла рядом со мной. Иногда наши плечи соприкасались, когда кто-нибудь из ребят резко менял направление, и каждый раз я почему-то замечал это сильнее, чем следовало.

— Ты сегодня какой-то тихий, — сказала она, когда остальные немного отдалились.

— Я всегда такой.

— Не-а. Ты просто иногда делаешь вид, что молчишь по загадочным причинам.

— А какие у меня ещё могут быть причины?

— Например, ты что-то обдумываешь и не хочешь, чтобы тебя отвлекали.

— Это почти то же самое.

— Нет. Когда ты просто молчишь, у тебя нормальное лицо. А когда обдумываешь, ты начинаешь хмуриться, как будто пытаешься решить задачу по физике.

— Я не настолько плохо выгляжу.

— Я не сказала, что плохо. Я сказала, что узнаваемо.

Я посмотрел на неё. Эстер улыбалась, но не пыталась превратить разговор в шутку до конца. Она действительно заметила, что я не в настроении, и ждала, скажу ли я что-нибудь сам.

— Просто устал от всего этого, — признался я. — От сообщений, от того, что кто-то постоянно что-то выясняет, от ощущения, что нельзя спокойно сходить к знакомым, не думая, кто потом об этом узнает.

— Понимаю.

— Не думаю, что ты понимаешь, насколько это бесит.

— Может, и не настолько. Но я знаю тебя достаточно давно, чтобы заметить, когда ты начинаешь загоняться.

— Спасибо, очень поддержала.

— Пожалуйста. Я старалась.

Мы немного помолчали. Впереди Алик что-то громко рассказывал, размахивая руками, и Макс время от времени вставлял короткие замечания. Я посмотрел на Эстер и вдруг вспомнил, как в детстве мы могли часами сидеть на ступеньках возле её дома, придумывая какие-то совершенно бессмысленные игры. Тогда мне казалось, что лето никогда не закончится, а взрослые проблемы существуют где-то в другой вселенной.

— Помнишь, как мы строили штаб за гаражами? — спросил я.

Эстер повернулась ко мне.

— Тот, который ты называл секретной базой?

— Ну да.

— Который развалился после первого дождя?

— Он был временным сооружением.

— Он был из двух досок и старого покрывала.

— Зато у нас была система безопасности.

— Вилен, ты поставил на входе пластиковую бутылку. Если кто-то её задевал, она падала.

— И мы сразу понимали, что к нам проникли.

— Кроме случая, когда ты сам её задел и испугался.

— Я проверял систему.

Эстер засмеялась так искренне, что я тоже не удержался.

— А ещё ты запрещал мне заходить на базу без пароля, — продолжила она. — И каждый раз забывал, какой пароль придумал.

— Я был стратегом.

— Ты был ребёнком с плохой памятью.

— Зато ты всегда знала пароль.

— Потому что я его придумывала.

Я покачал головой, улыбаясь. Воспоминание оказалось удивительно живым: пыльные доски, нагретый асфальт, наши голоса, спор из-за того, кто будет главным. И Эстер рядом — такая же уверенная, как сейчас, только ниже ростом и с вечно сбитыми коленками.

— Странно, — сказал я. — Кажется, это было совсем недавно.

— А мне иногда кажется, что это было в другой жизни.

— Ты же тогда сказала, что никогда не уедешь из Нижнего.

— Я много чего говорила.

— Например?

— Например, что выйду замуж за мальчика, который умеет строить нормальные штабы.

— Значит, у меня ещё есть шанс?

Она повернулась ко мне, приподняв брови.

— Если научишься пользоваться молотком, обсудим.

Я рассмеялся, но ответить не успел: Алик обернулся и крикнул, чтобы мы не отставали.

— Вы там что, отдельную экскурсию устроили? — спросил он.

— Вилен рассказывает о своих достижениях в строительстве, — ответила Эстер.

— Тогда понятно, почему мы так долго стоим.

— Завидуй молча, — сказал я.

— Я бы завидовал, если бы у вас хоть что-то получилось.

Эстер ускорила шаг и догнала Майю. Я остался чуть позади, всё ещё улыбаясь. Мне нравилось, что она могла поддеть меня так, как никто другой, и при этом не задевала по-настоящему. Между нами не нужно было осторожно подбирать каждое слово. Мы слишком давно знали друг друга для этого.

Может быть, именно поэтому я и не понимал, что со мной происходит. С незнакомым человеком всё было бы проще: можно было бы списать странное волнение на желание понравиться, на любопытство, на что угодно. Но Эстер не была незнакомой. Она уже знала меня — и хорошего, и раздражающего, и смешного, и совершенно невыносимого. И всё равно рядом с ней я иногда чувствовал себя так, будто только сейчас учусь находиться с ней рядом.

Мы дошли до набережной, где компания остановилась возле ограждения. Внизу темнела вода, вдали зажигались огни. Лина достала телефон и предложила сфотографироваться, но Алик начал кривляться, утверждая, что не готов к съёмке без предварительного предупреждения.

— Тебя никто не предупреждал, что ты должен быть красивым, — сказала Майя.

— Это врождённое состояние.

— Врождённое заблуждение, — поправил Макс.

Лина сделала несколько снимков, на одном из которых Алик закрыл глаза, а Репа смотрел в другую сторону. Потом она заставила всех пересмотреть фотографии и выбрать ту, которую можно выложить.

Симура стояла немного в стороне, разглядывая экран телефона. Я заметил, что она открыла переписку, но на этот раз не стала прятать экран сразу. Она прочитала что-то, заблокировала телефон и убрала его в сумку.

Через несколько минут она сама подошла к нам.

— Слушайте, я хочу одну вещь сказать, — произнесла она.

Разговоры постепенно стихли. Симура посмотрела на каждого из нас, словно проверяя, все ли слушают.

— Ян снова писал. Я не собираюсь с ним встречаться и выяснять отношения. И я не хочу, чтобы кто-то из вас ему писал или пытался поговорить за меня. Если мне понадобится помощь, я скажу сама. Договорились?

Алик первым кивнул.

— Да без проблем. Только если он начнёт к тебе лезть, ты не молчи, ладно?

— Я не молчу, Алик. Я просто не хочу, чтобы вы устраивали из этого коллективный кипиш.

— Понял. Без самодеятельности.

Макс спокойно добавил:

— Если он будет писать или появляться рядом, сохрани сообщения. И если почувствуешь, что ситуация выходит из-под контроля, скажи кому-нибудь из взрослых, кому доверяешь. Не обязательно нам всем сразу.

Симура посмотрела на него и кивнула.

— Я знаю.

— И всё, — сказал Репа. — Никаких геройских поступков. У нас и так проблем хватает.

— Особенно у тебя с мусором, — заметила Лина.

— Почему вы постоянно возвращаетесь к этой теме?

— Потому что она актуальная, — ответила Майя.

Симура улыбнулась. Напряжение немного спало, и разговор постепенно вернулся к обычным вещам. Но мне показалось важным, что она сказала это сама. Не потому, что мы её уговорили, не потому, что кто-то решил за неё, а потому, что она больше не хотела оставлять всё недосказанным.

Я поймал её взгляд. Она едва заметно кивнула мне, и я ответил тем же. Никаких дополнительных вопросов. Она обозначила границы — мы должны были их соблюдать.

Мы ещё немного постояли у ограждения. Потом Алик предложил купить что-нибудь в ближайшем магазине, и вся компания двинулась обратно. По дороге Лина с Майей ушли чуть вперёд, обсуждая фотографии, а Репа с Аликом снова начали спорить — теперь уже о том, кто должен выбирать музыку для следующей встречи.

Я шёл рядом с Максом. Он дождался, пока остальные отойдут, и негромко спросил:

— Ты нормально?

— Да. А что?

— Просто сегодня ты не пытался ни с кем поссориться. Непривычно.

— Могу исправить.

— Не надо. У меня на сегодня лимит приключений закончился.

Я усмехнулся.

— Симура молодец, что сама сказала.

— Ага. Ей давно стоило обозначить, чего она хочет. И нам тоже стоило перестать делать вид, что мы лучше знаем, как ей будет правильно.

Я посмотрел вперёд. Симура шла рядом с Майей, что-то рассказывала ей и даже смеялась. Не было ощущения, что всё внезапно стало хорошо, но хотя бы на этот вечер она не выглядела человеком, который ждёт очередного удара.

— Ты думаешь, Ян отстанет? — спросил я.

Макс помолчал.

— Нет. Но это не значит, что мы должны жить так, будто он уже стоит за каждым углом.

— Умеешь ты успокоить.

— Я не успокаиваю. Просто говорю, как есть.

У магазина мы остановились. Алик отправился внутрь вместе с Репой, Лина попросила купить ей мороженое, а Майя начала перечислять, что ещё нужно взять. Я остался на улице с Эстер. Она стояла возле витрины, рассматривая отражение нашей компании в стекле.

— Забавно, — сказала она. — Мы вроде просто вышли погулять, а в итоге опять обсуждали чьи-то проблемы.

— У нас насыщенная социальная жизнь.

— У вас, — поправила она. — Я вообще-то приехала на лето отдыхать.

— И как успехи?

— Пока сомнительно. Но компания мне нравится.

— Даже Алик?

— Особенно Алик. Он очень полезен, когда нужно понять, как не надо себя вести.

— Передам ему.

— Не смей. Он возгордится.

Из магазина вышел Репа с пакетом, следом появился Алик, который уже успел открыть мороженое и теперь доказывал, что это не считается воровством, потому что он собирался заплатить. Лина отобрала у него упаковку и заставила вернуться на кассу.

Я смотрел на них и думал, что, наверное, именно этого мне и не хватало последние несколько дней. Не разговоров о том, что всё будет хорошо, и не обещаний, что никто не пострадает. Просто возможности провести вечер с людьми, рядом с которыми можно не следить за каждым словом и не ждать подвоха.

Когда мы снова двинулись по улице, Эстер на секунду задержалась рядом со мной.

— Кстати, — сказала она, — ты ведь помнишь, что завтра обещал помочь мне с одной штукой?

— Какой именно?

— Вот видишь. Уже забыл.

— Я ничего не забывал. Я уточняю детали.

— Конечно. Детали такие: ты обещал показать мне старые фотографии. Те самые, где мы ещё маленькие.

— Зачем?

— Хочу проверить, насколько ты был нелепым.

— Был?

— Ладно, насколько ты изменился.

— Это уже звучит как оскорбление.

— Воспринимай как мотивацию.

Она улыбнулась и догнала остальных. Я посмотрел ей вслед и поймал себя на том, что уже думаю, какие фотографии смогу найти. Наверное, там будет и тот самый штаб за гаражами, и мы с грязными коленками, и Эстер с выражением лица человека, который уже тогда знал, что мне нельзя доверять важные решения.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

Я достал его, ожидая увидеть сообщение из общей беседы. Но на экране высветился незнакомый номер.

«Хорошо погуляли. Передай Эстер привет».

Я остановился.

Сначала мне показалось, что я неправильно прочитал. Потом перечитал ещё раз, медленно, по буквам. Сообщение было коротким, почти дружелюбным. В нём не было прямой угрозы, не было имени Фогеля, не было ничего, за что можно было бы зацепиться и сразу обвинить кого-то конкретного.

Но человек знал, что Эстер была здесь. Знал, что мы гуляли вместе. И, судя по формулировке, рассчитывал, что я пойму: это сообщение адресовано не случайно.

— Вилен? — позвала Эстер.

Я поднял голову. Она уже отошла на несколько шагов и теперь смотрела на меня через плечо.

— Идёшь?

Я заблокировал экран и убрал телефон в карман.

— Да. Сейчас.

Я догнал её, стараясь не смотреть по сторонам слишком заметно. Впереди Алик опять громко спорил с Репой, Лина смеялась, а Макс что-то рассказывал Майе. Обычный вечер продолжался, и никто из них пока не заметил, что только что изменилось.

Я не стал показывать сообщение Эстер прямо посреди улицы. Не хотел пугать её раньше времени и не собирался решать за неё, что она должна знать и когда. Но одно я понял совершенно ясно: теперь речь шла уже не только обо мне и не только о Симуре.

Кто-то обратил внимание на Эстер.

И мне совсем не понравилось, что этот кто-то решил передать привет через меня.

Домой мы возвращались уже без прежней лёгкости.

Компания постепенно растянулась по дороге: Лина с Майей ушли вперёд, Алик задержался возле киоска, а Макс, как обычно, шёл рядом со мной, засунув руки в карманы. Эстер немного отстала, отвечая кому-то на сообщения. Я несколько раз ловил себя на желании обернуться и проверить, здесь ли она, хотя прекрасно видел её боковым зрением.

Телефон лежал в кармане. Я не доставал его с тех пор, как прочитал сообщение.

«Хорошо погуляли. Передай Эстер привет».

Всего пять слов. Ни угрозы, ни требования, ни даже привычного предупреждения. Именно поэтому оно раздражало сильнее, чем всё, что Ян писал раньше. Он словно не собирался ничего объяснять. Просто давал понять, что видел нас. Или знал о нас.

— Ты опять завис, — заметил Макс, покосившись на меня. — Я уже минут пять наблюдаю, как ты идёшь с таким лицом, будто пытаешься мысленно разобрать телефон на запчасти. Если там ничего нового не появилось, может, расскажешь, что у тебя в голове происходит?

— Только не начинай, ладно? Я знаю этот твой тон и примерно представляю, к чему ты ведёшь.

— Я ещё даже не начал, можешь не защищаться заранее. Просто хочу понять, собираешься ли ты рассказать Эстер про сообщение или опять решишь, что лучше промолчать, пока всё само куда-нибудь не рассосётся.

Я посмотрел на него.

— А ты сам как думаешь? — я посмотрел на него. — Если бы я уже решил, что ей сказать, мы бы сейчас не обсуждали это посреди улицы.

— Думаю, что она всё равно заметит, — ответил Макс. — Вы друг друга с детства знаете, она по одному твоему лицу понимает, когда ты врёшь. Ты рядом с ней даже молчишь как-то особенно подозрительно, будто у тебя в голове одновременно играет музыка, сирена и сигнализация.

— Спасибо за наблюдательность. Не знал, что ты теперь ещё и специалист по выражениям моего лица.

— Обращайся. Могу, если хочешь, продолжить наблюдения и рассказать, как ты на неё смотришь, когда думаешь, что никто не замечает. Но, по-моему, это уже будет слишком личная консультация.

— Макс, я серьёзно. Давай хотя бы сегодня без твоих лекций о моей личной жизни.

— Ладно, всё, молчу. Хотя ты сам прекрасно понимаешь, что я прав, поэтому и пытаешься сменить тему.

Он выдержал паузу секунд пять, после чего всё-таки добавил:

— Только не делай из этого тайну. Если человек, который уже угрожал тебе, теперь пишет про Эстер, она имеет право знать, что происходит. Не надо решать за неё, насколько серьёзно это выглядит и что она сможет выдержать.

Я и сам это понимал. Просто мне не хотелось превращать обычный вечер в очередное обсуждение Яна. Эстер вернулась в город на лето, мы наконец-то снова проводили время вместе, и мне хотелось хотя бы иногда делать вид, что всё вокруг не крутится вокруг одного человека.

— Завтра скажу, — ответил я. — Сегодня уже поздно, да и не хочу бросать ей это на ходу, когда мы все расходились по домам.

— Хорошо. Только, пожалуйста, не превращай «не хочу её расстраивать» в универсальное оправдание. Ты ведь понимаешь, что так можно скрывать от человека всё что угодно.

Я ничего не ответил. Макс, кажется, счёл это достаточным.

У перекрёстка мы разошлись. Он пошёл к остановке, я дождался, пока Эстер закончит переписку, и только тогда догнал её.

— Ты чего так медленно? — спросила Эстер, убирая телефон в сумку. — Я уже успела ответить на два сообщения, проверить расписание автобусов и решить, что ты опять где-то потерялся.

— Ждал тебя. Не хотелось оставлять тебя одну идти через весь квартал, пока я изображаю человека, который очень занят собственными мыслями.

— Как трогательно. А я уже решила, что ты просто забыл, куда идти, и теперь ждёшь, пока кто-нибудь из местных покажет тебе дорогу.

— Я здесь вырос, между прочим. У меня хотя бы есть преимущество перед туристами, которые приезжают на неделю и уверены, что знают город лучше всех.

— Именно поэтому и удивительно: человек, который знает здесь каждый двор, умудряется иногда выглядеть так, будто впервые оказался на этой улице.

Я усмехнулся. Она шла рядом, чуть покачивая сумкой, и выглядела совершенно спокойно. Наверное, именно это и мешало мне заговорить: не хотелось приносить в её вечер что-то чужое и неприятное.

— Слушай, ты завтра после обеда свободна? — спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее.

— Смотря что ты задумал. Если опять собираешься тащить меня куда-нибудь без объяснений, я сначала хочу услышать хотя бы примерный план и оценить вероятность того, что мне придётся много ходить.

— Ты сама просила показать старые фотографии. Я подумал, что можем спокойно посидеть, разобрать коробку и заодно найти те снимки, которые ты всё время просишь у моей мамы.

— Я просила показать нормальные фотографии, а не весь твой архив катастроф. Мне нужны снимки, где у тебя открыты глаза, одежда принадлежит тебе, а выражение лица не такое, будто ты только что проиграл спор и теперь пытаешься вспомнить, кому должен денег.

— Боюсь, это и есть большая часть моего архива. У меня почему-то почти все фотографии либо смазанные, либо сделаны в тот момент, когда я ел, моргал или пытался увернуться от камеры.

— Значит, мне придётся запастись терпением и морально подготовиться к тому, что половину вечера я буду смеяться над тобой.

— Приходи после обеда, часов в три. Мама будет на работе, так что никто не станет комментировать каждую фотографию и рассказывать, каким я был ужасным ребёнком.

— Ладно, приду. Но только при условии, что у тебя найдётся чай и что-нибудь съедобное. Я не собираюсь два часа разглядывать твои детские фотографии на одном кофе из автомата.

— У меня есть печенье. Кажется, даже два вида, если мама не спрятала второй пакет от меня.

— Вилен, печенье — это не еда, а попытка убедить организм, что ты о нём заботишься. Ты же не можешь всерьёз считать его полноценным обедом.

— Вот это ты моей маме и объясни. Она почему-то считает, что если в доме есть печенье, значит, все вопросы с питанием уже решены.

Эстер рассмеялась, и я почти решил, что отложу разговор ещё на один день. Но она остановилась возле своего подъезда и посмотрела на меня так, будто уже поняла, что я собираюсь что-то сказать.

— Что? — спросила она, задержавшись у подъезда и внимательно посмотрев на меня. — Ты уже несколько минут собираешься что-то сказать, но каждый раз передумываешь. Давай, выкладывай, пока я не ушла.

— Ничего. То есть не совсем ничего, но я пока не уверен, как это нормально объяснить.

— Ты сейчас выглядишь так же, как в детстве, когда разбивал что-нибудь дома и пытался убедить всех, что оно само упало.

— Я ничего не разбивал. По крайней мере, не так, чтобы это можно было доказать, а чашка, насколько я помню, уже была треснутая.

— Конечно. У тебя просто однажды самостоятельно раскололась чашка, а потом каким-то образом оказалась под диваном.

— Там действительно была сложная ситуация, и если бы ты тогда не начала смеяться, я бы, возможно, смог всё объяснить.

— Конечно, сложная. Ладно, спокойной ночи, герой сложных ситуаций. Завтра жду тебя с рассказом и фотографиями, только без очередной чашечной трагедии.

Она уже потянулась к двери, но я всё-таки окликнул её:

— Эстер.

— М?

Я хотел сказать прямо сейчас. Достать телефон, показать сообщение и закончить с этим. Но в последний момент передумал.

— Завтра расскажу кое-что. Не то чтобы страшное, просто неприятное, и я не хочу сейчас начинать этот разговор на лестнице, когда ты уже собираешься домой.

Она не стала улыбаться.

— Хорошо. Завтра так завтра. Только не надо потом делать вид, что забыл, о чём хотел поговорить. Я тебя знаю, Вилен.

И, прежде чем скрыться в подъезде, добавила:

— Только не готовь заранее речь. Я тебя знаю, ты начнёшь с середины, потом вернёшься к началу и забудешь, что вообще хотел сказать.

— Очень смешно. Я, между прочим, вполне способен рассказать что-нибудь последовательно и не запутаться в собственном объяснении.

— Я старалась. И, если честно, у меня есть основания сомневаться в твоих способностях, но я дам тебе шанс.

Дверь закрылась, а я ещё несколько секунд стоял на месте.

Кажется, она действительно знала меня слишком хорошо.

# # #

На следующий день Эстер пришла почти в три.

Я услышал звонок, когда пытался найти в шкафу коробку со старыми фотографиями. Коробка, разумеется, оказалась не там, где я её оставил в прошлый раз. Впрочем, я уже привык, что в нашей квартире вещи имели собственное мнение относительно места хранения.

— Открыто! — крикнул я, хотя прекрасно понимал, что через закрытую дверь подъезда она меня не услышит.

Пришлось самому идти открывать.

Эстер стояла на лестничной площадке с небольшой сумкой через плечо и двумя стаканчиками кофе из автомата.

— Я принесла тебе взятку, — сообщила Эстер вместо приветствия, подняв два стаканчика. — Один тебе, один мне. Надеюсь, этого достаточно, чтобы ты не пытался скрыть от меня самые позорные фотографии.

— И за что же мне такая щедрость? Я вроде ещё даже не успел совершить ничего, за что меня стоило бы подкупать.

— Чтобы ты не показывал мне фотографии, где тебе три года и ты голый сидишь в тазике. Я помню, что твоя мама обещала однажды достать альбом, и предпочитаю заранее принять меры.

— У меня нет таких фотографий. И вообще, откуда у тебя такая уверенность, что моя мама хранит именно этот компромат?

— У твоей мамы точно есть. Она однажды показывала мне альбом и сказала, что это её любимая фотография. Я просто не хочу, чтобы ты снова пережил этот позор.

— Ты слишком много знаешь для человека, который вроде бы просто пришёл посмотреть фотографии.

— Вилен, мы знакомы лет пятнадцать. Я видела тебя в гораздо более компрометирующих обстоятельствах, чем детский тазик, и, поверь, некоторые из этих историй я до сих пор храню в памяти исключительно ради шантажа.

Она протянула мне один стаканчик и прошла в квартиру, даже не дожидаясь приглашения. Я проводил её взглядом и поймал себя на том, что улыбаюсь. Вот так всё и должно было быть. Она приходит, не спрашивая, где оставить обувь, проходит на кухню, открывает шкафчик с кружками, потому что помнит, в каком из них лежат ложки.

В этом не было ничего нового. И всё же в последнее время я замечал каждую такую мелочь.

— Дина дома? — спросила Эстер, заглянув в комнату и по привычке посмотрев в сторону кухни. — А то я хотела поздороваться, но не услышала её голос, когда вошла.

— На работе, вернётся только вечером. Так что сегодня у нас есть несколько часов, чтобы спокойно изучить мой архив и не выслушивать от неё комментарии к каждому снимку.

— Тогда у нас есть шанс спокойно изучить твои позорные архивы. Хотя я всё равно уверена, что твоя мама знает о них гораздо больше, чем ты думаешь.

— Скажи честно: ты пришла ради фотографий или всё-таки ради возможности несколько часов подряд унижать меня? Потому что пока складывается впечатление, что второе для тебя даже важнее.

— В моём случае это взаимосвязанные вещи. Я не вижу смысла выбирать что-то одно, если можно получить сразу оба удовольствия.

Я достал коробку из верхнего отделения шкафа и поставил на стол. Эстер устроилась на полу, поджав под себя ноги, и принялась вытаскивать альбомы. Первые несколько минут всё действительно было как раньше: она смеялась над моими причёсками, я обвинял её в том, что она специально выбирает самые неудачные снимки, а она утверждала, что фотография, на которой я стою с пластмассовым мечом и в панаме, заслуживает отдельной выставки.

— Господи, подожди, — протянула Эстер, поднеся снимок ближе. — Это же тот самый день, когда мы пытались построить крепость за гаражами! Я помню, как ты притащил туда какие-то доски и уверял, что у тебя есть настоящий архитектурный план.

— Мы её построили, между прочим. Может, она и не выглядела как настоящий замок, но там можно было спрятаться от дождя, а значит, задача была выполнена.

— Вилен, мы положили три доски на кирпичи и назвали это крепостью. А потом ты заставил меня охранять вход, хотя никакого входа там не было — просто дырка между досками.

— Зато у нас был пароль, и никто посторонний не мог попасть внутрь без разрешения. Это, между прочим, важная часть любой приличной крепости.

— Пароль был «арбуз», — напомнила она. — Не знаю, что именно мы собирались защищать этим словом, но звучало оно совершенно несерьёзно.

— Не просто арбуз, а «Арбуз-17». Цифра была принципиальной, потому что без неё пароль не работал. Ты сама придумала, что обычный арбуз слишком легко угадать.

— И почему именно семнадцать? Я до сих пор не понимаю, откуда ты взял это число. У нас ведь даже возраста такого не было.

— Не помню. Наверное, это был очень секретный уровень безопасности. Мы же не могли просто так доверить нашу крепость первому встречному.

Она засмеялась и положила фотографию рядом с собой. Я сел напротив, прислонившись спиной к дивану. На несколько минут мне удалось забыть о вчерашнем сообщении.

Потом Эстер взяла следующий снимок.

На нём мы стояли втроём: я, она и Макс. Макс был заметно ниже, чем сейчас, с нелепо торчащими волосами и таким серьёзным выражением лица, будто его заставили фотографироваться под угрозой расстрела.

— Вот это обязательно надо отправить Максу, — сказала Эстер, разглядывая фотографию. — Пусть посмотрит, каким красавцем он был. У него сейчас слишком много уверенности в собственной внешности, полезно иногда возвращаться к истокам.

— Он скажет, что фотография поддельная, а мы специально нашли какого-то другого мальчика, чтобы его опозорить.

— Тогда отправим рядом твою фотографию, чтобы он понял, что пострадали мы оба. Не хочу, чтобы он думал, будто только ему досталась сомнительная причёска и странная одежда.

Я улыбнулся, но тут же отвёл взгляд к коробке. Телефон лежал на столе экраном вниз. Я уже несколько раз собирался достать его, но каждый раз находил повод отложить.

Эстер заметила.

— Ну? — спросила Эстер, заметив, как я снова посмотрел на телефон. — Ты уже минут десять ходишь вокруг этой темы. Если собирался что-то рассказать, то сейчас, кажется, самое подходящее время.

— Что именно? — спросил я, хотя по её голосу уже понял, что речь не о фотографиях.

— Ты же вчера хотел мне что-то рассказать.

Я провёл пальцем по краю фотографии.

— Да, только пока не понимаю, насколько можно доверять этому воспоминанию. Сам Алик говорит, что не уверен, да и Репа тогда не придал разговору значения.

— И это связано с тем самым неприятным, о котором ты вчера сказал возле дома? Или ты нашёл ещё одну причину выглядеть так, будто собираешься сообщить мне плохие новости?

— Связано. Я хотел сначала сам разобраться, но, кажется, это уже не тот случай, когда стоит ждать, пока появится полная картина.

Она отложила альбом и повернулась ко мне. В её лице не было испуга, только внимательность. Та самая, которая иногда раздражала меня ещё в детстве: Эстер могла не задавать ни одного вопроса, но по одному взгляду было понятно, что отговориться не получится.

Я разблокировал телефон, открыл переписку и протянул ей.

Она прочитала сообщение один раз. Потом ещё раз, чуть нахмурившись.

— «Хорошо погуляли. Передай Эстер привет», — прочитала она вслух, потом ещё раз посмотрела на экран. — Очень мило. Прямо воспитанный молодой человек: не забыл поздороваться, хотя я даже не знаю, кто он такой и почему решил, что может обращаться ко мне через тебя.

— Я понимаю, что тебе сейчас не до шуток, — сказала она, заметив моё выражение лица. — Просто если я начну сразу злиться, легче от этого не станет. Но сообщение действительно неприятное.

— Я знаю. И я не пытаюсь сделать вид, что это смешно. Просто пытаюсь понять, что именно он хотел этим сказать.

Она вернула мне телефон, но продолжала смотреть на экран.

— Это тот же номер, с которого тебе уже писали раньше? Или кто-то новый решил поучаствовать в этой странной переписке?

— Я не знаю, сейчас сравню. Вчера я только увидел сообщение и убрал телефон, не стал разбираться, потому что мы были все вместе.

— Тогда проверь, пожалуйста. Если это тот же человек, это одна история, а если другой номер — нам хотя бы нужно понимать, что сообщений может быть больше одного источника.

Я пролистал переписку с неизвестными номерами. Предыдущее сообщение было там же, но я не был уверен, что отправители совпадают. Цифры отличались. Я сравнил их ещё раз, затем показал Эстер.

— Номер другой. Я сравнил с тем, откуда приходило предыдущее сообщение, и цифры не совпадают.

— Значит, либо это действительно другой человек, либо кто-то специально написал с другого номера. В любом случае это пока ничего не доказывает, но приятнее от этого не становится.

— Или кто-то просто знает, что мы были вместе. Нас было много, мы не прятались, фотографировались на набережной. Эту информацию мог получить кто угодно.

— Вилен, это я уже поняла. Я не прошу перечислять все очевидные варианты, я пытаюсь выяснить, почему ты считаешь, что за этим может стоять именно Ян.

В её голосе не было раздражения, но я всё равно почувствовал себя идиотом.

— Я не знаю, кто это, — сказал я. — И не знаю, откуда он взял информацию. Вчера мы были все вместе, фотографировались, ходили по набережной. Нас могли видеть. Кто-то мог знать, что ты вернулась. Мог услышать от кого-нибудь.

— А ты сам думаешь, что это мог быть Ян? Я спрашиваю не потому, что хочу услышать удобный ответ, а потому, что его имя уже несколько раз возникало в твоих рассказах.

Я поднял глаза.

— Что именно с Яном? — переспросил я, хотя прекрасно понял, о чём она спрашивает.

— Ты думаешь, что это он написал? Или кто-то действует от его имени? Мне важно понять, что ты сам предполагаешь.

— Не знаю. Я не хочу обвинять его только потому, что он уже угрожал мне раньше, но и исключать его тоже не могу.

Эстер кивнула, словно именно такого ответа и ожидала.

— Тогда расскажи мне всё нормально, насколько сам можешь. Не так, будто я случайно увидела кусок переписки и теперь должна по обрывкам догадаться, что происходит. Я не собираюсь вытягивать из тебя каждую подробность, но хочу понимать, в какой ситуации оказалась.

Я отложил телефон.

— Ты же знаешь про него. Я рассказывал тебе, что он писал мне и что у нас с ним давно всё плохо.

— Я знаю, что у вас конфликт, что он писал тебе и что с Симурой у него была какая-то очень неприятная история. Но я не знаю, что именно произошло между вами, почему ты так напряжён каждый раз, когда видишь его имя, и почему даже обычное сообщение от неизвестного номера заставляет тебя проверять телефон по несколько раз.

— Я не жду от него ничего. Просто стараюсь не удивляться, если он снова что-нибудь выкинет.

— Не надо мне сейчас говорить, что всё нормально. Я вижу, что ты сам себе не веришь, когда это произносишь.

— Ладно, иногда жду. Не потому, что мне хочется думать о нём, а потому, что после всего, что уже было, я не могу просто взять и перестать обращать внимание.

Она не перебила.

Я рассказал ей про сообщения, про фотографию возле дома Репы, про встречу за школой и про то, что Ян пытался выяснить, где я нахожусь и с кем общаюсь. Не стал пересказывать всё, что знал о его отношениях с Симурой: это была не моя история, и Эстер уже слышала достаточно, чтобы понимать, что там всё было серьёзно. Но я объяснил, что Ян не просто неприятный человек, с которым мы однажды поссорились. Он умел давить на людей, заставлять их сомневаться в себе и вести себя так, будто любое чужое решение должно быть согласовано с ним.

— И ты всё это время мне ничего не рассказывал? — спросила она, когда я закончил. — Я понимаю, что ты не обязан пересказывать мне каждый разговор с Максом или Аликом, но здесь речь уже не только о ваших разборках. Меня тоже упоминают в сообщениях, и я даже не знаю, кто это делает.

— Я не хотел втягивать тебя во всё это. Ты только вернулась, мы наконец-то начали нормально проводить время, и мне казалось неправильным сразу перекладывать на тебя чужие проблемы.

— А ты не подумал, что я уже втянута, если мне пишут такие сообщения? Я не могу оставаться в стороне от ситуации только потому, что ты решил не рассказывать мне о ней. И мне совсем не нравится узнавать о себе из чужого приветствия.

— Именно это сообщение пришло только вчера. Но всё остальное началось гораздо раньше, и ты ведь знал, что рано или поздно это может коснуться кого-то ещё.

— Но конфликт начался не вчера, Вилен. Ты уже какое-то время живёшь с этим, а я всё это время думала, что ты просто иногда ссоришься с Яном и не хочешь лишний раз о нём говорить.

Я промолчал.

Эстер взяла стаканчик с кофе, сделала небольшой глоток и поставила его обратно.

— Я не прошу рассказывать мне каждую вашу разборку, — продолжила она спокойнее. — И не собираюсь требовать, чтобы ты докладывал, где был и с кем разговаривал. Но мы с тобой не чужие люди. Ты можешь хотя бы не делать вид, что всё нормально, когда это очевидно не так.

— Я не хотел, чтобы ты переживала из-за того, на что пока всё равно не можешь повлиять. Наверное, я решил, что так будет проще для нас обоих, хотя сейчас понимаю, что это было не совсем честно.

— Это не очень хороший аргумент. Особенно когда ты сам решаешь, что мне можно знать, а что нет. Я не маленькая и не собираюсь падать в обморок от неприятной новости. Если ты мне доверяешь, то можешь хотя бы дать возможность самой решить, как к этому относиться.

Я провёл ладонью по лицу.

— Понимаю. И, наверное, должен был сказать раньше, а не ждать, пока появится сообщение с твоим именем.

— Правда? Потому что иногда ты говоришь «понимаю» только для того, чтобы разговор поскорее закончился.

— Да, Эстер. Я не хочу, чтобы между нами появилось ещё что-то, о чём один знает, а другой должен догадываться.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем обычно, а потом отвернулась к фотографиям.

— Хорошо. Тогда у меня есть ещё один вопрос, и мне кажется, он сейчас важнее всего остального.

— Как Ян вообще знает, кто я такая? Мы ведь никогда не общались, насколько я помню.

— Откуда Ян знает, кто я?

Я ожидал этого вопроса, но всё равно не сразу нашёл ответ.

— Ты давно рядом с нами, даже если какое-то время жила в Петербурге. Он мог видеть тебя на фотографиях, мог слышать о тебе от кого-нибудь из ребят. Я не знаю, но для него ты не совсем незнакомый человек, потому что он знает, с кем я общаюсь.

— Но мы с ним точно никогда не разговаривали? Я пытаюсь вспомнить, не пересекались ли мы где-нибудь на вечеринке или в школе, но у меня вообще нет ощущения, что я его знаю.

— Насколько я знаю, нет. Я не помню, чтобы вы знакомились или хотя бы нормально разговаривали. Если вы и пересекались, то случайно и мельком.

— Я его даже не помню, и это странное чувство: человек знает, кто я, а я не могу даже представить его лицо. Может, я видела его где-то рядом с вами, но он не оставил у меня в памяти вообще ничего.

— Ты могла видеть его где-нибудь.

— Возможно. Но если видела, то он не произвёл на меня настолько сильного впечатления, чтобы я запомнила его лицо.

Она произнесла это без насмешки. Скорее, с недоумением.

— Я слышала его имя от тебя, — продолжила Эстер. — И от Симуры. Но это всё. Я не знаю, какой он в жизни, как разговаривает, как себя ведёт. Я знаю только то, что вы о нём рассказываете.

— И этого достаточно, чтобы держаться от него подальше. Тебе совершенно необязательно узнавать его поближе, чтобы понять, что сейчас лучше не искать с ним знакомства.

— Я и не собиралась с ним знакомиться, можешь не переживать. Но мне не нравится сама мысль, что он может знать обо мне больше, чем я о нём.

— Хорошо. Я просто хотел убедиться, что ты не собираешься сама искать с ним встречи.

— Но мне не нравится, что какой-то человек может написать тебе про меня так, будто имеет право передавать приветы от моего имени или через меня.

— Мне тоже не нравится. Особенно то, что он решил упомянуть тебя именно так, будто проверяет, как я отреагирую.

— Тогда давай договоримся без геройства, ладно? Если он снова напишет или кто-то начнёт спрашивать обо мне, не надо сразу бежать разбираться. Сначала поговорим, соберём то, что действительно известно, и уже потом решим, что делать.

Я посмотрел на неё.

— В смысле, я не хочу, чтобы ты пытался в одиночку всё закончить. Не нужно искать его по дворам, устраивать встречу один на один или доказывать, что тебя нельзя запугать. Это не соревнование, в котором обязательно кто-то должен победить.

— В смысле, если он снова напишет, ты не побежишь выяснять отношения. Не станешь искать его по дворам, не будешь устраивать встречу один на один и не решишь, что должен всё закончить самостоятельно.

— Я и не собирался. По крайней мере, не так, как ты сейчас описываешь. Я не настолько безголовый, чтобы идти к нему одному.

— Ты именно так и выглядишь, когда начинаешь злиться: сначала говоришь, что ничего не будешь делать, а потом внезапно выясняется, что уже всё решил и просто никому не сообщил.

— Как человек, который уже придумал три способа найти виноватого, а четвёртый оставил на случай, если первые три не сработают. И всё это время делает вид, что просто сидит и пьёт кофе.

— Как человек, который уже придумал три варианта, как найти виноватого, и четвёртый — как сделать вид, что ничего не произошло.

Я невольно усмехнулся.

— Ты меня переоцениваешь. Я, может быть, и злюсь, но не собираюсь устраивать из этого самостоятельное расследование.

— Я тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить в эту версию без дополнительных доказательств. Ты можешь сколько угодно изображать спокойствие, но я помню, каким ты становишься, когда кто-то задевает людей, которые тебе дороги.

Это прозвучало почти буднично, но почему-то задело сильнее остальных слов. Я вспомнил, как она говорила то же самое много лет назад, когда мы спорили из-за какой-нибудь ерунды. Тогда это означало, что она знает, где я спрятал конфеты или почему не хочу идти домой. Теперь — что она замечает вещи, которые я сам старательно пытаюсь скрыть.

— Ладно, я не буду ничего предпринимать без разговора с Максом. И с тобой тоже, если это касается тебя или того, что кто-то пишет про тебя. Я не обещаю, что перестану злиться, но хотя бы не стану действовать на эмоциях.

— Вот это уже больше похоже на разумную мысль. Не идеальную, конечно, но хотя бы такую, с которой можно иметь дело.

— Не привыкай. Я не собираюсь каждый раз устраивать собрание и согласовывать с вами каждое своё движение.

— Поздно. Я уже привыкла, что ты сначала делаешь вид, будто всё контролируешь, а потом всё равно приходишь советоваться.

Она потянулась за фотографией, но вместо того, чтобы продолжить рассматривать альбом, задержала её в руках.

— Знаешь, что странно? — спросила Эстер, не выпуская фотографию из рук. — Я всё время думала о возвращении сюда как о чём-то простом и приятном, а теперь даже не понимаю, что именно должно происходить дальше.

— Что именно? — спросил я, хотя по её голосу уже понял, что речь не о фотографиях.

— Я вернулась сюда, думала, что буду вспоминать старые места, встречаться с вами, гулять до вечера и ругаться с тобой из-за какой-нибудь ерунды. А за несколько дней успела оказаться в истории, где кто-то пишет про меня незнакомыми номерами, а я даже не знаю всех действующих лиц. Согласись, это совсем не тот план на лето, который я себе представляла.

— Добро пожаловать домой, — сказал я и тут же понял, насколько глупо это прозвучало. — Хотя, если честно, я надеялся, что твоё возвращение будет немного спокойнее.

— Очень гостеприимно. В следующий раз, когда будешь приглашать меня обратно, не забудь предупредить, что в комплект входит загадочный преследователь и испорченное настроение.

Я улыбнулся, но она не улыбнулась в ответ.

— Я серьёзно, Вилен. Мне не хочется, чтобы всё лето теперь состояло из ожидания очередного сообщения, проверки телефонов и разговоров о том, кто за кем следит. Я приехала не для этого, и не хочу отдавать кому-то возможность испортить нам каждый обычный вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.